

Рудольф Штейнер

Смерть как перемена жизни

Аннотация

Лекции в Берне и Цюрихе (1917 -1918 гг) были записаны профессиональной стенографисткой Еленой Финкх, другие — госпожой Геддой Гуммель. Только стенограф гамбургской лекции неизвестен. Печатный текст соответствует тексту, расшифрованному указанными стенографистами.

Заголовки лекций были даны не Рудольфом Штейнером. Лекции от 10 февраля, 30 апреля, 9 и 16 Октября были озаглавлены Марией Штейнер, остальные — издателем данного тома Полного Собрания.

GA 182. Перевод с немецкого 1,2,3,4,5,6 лекции; А. Демидов 7 лекция; М. Теппер, ред. А. Демидов

Смерть как перемена жизни

Лекция 1. Три царства умерших. Жизнь между смертью и новым рождением.

Мистерия Голгофы. Значение естествознания в наше время. Теология как препятствие для понимания Христа. Воздействие умерших и Христа на человеческую судьбу. Второе Пришествие Христа в эфирном (мире) Берн, 29 ноября 1917 г Перевод А. Демидов

Присоединяясь к рассмотрению вопросов, поставленных мною в одной из прежних лекций, я, тем самым, продолжаю эти рассмотрения; убежден, что именно теперь нам следует обсуждать данную тематику. По моему мнению, сейчас в открытых антропософских лекциях должны быть сказаны совершенно определенные вещи, вызванные знамениями нашего времени; люди должны их услышать. Точно также я считаю необходимым, чтобы среди нас самих были поставлены на обсуждение вполне определенные духовнонаучные истины.

В одной из прежних лекций речь шла о вращении, вживании в земную жизнь тех душ, которые прошли через порог смерти. Темой наших рассматриваний было: формы и способы воздействия импульсов, так называемых умерших на то, что здесь, на Земле совершается посредством людей; как создаются связи между силами так называемых умерших и живущих. Сегодня мы хотели бы добавить сюда кое-что из того, что внутренне принадлежит этой теме.

Прежде всего, необходимо уяснить себе, что эту жизнь между смертью и новым рождением мы можем обрисовать себе лишь в образной форме, с помощью картин, взятых из чувственно-воспринимаемого мира, из физической жизни, с помощью представлений, построенных нами в пределах этой физической жизни. Однако жизнь в области умерших представляет собой нечто такое, что лишь с большим трудом может быть понято посредством понятий и представлений, построенных нами в процессе земного бытия. Вот почему следует попытаться приблизиться к этой жизни с разных сторон.

Некоторая попытка такого рода была предпринята **в Венском цикле лекций**, — можно сказать, как раз перед тем, как разразилась эта мировая катастрофа, — где я говорил о жизни между смертью и новым рождением в связи с внутренними силами души. Сегодня мне, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что некая область, которая является и

должна являться для человека в земной жизни в некотором роде главной, — эта известная область исключается из опыта и из переживаний душ, прошедших через врата смерти.

Вы только представьте себе, сколь много мы, как земные люди получаем, благодаря представлениям, приобретенным нами из минерального и из растительного мира. К этим представлениям из минерального и растительного мира мы должны причислить все то, что мы получаем как представления, впечатления и восприятия из небесного пространства. Звездное небо над нами, Солнце и Луна, — насколько они во время нашего земного бытия в качестве восприятий дают физическую картину, — всё это целиком и полностью принадлежит к тому, что я сейчас причисляю к минеральной природе. Эта минеральная природа и, в существенной степени, — я подчеркиваю: в существенной степени, — растительная природа, оказывается, — в качестве природы, — исключенной из того, что воспринимают между смертью и новым рождением. То, что в этом направлении следовало бы подчеркнуть как особо характерное по отношению к переживаниям так называемых умерших, это следующее: если перед нами оказывается минеральная или растительная природа, мы, люди, здесь на Земле, имеем об этом вполне определенное сознание. При других обстоятельствах мы уже говорили о том, что было бы иллюзией, говорить об отсутствии в минеральном и растительном царствах боли или радости. Но, вследствие того, что мы, люди, совершаем какие-то действия, мы производим на минеральное, а также и на растительное царства такие впечатления, о которых мы с известным правом могли бы сказать, что они не оставляют таких последствий, которые могли бы вызывать боль или удовольствие, страдание или радость. Мы знаем, что если мы, люди, раскалываем камень, некоторые элементарные существа испытывают кое-какое удовольствие, или страдание, но до нашего обычного сознания это не доходит. Так что в пределах переживаний обычного человека можно говорить о том, что у него есть следующее чувство: если он дробит камни, если он предпринимает какие-либо действия в пределах минеральной, и, — в существенной степени, — растительной природы, он не причиняет своему окружению ни радости, ни боли.

Но дело обстоит совсем не так в том царстве, куда вступает человек, если он прошел через врата смерти. Прежде всего, надо уяснить себе то, что даже самое незначительное из того, что совершает там человек, — нам приходится пользоваться только словами нашей земной речи, — даже если он там всего лишь коснулся чего-то, такое действие связывается в этом духовном царстве или с удовольствием, или со страданием, и вызывает какую-либо симпатию или антипатию.

Итак, вы должны представить себе это царство умерших так, что если вы чего-либо касаетесь, вы не можете осуществить это прикосновение без того, чтобы то, к чему вы прикоснулись, не ощутило бы удовольствия или страдания, не развило бы какой-либо симпатии или антипатии. **Указания на это есть в моей книге «Теософия» («Духоведение»)**, где говорится о душевом царстве, и о том, что важнейшие силы этого душевного царства проявляются именно как сила симпатии и антипатии. Однако следует создать себе живое представление об этих вещах. При осознании взаимодействия между царством умерших и царством, так называемых живых, надо довести до сознания, каким образом следует представлять себе действия и волеизъявления умершего в своем царстве. Действуя, умерший все больше и больше вынужден осознавать следующее: он вызывает симпатию или антипатию, страдание или радость; все, что он делает, вызывает резонанс, — если можно так выразиться, — живого ощущения. Бесчувственности, — если это можно так назвать, — нашего минерального или растительного царства по ту сторону врат смерти просто нет.

Это, в известном смысле, характеристика самого низшего царства, в которое вступает человек, когда он проходит через врата смерти. Как здесь, когда человек через врата рождения вступает в физическое царство, в самую низшую область, в минеральное, так и там, соприкасаясь с духовным царством, он вступает в царство всеобщей способности ощущения, в царство правящей симпатии и антипатии. Внутри этого царства он (*умерший*) раскрывает свои силы, внутри этого царства он действует. Если мы представим себе, что он действует там, то мы должны будем одновременно представлять: от этих действий исходят

силы, постоянно несущие ощущения, силы, несущие симпатию и антипатию.

Что же в общих вселенских взаимосвязях означают эти силы, несущие симпатию и антипатию? Видите ли, тут мы переходим к главе, которая лишь посредством духовной науки может быть раскрыта для физической земной жизни, к главе, важность которой раскроется перед вами сразу, как только вы осмыслите все вытекающие последствия. Именно в наше время выступает многое, вынуждающее человека, который желал бы для объяснения мира придавать значение лишь тому, что находится в пределах физического мира, отказаться от объяснения, смириться на том, что объяснения он не видит.

Примером того, где в наше время отказываются от объяснения, служит принцип эволюции животных, населяющих вместе с нами Землю. Я должен обратить ваше внимание только на то, как всё, что выступает в новое время, оказывает поддержку этому так называемому эволюционному учению. Так сегодня с известным правом говорят об эволюции животного мира, принимая при этом, что этот животный мир развивается поступательно: от несовершенных существ к более совершенным. Было бы лучше сказать: он эволюционирует от недифференцированных существ ко всё более и более дифференцированным, и так вплоть до человеческой природы, насколько человек является физическим существом. Эта эволюционная теория по большей части уже вступила в общественное сознание человечества, оно в некотором смысле стало даже составной частью мировой религии человечества. При этом сами по себе религии, конфессии, прилагают усилия к тому, чтобы считаться с этим эволюционным учением. Они, — по крайней мере, в лице своих важнейших представителей, — уже не отваживаются на то, что имело место совсем недавно: на выступления против этой эволюционной теории. Они в некотором роде акцептировали её, примирились с ней.

И, тем не менее, если спросить: так что же действует в эволюции живых существ, когда такие живые существа эволюционируют от несовершенного к более совершенному, что вообще действует во всем, что можно наблюдать в животном мире, не только в его эволюции, но вообще в бытии животного мира? Как странно еще звучит для современного человека следующее; то, что выступает навстречу человеку, который, благодаря ясновидящему сознанию вступает в царство, населенное умершими, а также то, что действует в животном мире, управляя большей частью этого животного мира — суть силы, исходящие от умерших. Человек призван к тому, чтобы быть соправителем импульсов в Космосе. — В минеральном царстве человек должен делать только то, что он делает благодаря своей технике, используя машины и тому подобное, делает по законам минерального царства; в растительном мире человек работает как садовник, как растениевод. В период, который человек проводит между рождением и смертью, дела с растительным царством носят для него, скорее второстепенный характер. Но с тем царством, которое здесь на Земле выявляется в бытии животных (*то есть с животным царством — прим. перев.*) человеку приходится иметь дело сразу же после смерти, как только у него пробудятся силы, сразу же, как только он вступает в область сил, управляющих этим животным царством. Тут, внутри, он и работает. Это становится для него (*умершего*) основой, базисом его действий, подобно тому, как для нас основой является минеральный мир; такова теперь основа, почва, на которой он выступает там.

Подобно тому, как для нас, — в течение нашего бытия в физическом мире, — на основе минерального царства вырастает растительное царство, здесь тоже поднимается некое второе царство; оно поднимается на основе царства правящей симпатии и антипатии, продолжением которого является жизнь земного животного царства. Это второе царство действует в умершем, но не так, чтобы он ощущал удовольствие или страдание, не так, что он распространял продолжительные, действенные импульсы, несущие ощущения. Нет, это второе, поднимающееся здесь царство, взаимодействует с тем, что можно было бы назвать (*чередующимся*) укреплением и парализацией волевых сил, присущих умершему после смерти. Чтобы правильно судить об этих волевых силах, вы должны перечитать кое-что из Венского цикла (*лекций*), где я пояснил, что воля, которая присуща человеческой душе

между смертью и новым рождением, не вполне идентична с тем, что мы называем волей здесь, в физической жизни; но, тем не менее, мы можем говорить о воле, несмотря на то, что воля эта там совершенно иная, она пронизана элементом чувства и еще неким другим элементом, которого здесь на Земле вовсе нет. Эту волю, однако, надо представлять себе как нечто постоянно текущее то вверх, то вниз для человеческой души после смерти. Если кто-то общается с умершим, то душевная жизнь умершего переживается так: умершему в какой-то момент выступает навстречу следующее; он чувствует усиление своих волевых импульсов, он чувствует себя укрепленным в себе самом. В какой-то другой момент его воля надламывается, парализуется, некоторым образом застывает. Эта воля как бы протекает между усилением, укреплением и между расслаблением. Это протекание, течение воли между укреплением и расслаблением является значительной частью, важнейшей, существенной частью в жизни умершего.

Это укрепление и расслабление воли — суть импульсы, которые втекают не только в основу царства умерших, но втекают также и в человеческое царство здесь, на Земле. Однако эти импульсы втекают здесь не в мысли обычного сознания, а во всё то, что человек здесь переживает как волевые импульсы, а также и как эмоциональные импульсы. *Завтра я буду говорить об этом даже в открытой лекции* .

Отличительная особенность состоит в том, что человек, — как физический, земной человек, — ясно переживает в своем обычном сознании лишь восприятия своих органов чувств и свои мысли. Бодрствующее сознание существует лишь по отношению к этим восприятиям и мышлению; чувства, в сущности, нам только снятся, находятся на уровне грёз, тогда как волю, мы вообще просыпаем. Ведь никто не знает, — как знает он о своих мыслях, — что происходит, когда человек всего лишь поднимает руку, то есть когда воля разыгрывается в его телесности. Власть чувств тоже смутна, несмотря на то, что она яснее наличествует в сознании, нежели власть воли; тем не менее, власть чувств не более высветлена, чем то, что мы имеем перед собой как образы во сне. Страсти, аффекты, чувства, — они в действительности лишь грезятся, снятся; а воля даже и не снится. В том, что разыгрывается в повседневной жизни как сон, как грёзы, сновидения, — в этом мы живем вместе с умершим. Он живет вместе с душами, которые на Земле воплощены в физическом теле, он живет с ними точно таким же образом, как мы живем в пределах растительного мира; только мы внутренне не связаны с этим растительным миром, тогда как умерший внутренне связан с нашими чувствами, аффектами, с нашими волевыми импульсами, — во всём этом он продолжает жить дальше.

Это его второе царство. И в то время как мы в этой человеческой жизни развиваем наши чувства, наши ощущения, умерший, — в душевной форме, — продолжает жить с нами в этой жизни. Причём живёт так, что то течение, которое я описал как усиление и расслабление воли, парализацию и укрепление воли умершего, объединяется тут с тем, что здесь на Земле так называемым живым грезится как чувство, или остается в состоянии глубокого сна, как воля.

Из этого вы видите, насколько в действительности мало царство умерших отличается от нашего земного царства, видите, какая внутренняя связь имеется между этими царствами. Как было сказано, при нормальных отношениях, — есть и исключения, о которых я скажу после, — умерший не имеет дела с минеральным и растительным царствами. Однако он имеет дело с тем, что происходит в животном царстве. Это — своего рода почва, на которой он стоит. Но он имеет также дело и с тем, что происходит в человеческом царстве чувства и воли. В этом царстве мы совершенно не отделены от умерших. Дело обстоит так: проходя через врата смерти и переживая при этом (*вышеуказанное*) чередование укрепления и расслабления воли, умерший может жить в физическом теле с так называемыми живыми; однако не со всеми, и не с кем-нибудь. В этом отношении существует определенный закон: жить умерший может только с теми, с кем он как-либо связан кармически. То есть, некто, живущий здесь, но совершенно чуждый по карме, остается не воспринимаемым для умершего, он как бы совсем не существует (*для него*). Мир, который переживает умерший,

ограничивается посредством кармы, которая сплетается здесь, на Земле. Однако этот мир не ограничивается теми душами, которые находятся здесь, на Земле, но простирается и над теми душами, которые сами уже прошли через врата смерти.

Итак, это второе царство охватывает все связи, в которые человек кармически вступил с теми, кто ещё находится на Земле, и с теми душами, которые сами уже прошли врата смерти. Вот что поднимается на основе того царства, которое является общим для умерших, на основе царства животного бытия, причем нам не следовало бы слишком уж отождествлять его с земными животными. Я подчеркивал, что эти земные животные отражают то, что существует в духовном мире, — то есть отражают групповые души животных. В отношении умерших мы, в большей степени должны думать о духовном начале животности, на общей почве которой поднимается, — причем в совсем ином смысле, нежели это имеет место здесь, в земном царстве, — поднимается для каждого умершего индивидуальное кармическое царство; ведь один умерший заключает одни, другой — другие кармические связи. Ибо тут от (всего)человеческого царства выявляется лишь то, с чем были образованы кармические связи.

И еще один иной закон правит тут: он показывает, как, в сущности, строится это второе царство. Во-первых: то, что действует в этом царстве на умершего, укрепляя или расслабляя силы его воли, ограничено неким кругом. Он был сформирован в последней земной жизни, или может быть лишь в отдельной части этой земной жизни. Те, кто стояли особенно близко к умершему, те, с кем особенно тесно был связан прошедший через врата смерти, — вот те, с кем он особенно интенсивно живет. И только постепенно этот круг распространяется и на тех, с кем он вступал в отдаленные кармические связи.

Всё это ни в коем случае не продолжается одно и то же время для каждого, но для одного длится короче, для другого — длиннее. Нельзя установить из хода земной жизни, как пойдет (*этот процесс*) после смерти. Некоторые личности, некоторые души выступают в области умерших, когда их не ожидают, ибо из физической жизни легко можно сделать неправильные выводы. Но основной закон таков: этот круг постоянно расширяется. И полное вживание в этот круг происходит именно так, как я вам описывал в том **цикле лекций, где речь шла о жизни между смертью и новым рождением**. То, что было там описано мною, то, что выступает в жизни умершего, — это именно та самая расширяющаяся жизнь волевых импульсов, которые точно так же находятся в умершем, как находятся в живом человек представления. Посредством этих волевых импульсов умерший узнает, с их помощью он обладает своим сознанием. Это чрезвычайно трудно, — пояснить земным людям, что умерший, в сущности, обретает знание посредством воли, в то время как земной человек приобретает знание, главным образом, посредством представлений. Само собой разумеется, это затрудняет взаимопонимание с умершим.

Можно сказать, что то царство, в которое вживается умерший, то второе царство, расширяется всё больше и больше. Позднее, — однако, это «позднее» всегда относительно: у одного оно наступает раньше, у другого позже, — итак, позднее к непосредственным кармическим связям добавляются связи не прямые, косвенные. Но ведь и эти души со своей стороны опять-таки имеют кармические связи, которые не являются одновременно кармическими связями умершего, подразумеваемого мною. То есть, я хочу сказать: личность А имеет кармическую связь с личностью В, но не с личностью С. В этом случае видно, как умерший распространяет своё переживание на личность В, как он вышеописанным образом живет с ней. Затем, позднее, сюда добавляется то, что В становится связующим звеном, посредником по отношению с С, но А получает такое отношение косвенно, вследствие того, что В имеет кармическую связь с С. Благодаря этому кармическое царство расширяется, хотя и медленно, но постепенно до очень, очень большого поля. Человек становится в некотором роде всё богаче и богаче такими внутренними переживаниями, переживаниями, которые представляют собой, то укрепление, то расслабление воли, и которые должны дать нам возможность вжиться в царство умерших или живых душ, если мы прошли через врата смерти.

Существенная часть жизни между смертью и новым рождением состоит как раз в том, чтобы мы как души, — если я позволю себе выразиться тривиально, — делали все более и более отдаленные знакомства. Как здесь в земном бытии мы расширяем свой опыт между рождением и смертью, как здесь мы все больше и больше знакомимся с окружающим нас миром, так и там мы испытываем все больше и больше переживаний, состоящих в том, что человек ощущает бытие других душ так, что он знает: благодаря чему-то одному в этих душах он испытывает укрепление воли, а из-за чего-то другого — расслабление воли. В этом и состоит там наиболее существенная часть переживаний.

Отсюда вы можете увидеть, что это означает для общего космического бытия. Это означает, что существует не только связь взаимного единения, срастания между всем человечеством в целом, связь, о которой мечтали и грезили пантеисты и пантеистически настроенные мистики, но что фактически в известном отношении между смертью и новым рождением происходит спиритуальное знакомство между большей частью человечества по ту сторону Земли. Глядя на то, что мы переживаем между смертью и новым рождением, мы оказываемся не так уж далеко от земного человека. Это не абберрация, но действительная, конкретная связь.

Здесь на Земле, животное царство выступает в качестве третьего царства, стоящего над минеральным и растительным царствами; так и там, по ту сторону, в качестве третьего царства выступает некое царство иерархий. Мы созерцаем его как царство существ, которые никогда не проходили земного воплощения, но с которыми мы вступаем в отношения между смертью и новым рождением. Это царство иерархий там, наверху является также тем, что между смертью и новым рождением дает нам полную интенсивность нашего «я» — переживания. Благодаря двум первым царствам мы переживаем другое царство; нас самих мы переживаем благодаря иерархиям. Тем самым сказано также и то, что человек как духовное существо переживает себя в качестве сына, ребенка иерархий. Он сознает свою связь с другими человеческими душами, как я это описывал, но он, в то же самое время знает о себе, что он — дитё иерархий. Как здесь он должен чувствовать себя слиянием внешних природных сил окружающего Космоса, когда он познает себя в этом Космосе, так и там, по ту сторону, он чувствует себя, я бы сказал, как духовное существо, организованное из взаимодействия духовных иерархий.

Рассматривая себя как человека по отношению к так называемым низшим царствам, — что, впрочем, не должно вести нас к высокомерию и тщеславию, — мы видим, что мы, как люди поставлены на вершину царств природы. Мы проходим через врата смерти и находим себя там, по ту сторону, в качестве низшего иерархического царства, как слияние иерархических импульсов. Однако, этот совместный поток, это слияние идет там сверху вниз, тогда как здесь оно идет сверху вниз. Как здесь наше «я» погружено в нашу телесность, так что оно является экстрактом всей остальной природы, так там наша духовность погружается в иерархии, в экстракт иерархий, в то, о чём можно сказать: там наша духовность, наше духовное начало, — как здесь наша телесность, — является тем, во что мы облекаемся, если проходим врата смерти.

Итак, такое имагинативное познание способно составить себе представление об основных чертах жизни между смертью и новым рождением. Было бы крайне печально для человека, если бы он не мог составить себе таких представлений. Ведь вы только представьте себе: мы с нашей эмоциональной и волевой жизнью совершенно не отделены от царств умерших. То, что удаляется из нашего поля зрения — исчезает только из наших представлений и восприятий наших органов чувств. Это означало бы гигантский прогресс в развитии человеческого рода здесь на Земле, прогресс в отношении к той части земной жизни, которую этому человеческому роду надлежит прожить здесь, на Земле, если бы люди здесь смогли допустить в свое сознание следующее: в наших эмоциональных импульсах, в наших волевых порывах мы едины с умершими! — Смерть может похитить у нас всего лишь физический облик умершего. Но мы не можем ничего чувствовать без того, чтобы в той сфере, в которой мы чувствуем, не присутствовали бы умершие, мы не можем ничего

поволить, без того, чтобы в той сфере, где мы волим, не присутствовали бы умершие.

Перед этим я говорил об исключениях по отношению к минеральному и растительному царствам. Такое исключение играет роль особенно для нашего периода, для нашей эпохи. Для древних эпох это исключение не было столь актуально, не играло роли, но нам нет необходимости говорить об этом сейчас. В наше время, когда на Земле необходимым образом распространился известный материалистический образ мыслей, люди с легкостью упускают возможность усвоить спиритуальные представления в течение своей земной жизни. И **вчера я даже в открытой лекции обращал внимание на то** , как человек, упуская в течение своей жизни спиритуальные представления, оказывается привязанным к этой земной жизни, не может выйти за пределы этой земной жизни, и, вследствие этого, становится неким разрушительным центром. Многое из того, что внутри земной сферы содействует разрушительным силам, приходит от таких, привязанных к земной сфере умерших. По отношению к таким душам следует развивать сострадание, а не опускаться до каких-либо критических суждений. Ибо не очень легко переживается после смерти, — быть оставленным внутри того царства, которое, в сущности, не предназначено, не приспособлено для умерших. Таким царством в данном случае как раз оказывается минеральное и растительное царство, причем также и то минеральное царство, которое несут в себе животные, которое носит в себе человек. Ведь эти существа проникнуты минеральным царством. Для тех, кто не усвоил никаких спиритуальных представлений, дело обстоит так, что они с ужасом отстраняются после смерти от тех переживаний, которые повсюду вызывают ощущения; они не могут войти в то царство, которое правит здесь в животной духовности и в человеческом начале (*im Menschlichen*). Они могут войти только в то, что имеет минеральную природу. Я не могу обрисовать то, о чём здесь идет речь: во-первых, потому, что в речи для этого нет слов, а во-вторых, потому, что приближаться к тому, что лежит здесь в основе, следует лишь медленно и постепенно, поскольку такое сближение действительно таит в себе нечто страшное.

Не следует представлять себе, что такие умершие потом совершенно устранились от той жизни, которую я описывал перед этим; однако они приближаются к этой жизни лишь с известным отвращением, с некоторым страхом, они всё снова и снова обрушиваются назад, в растительное и минеральное царство, так как они по преимуществу развивали представления, имеющие значение лишь для последнего царства, царства мёртвого, царства физических механизмов.

Сегодня я рассматриваю как самую главную из моих задач: посредством таких представлений снова вызвать в сознании то, как содействуют умершие человеческому развитию, эволюции. Такие вещи сегодня хотелось бы сообщать даже на открытых лекциях; и этого нельзя делать лишь потому, что люди пока не впускают в себя такие представления, если они не ознакомились с ними в наших ветвях. Но если кто-то описывает жизнь между смертью и новым рождением, описывает связь той жизни с земным миром, он, тем самым, удовлетворяет потребности именно нашего времени, удовлетворяет, или, лучше сказать, ощущает эти потребности. Ведь наша эпоха уже относительно давно отбросила старые инстинктивные представления, где речь шла о царстве умерших; человечество должно усвоить новые представления. Оно должно выйти за пределы абстрактных представлений о высших мирах и говорить о духовности не только в общем, нет, человечество должно подойти к тому, чтобы действительно увидеть то, что действует как духовность. Оно должно уяснить себе то, что умершие не являются отмершими, нет, они и дальше живут в процесс исторического становления человечества, они действуют и дальше; человечество должно уяснить себе, что те силы, которые духовно окружают нас, с одной стороны представляют собой силы высших иерархий, но они являются также и силами умерших. Величайшей иллюзией, которой человечество может предаться в будущем, было бы то, если бы захотели поверить, что все развиваемое здесь людьми как социальная жизнь, как совместная жизнь здесь на Земле, с её чувствами и волей, что все это происходит помимо участия умерших, на основе чисто земных установлений и учреждений. Но на самом деле это не может

происходить посредством чисто земных установлений и учреждений, ибо в чувствах и волениях умершие действуют совместно с нами.

Речь идет вот о чем: насколько и как это возможно — правильным образом развить сознание об этом виде совместного бытия с духовным миром, развить на фоне импульсов нашего времени? Ведь развитие человечества идет так, что с его обычным сознанием здесь, в физическом теле человек всё больше и больше уходит из духовного мира. Мистерия Голгофы в пределах земного развития произошла, преследуя цель, чтобы человек, — как физический человек, — снова нашел правильный доступ, вход в духовный мир.

Мистерия Голгофы является не только единственным, и, как единственное, величайшим событием земного развития, она является событием, воздействия которого продолжают, это импульс продолжительного действия. Но человечество должно предпринять нечто для того, чтобы позволить этому импульсу действовать все дальше и дальше, причём правильным образом. Я уже долгое время всё снова и снова подчеркиваю, как задачи нашей духовной науки связаны с импульсом Голгофы, как духовная наука должна, известным образом быть в наличии, чтобы этот импульс Голгофы был правильно понят как в наше время, так и в будущем.

Вы можете быть уверены в том, что в качестве земной науки, которая в то же самое время формируется в своеобразную мировую религию, естествознание будет оказывать всё большее и большее влияние. К наиболее антикварным предубеждениям, предрассудкам в образе мыслей относятся такие глупости, как, например, выдвигаемые в мой адрес упреки в том, что я не противостояю враждебно естествознанию с его радикальным развитием. Однако тот, кто понимает ход земного развития, знает, что опровергнуть естествознание нельзя, что оно, напротив, будет распространяться всё дальше и дальше. И то, что религиозная вера отстраняется по всему миру от естествознания, не следует как-либо останавливать, это пройдет; пройдет неотвратно, на благо человечеству. Это будет длиться совсем недолго, может быть лишь несколько десятилетий, а затем ни одна из религиозных конфессий не отважится выступить против того, что даже самые простые, самые примитивные люди усвоят себе как сознание чисто природного бытия, усвоят то, чем занимается естествознание. В этом, с одной стороны, можно дать гарантию.

Но с другой стороны наверняка выступит нечто иное. С другой стороны, верно, что по мере того, как это чисто естественнонаучное мировоззрение будет захватывать души, сама по себе духовность, духовное начало будет встречать все менее и менее заботы со стороны этого естествознания. Духовное должно быть поддержано, охраняемо с другой стороны, — причем столь же строго научно, также, как со своей стороны естествознание признаёт природное бытие: ибо это познание, это признание природного бытия становится всё более и более необходимым для выполнения тех задач, которые человек в будущем должен будет исполнять между рождением и смертью. Но с другой стороны к нему должно подходить то, что поднимает его в духовный мир.

Основным импульсом для самых широких, отдаленных кругов стало возвешение о Мистерии Голгофы, в той форме понимания, которая существовала до сих пор; это особенно обнаруживается в наше время. Сегодня уже можно сказать: наиболее активными врагами этого понимания Христова импульса (*Christus - Impuls*) являются священники различных конфессий, — как бы странно это не звучало. Но что больше всего отдаляет людей от Христова импульса, так это та форма, тот способ, в которых священники разных конфессий и теологи представляют этот Христов импульс. Ведь конфессии сегодня уже очень, очень далеки от понимания того, о чём, в сущности, идет речь, если имеют дело с импульсом Христа.

Сегодня в мои намерения не входит говорить обо всех существенных вопросах относительно импульса Христа. По ходу времени мы иногда резюмировали кое-что на эту тему, и еще будем это делать. Но мне хотелось бы выделить одно, то, что особенно в нынешнее время выступает по отношению к импульсу Христа совершенно особенно. Это то, что людям уже пора увидеть, что этот Христов импульс должен действовать в смысле в

высшей степени ином, нежели другие исторические импульсы. Хотя люди и видят это, они постоянно идут на какие-либо компромиссы. Они действуют половинчато, на цельность у них не хватает мужества. Необходимо увидеть относительно Христова импульса то, что в соответствие с методами обычной истории сказать что-либо об этом Христовом импульсе вообще невозможно. Ведущие теологи говорят, что не может быть и речи о том, что Евангелия являются истинными в обычном историческом смысле слова; то, что можно было бы привести в качестве исторических, историографических доказательств жизни Христа **можно уместить на четверти страницы** , — вот что говорят знаменитые теологи. Итак, все известные теологи современности согласны с тем, что на Евангелия нельзя полагаться, если хочешь иметь с ними дело как с историческими источниками. Нет никаких доказательств того, что они отображают исторические факты. Такие утверждения сегодня являются само собой разумеющимися. Однако то, что может быть приведено в качестве исторического подкрепления, подобно тому, как имеющиеся исторические документы для других персонажей мировой истории, — это, как говорят известные историки, можно уместить на одной четверти страницы. Самым значительным тут является то, что даже стоящее на этой четверти страницы не является истиной в обычном историческом смысле.

Человечество должно признаться себе в том, что исторических оснований, как это имеет место в случае **Сократа** или **Цезаря** , для подтверждения бытия Иисуса Христа на Земле нет, но что это бытие следует понимать духовно. Это самое существенное в этом деле. В Мистерии Голгофы человечество должно было получить нечто такое, относительно чего оно должно было бы, — если оно хочет опираться только на физические свидетельства, — впасть в заблуждение, не будучи в состоянии ничего получить посредством физических свидетельств, или понимать Мистерию Голгофы духовным образом.

В отношении всего прочего человечество вольно разыскивать исторические свидетельства, относительно же Мистерии Голгофы людям в самом серьезном смысле не потребуются исторические свидетельства, но человечество принуждено понимать это наиболее важное событие на Земле не физически-историческим образом, а делать при этом ставку на духовное понимание. Кто не сможет понять Мистерию Голгофы без исторических документов, на основе духовного постижения нашей земной эволюции, тот вообще не сможет её понять. Такова воля, — можно сказать — воля Богов. Человечество по отношению к важнейшему событию Земли должно быть принуждаемо к спиритуальности. Оно может понять Мистерию Голгофы, — в ином случае она всегда будет опровергаться с исторической точки зрения, — если оно поднимется к духовному постижению мира.

Лишь духовная наука как таковая может говорить о реальности Мистерии Голгофы. Можно сказать: всё остальное есть антиквариат. Прочтите как-нибудь **достойную внимания книгу одного теолога** , который описывает все теории нового времени об Иисусе, от **Лессинга** до **Вреде** , и вы найдете, что такое отображение доказывает, что в этой области история должна быть, в сущности, побеждена, преодолена, что должно выступить некое новое понимание. И это новое понимание может быть найдено только на духовнонаучном пути.

Если мы это поймем, мои дорогие друзья, то в нашем времени наступит тот момент, в который люди духовным образом смогут испытать продолжение действия Мистерии Голгофы. Поэтому я говорил о духовно-эфирном Втором Пришествии Христа в XX веке и **отобразил это событие в первой Дrame—Мистерии** (*«Врата посвящения» — примеч. перев.*) . Однако это должно быть духовным переживанием, даже духовно-ясновидческим переживанием. Вот так, внутренним образом Мистерия Голгофы связана с необходимостью поднятия человечества к спиритуальности в наше время. И как верно то, что человечество, начиная с нашего времени должно подниматься к некоторой спиритуальности, также верно и то, что оно должно, начиная с нашего времени понимать, что Мистерия Голгофы впредь в будущем может быть понята лишь спиритуально, что христианство должно развиваться дальше спиритуальным образом. Не исторически, в соответствие со смыслом исторических исследований и традиций должно далее развиваться христианство. Речь здесь, однако, идет о

том, что сказанное мною, опять—таки не следует понимать абстрактно, не следует верить в то, что с помощью пары понятий можно охватить значение Мистерии Голгофы, как это часто делают и делали раньше. Нет, к этим вещам необходимо подступать в полной конкретности; надо не только формировать представления о Христе и Его деяниях, надо известным образом суметь обрести царство Христа в нашем земном царстве. Христос включён в наше земное царство, и надо только суметь найти Его область.

Естественная наука, будучи развита до наивысшего совершенства, создает картину мира, такого, каким он может быть, не привлекая при этом на помощь Мистерию Голгофы. Естественная наука из себя самой никогда в течение земного развития не заходила столь далеко, чтобы физики или биологи, основываясь на своих предпосылках, говорили о Мистерии Голгофы. Но постепенно всякая наука, говорящая о происходящем вокруг нас от рождения до смерти, будут все больше становиться естественной наукой. Наряду с нею, духовная наука должна будет творить, исходя из духовного царства.

Речь тут идет вот о чем; как найти не только просто науку, но науку, находящуюся внутри духовного царства, так, чтобы мы исследовали не только (*внешнюю*) природу? Ведь в природе мы никогда не найдём Христова импульса. Как искать то, что само по существу связано с духовным царством, коренится в нём, а не является просто знанием о нем? Из того, что я говорил, вы уже знаете, что к тому сознанию, которое будет у современного и у будущего человечества, к чисто природному сознанию, сознанию природных фактов, подступит сознание иного рода. Должно будет подступить совершенно иное сознание. Для этого сознания высшим пиком будет необходимость постижения Мистерии Голгофы как спиритуального факта. Но то, что является необходимым по отношению к Мистерии Голгофы, — её спиритуальное созерцание, — должно быть распространено на остальную жизнь. Но это означает ни что иное, как то, что в человеческом сознании должно будет, помимо чисто природного рассмотрения, появиться совершенно иное рассмотрение вещей.

Это грядущее рассмотрение вещей, должно прийти вследствие того, что человек научится, точно так же, как он глядит в чувственный мир благодаря своему чувственному восприятию, смотреть в мире на ход своей судьбы в большом и в малом. Что я имею в виду? Сегодня человек еще мало обращает внимания на течение своей судьбы. Но давайте рассмотрим экстремальный случай. Я хочу рассказать вам об одном случае, который может привести нас к тому, что я, в сущности, имею в виду, — один случай из тысячи. Таких случаев можно было бы пересказать тысячи, бесчисленное множество тысяч. Один человек вышел из своего дома для прогулки по дорожке, там, где он часто ходил. Она вела его по горному склону вверх, к скалистому плато, с которого открывался очень красивый вид, перспектива. Он часто посещал это место, откуда открывался вид, это была, так сказать, обычная прогулка. И вот, в то время как он однажды прогуливался там, ему, как бы ниоткуда, пришла мысль: берегись, будь осторожен! И в духе он услышал, — это не было галлюцинацией, это происходило в духе, — как голос говорит: зачем ты идешь этой дорогой? Неужели ты хоть раз не можешь отказаться от этого развлечения? Это он услышал в духе. Это заставило его задуматься: он отступил в сторону, какое-то время подумал, — и тут огромный кусок скалы промчался вниз, именно по тому месту, на которое он должен был вступить, если бы он не отступил в сторону; этот камень убил бы его наверняка.

Я прошу вас однажды задать себе вопрос: что же здесь сыграло судьбоносную роль? Ведь что-то сыграло здесь роль. Человек этот жил и дальше. Жизнь многих людей на этой Земле была связана с его жизнью. Всё это стало бы совсем иным, если бы кусок скалы убил этого человека. Тут ведь что-то произошло. Попытайтесь объяснить это происшествие с помощью законов природы, и вы, конечно, не придёте к тому, что сыграло здесь судьбоносную роль. Конечно, с помощью законов природы вы сможете объяснить, почему кусок скалы оторвался, и почему тот человек был бы убит, когда этот кусок скалы падал вниз, и так далее. Но во всем том, о чем в этом деле может идти речь относительно явлений природы, нечто судьбоносное отсутствует, оно тут оказывается ни при чём.

Я рассказал вам об экстремальном случае. Но, мои дорогие друзья, из таких вещей

складывается вся наша жизнь, насколько сутью нашей жизни является судьба. Вот только человек не замечает этого, не принимает к сведению; он уделяет таким вещам не такое внимание, как уделяет он тому, о чем, как о природных фактах, сообщают ему его органы чувств. День ото дня, час за часом, мгновение за мгновением происходят вещи, которые описываются лишь в экстремальных случаях, как тот, который я только что описал. Вы только представьте себе, как часто вы, — а ведь такие вещи надо рассматривать именно на примере мелочей, — хотите уйти из дома, но задерживаетесь на полчаса. Такие, или подобные вещи происходят в жизни тысячекратно. Вы видите лишь то, что происходит потом, когда вы уже задержались на полчаса: но вы не принимаете в расчёт, что произошло бы нечто совсем иное, уйди вы на полчаса раньше!

Так в нашу жизнь постоянно вторгается совершенно иное царство, царство судьбоносного, на которое современный человек еще не обращает внимания, поскольку направляет свой взор лишь на то, что только что произошло, а не на то, что постоянно удаляется из его жизни, отчего он в жизни уберегается. Вы ведь не можете знать, что, предприми вы три часа назад нечто такое, от чего вы были удержаны, вы не сидели бы здесь, а возможно, вас уже не было бы в живых. Ведь вы всегда видите лишь то, где уже во всем своем многообразии были задействованы духовные импульсы для того, чтобы оно наступило. Вы по большей части посредством обычного сознания не предполагаете, насколько то, что вы делаете в жизни, является результатом сопутствующих, содействующих духовных импульсов. Если вы будете обращать на это внимание, вы поймете, что царство судьбоносного существует так же, как природное царство, и тогда вы найдете, что по содержанию это царство судьбоносного начала ничуть не беднее, чем природное царство, царство природного. Но в этом царстве судьбоносного начала, в особенном разрезе со всей ясностью выступает перед рассудком человека только то, что происходит в экстремальных случаях, как тот, который я описал перед этим. В этом царстве судьбоносного начала воздействует то, что я только что описал. Тут импульсы умерших оказывают воздействие в чувствах, в волевых импульсах, через которые реализуется судьбоносное начало. И пусть даже человека, говорящего нечто подобное, «самые умные» сегодня рассматривают как суеверного глупца. Тем не менее, правда то, что с не меньшей точностью, с которой формулируют сегодня законы природы, можно сформулировать, высказать и то, что каждому человеку, которому голос сообщает нечто, этот голос несет сообщение от того или иного умершего, приказ от какой-либо иерархии; что постоянно, с утра до вечера, и особенно с вечера до утра в течение нашего сна в нас действуют импульсы умерших и импульсы духовных иерархий, причем действуют судьбоносно.

Но вот я обращаю ваше внимание на следующее. Вы уже кое-что слышали *о демоне Сократа*, сократовском демоне; как Сократ, мудрый грек, говорил о том, что все, что он делает, находится под воздействием некоего демона. Я говорил об этом демоне Сократа в своей маленькой книжке *«Духовное водительство человека и человечества»*. В *моей новой книге «О загадках души»*, где во второй главе идет речь об индивидуальности одного ученого, Дессуара, можно увидеть, как *Дессуар* тоже занимался такими вещами; там я тоже указываю на этого демона Сократа. Сократ осознавал то, что действует во всех людях. Вплоть до Мистерии Голгофы были такие известные существа, которые задавали правильное направление воздействиям умерших на человеческую жизнь. Эти существа потеряли свою силу во время Мистерии Голгофы, и на их место вступил Христов импульс. И теперь импульс Христа, — в соответствие с духовной наукой, — связан с судьбоносным началом человека. В сфере наших эмоций и нашей воли, вышеописанным мною образом действуют силы, импульсы умерших. Умершие действуют; но они же переживают попеременное укрепление и расслабление воли. И это царство умерших является земным царством; оно точно также как и природное царство, является земным царством. Однако тот импульс, который живет со времени Мистерии Голгофы, с того времени является Христовым импульсом. Христос является правящей, дирижирующей властью в том царстве, которое я описал вам. Тем самым основывается не только учение о Мистерии Голгофы; в будущем

должны будут знать: наш мир пронизан царством судьбоносного начала, как другим полюсом по отношению к тому, где мир пронизан природными фактами, явлениями природы. Это царство судьбоносного сегодня еще мало принимают во внимание. Но на него должны обращать внимание, точно так же, как обращают внимание на царство природного. Но человек будет, в то же самое время знать, что в этом царстве судьбоносного он связан с умершими, человек будет знать, что в том царстве, которое для нас является общим с умершими, находится также и царство Христа, что Христос благодаря Мистерии Голгофы спустился на Землю со своей активностью, чтобы на Земле с нами, людьми, сообща владеть тем, чем мы владеем вместе с умершими, насколько эти умершие действуют в земной области; я имею в виду теперь не исключительный случай, а обычный, нормальный.

Если это будет не просто абстрактной истиной, не просто понятийной истиной, — такой вот «воскресной» истиной, о которой часто вспоминают, потому что кому-то пришло в голову, что это верно, — но если человек будет, столь же осознанно странствовать в этом царстве судьбы, как осознанно странствует он в царстве чувственных восприятий, если он, подобно тому, как он проходит по миру, глядя на него своими глазами, будет чувствовать себя вотканным в это царство судьбы, и в этом царстве судьбы чувствовать силы Христа вместе с силами умерших, тогда, мои дорогие друзья, человечество будет развивать настоящую, конкретную, эмоционально окрашенную жизнь с умершими. Человек, ощущая то или иное, содействуя тому или иному, будет переживать, что он существует при этом вместе с любимым умершим, любимым, перешедшим по ту сторону. Жизнь станет бесконечно богаче.

Теперь мы, может быть, и не забываем, — в том смысле, как это принято называть, — о наших умерших; мы храним воспоминания о них. Однако некая интенсивная жизнь, — а только это и может быть настоящей жизнью, поскольку в ином случае жизнь просыпают, просыпают её судьбоносность, — некая интенсивная жизнь захватит человечество. Это приведет к тому, что не одни только воспоминания будем мы сохранять об умерших, но будем знать: если ты нечто делаешь, если ты предпринимаешь какой-то шаг, если тебе нечто удастся, тебе помогает, тебе содействует тот или иной умерший. Связь с умершими не будет расторгаться, она сохранится. Это обогащение жизни предстоит человечеству как перспектива в земном будущем. И если теперь у нас пятая послеатлантическая эпоха, то эта пятая послеатлантическая эпоха действует, главным образом, для воспитания человечества в указанном направлении. Человечество не сможет пережить шестую послеатлантическую эпоху, если оно не научится, не сумеет правильным образом почувствовать эти вещи; принять в сознание реальность, действительность судьбоносного начала, так же как сейчас человечество принимает реальность природного начала.

Увидеть во всей её конкретности связь Мистерии Голгофы с проблемой смерти, — вот то, на что я хотел указать сегодня. Это внутренне связано с тем, что должно сегодня вступить в сознание человечества. Ибо сегодня среди множества недостатков у человечества имеется и тот, что оно потеряло возможность переживать настоящую реальность в своих эмоциональных и волевых импульсах. Человечество мало по малу предалось большой иллюзии; что будто бы оно может формировать земные переживания по земным законам, — это величайшая иллюзия, какой только могут предаться люди. Большая иллюзия, которая достигает своего апогея, своего рода радикального экстремума, например, в материалистическом социализме. Последний, конечно, никогда не был бы в состоянии допустить, что если мы делаем между собой хотя бы самое незначительное, нам содействуют умершие, который считает, что всё упорядочено в соответствие с чисто экономическими, то есть с чисто физическими законами. Это один экстремум. С другой стороны находится другой экстремум, другая крайность, о которой грезят сегодня всевозможные так называемые идеалисты; отказавшись от всего спиритуального, создать по всему миру чисто прагматическую, внутригосударственную и межгосударственную организацию, с помощью которой, якобы, можно было бы остановить войну. Люди будут убеждаться в том, то предаваясь таким иллюзорным переживаниям, они не остановят и не устранят то, что они

хотят устранить, а лишь в многократном размере наклинут, спровоцируют именно то, что они хотели бы устранить. В этих вещах наличествует добрая воля. Это то, что должно проявиться из материалистического осознания времени как некая политическая вершина, геополитический пик; однако все это приведет дело к полюсу, прямо противоположному тому, чего хотели бы достичь. Речь здесь идет о том, что на Земле должно распространиться понимание судьбоносного начала, что это судьбоносное начало должно охватить также законодательные, политические организации, ибо они представляют собой фундамент структуры социальных отношений. То, что не желает сопутствовать этому духовному развитию человечества, обречено на распад, оно будет лишь разрушаться, вырождаться. Оно внутренне связано с тем, на что указывают сегодня знамения времени (*то есть — с войной — прим. перев .*). Нам здесь не следует активизировать какие-либо, грубо говоря, политические устремления, мы, конечно, не станем этого делать. Но требования времени должны увидеть именно те, кто хочет направить свой взор на духовное развитие человечества. Должно быть понято следующее: на пути, по которому почти повсюду идут сегодня, можно только потерять Христа; обрести же Его как единственного, справедливого Царя и Владыки Земли можно только посредством возвышения человечества к спиритуальности. Вы можете быть уверены в том, что если Христа ищут не так, как ищут Его сегодня отдельные конфессии, — которые в последнее время удивительным образом идут на всевозможные компромиссы в вопросе понимания Христа, которые и тут, и там поклоняются Христу как богу войны, — если Христа ищут там, где Его следует искать во всей Его реальности, и люди при этом принимают за реальность царство судьбоносного начала, Христа будут находить так, как мы сегодня указали на это. Затем будут созданы и те межгосударственные организации, знаменующие собой действительное распространение христианства на земном шаре.

Мы пока еще не близки к этой цели, и вы можете это увидеть, обладая хотя бы небольшой рефлексией. Представьте себе, что вы всем тем людям, которые теперь говорят о том, как хотели бы они установить мир во всем мире, которые предлагают все эти программы, — кто не говорит об этом!? — представьте себе, что всем тем людям противопоставили программу, как сделать Христа доступным для человечества, — тогда настал бы мир, настал бы продолжительный мир, насколько он вообще возможен на Земле. Представьте себе, что сказали бы различные союзы, которые, исходя из совершенно «доброй воли», если бы им это предложили? Мы уже имели опыт, когда ***программа мира исходила от наместника Христа на Земле*** . Но много ли можно было в ней прочесть о Христе?!

Я знаю, что эти вещи в современности не воспринимаются с подобающей серьезностью. Однако, если они не будут приниматься серьезно, человечество не сможет избрать путь к исцелению. Точно также, как есть необходимость в спиритуальном понимании Мистерии Голгофы, так есть необходимость, чтобы человечество понимало знамения времен так, чтобы оно действительно увидело в духовной науке нечто такое, без чего внешнее социальное устройство в будущем было бы невыполнимо. Завтра я буду затрагивать этот вопрос в открытой лекции, хотя и в иной форме.

Вот то, что мне хотелось присоединить в качестве второго рассмотрения к первому, которое мы проводили в прошлом на тему о совместной жизни так называемых умерших с живыми.

А теперь, в заключение мне хотелось бы сделать здесь одно малоприятное для меня замечание, которое я уже делал в других ветвях. Большинству дорогих друзей оно уже хорошо известно, но я вынужден сделать его в целях уточнения. Мне неизвестно, знаете ли вы о распространении невероятно клеветнических слухов; приходится удивляться тому, как подобная дрянь могла проникнуть в душевные импульсы и смогла распространиться в мире; духовнонаучное движение должно быть защищено от этой, — я уже могу сказать, — от ***этой подлой клеветы***. В следствие этого возникает необходимость, чтобы в ближайшее время, без ущерба для того, что должно служить для наших друзей, ищущих эзотерического

развития, — были прекращены приватные дискуссии в обычном смысле, прекращены личные обсуждения. Ибо именно из этих приватных дискуссий, личных обсуждений и возникает эта клевета. Итак, первое, — это то, что я по необходимости должен просить наших друзей смотреть за тем, чтобы, прежде всего такие приватные дискуссии, такие личные обсуждения не имели места, не могли состояться. Однако, было бы недостаточно, если вы только скажете об этом; это должно быть дополнено таким образом: кто хочет, — само собой разумеется, только тот, кто хочет, — может откровенно рассказывать все, что было сказано и происходило на таких приватных дискуссиях. Это ничего, если говорят правду о том, что каким-либо образом оставалось скрытым внутри нашего движения.

К этим двум мерам я принужден прибегнуть. Дайте мне какое-то время; будут найдены другие пути и средства, чтобы каждый обрел своё духовнонаучное право (*dass jeder zu seinem geisteswissenschaftliche Rechte kommt*). Однако, духовнонаучное движение не должно задерживаться на таких совершенно неподобающих ему вещах. Вот почему именно те, кто верно и честно принадлежат к нашему движению, должны понять, что подобные дискуссии, обсуждения на бытовом уровне не должны больше иметь места, но что я, с другой стороны, освобождаю каждого от каких-либо обещаний. Каждый может, — но никто, само собой разумеется, не обязан, — каждый может, сообщать исходящее от меня повсюду, (то, что он хочет), ибо нет ничего, о чём нельзя было бы говорить, если это рассказывается правдиво, в соответствие с действительностью. Но, тем самым, констатируется то, что обе эти установки должны быть приняты. Мне очень горько, что я вынужден делать это сообщение; но я знаю, что именно те наши друзья, которые наилучшим образом относятся к нашему движению, вполне видят необходимость таких сообщений, и проявляют сочувствие в этом вопросе.

Сейчас нам необходимо осознать серьезность положения, в котором мы находимся в наше время. И потому для меня это совместное пребывание теперь является, я бы сказал, особенно важным, серьезным событием; сейчас, в это катастрофическое время мне особенно хотелось бы, чтобы мы совершенно честно, по-настоящему прониклись сознанием необходимости сплоченности, единства по отношению к нашему антропософскому тезису единства в духе. Если мы в течение времени не сможем обрести друг друга пространственно, в духе мы остаемся вместе. Наилучшее пожелание, которое я даю вам, я вижу в том, чтобы мы снова оказались вместе, а некоторое время могли быть вместе только в духе.

Лекция 2. Смерть как перемена жизни

Отношение к умершим. Действия умерших в крови и нервной системе. Реверсивный принцип при общении с умершими. Засыпание и пробуждение. Связь эмоциональной жизни с представлениями. Отношение к умершим в более раннем и более позднем возрасте: боль сочувствия и эгоистическая боль. Похоронный ритуал для умерших в молодости и для старых умерших. Историческая, социальная и этическая жизнь зависит от общения живых и умерших. Нюрнберг 10 февраля 1918 г. Перевод А. Демидов

В тех рассматриваниях, которые мы предпринимаем в области нашей духовной науки, заключено порой то, что, как кажется, мы не можем применить непосредственно в области повседневной жизни. Но это всего лишь видимость. То, что мы узнаем о тайнах духовного мира, всегда, каждый час, каждое мгновение имеет большое, глубинное значение для нашей души. И то, что кажется далеким от нас лично, оказывается как раз очень близким к тому, в чем нуждается наша душа в её наиболее внутренних глубинах. В случае физически-чувственного мира дело обстоит так, что мы знакомимся с ним, чтобы узнать его содержание. В случае духовного мира дело состоит, главным образом в том, что мы сами должны представлять себе, обдумывать то, что он дает нам как мысли, как представления; затем эти мысли работают в нашей душе порой совсем бессознательно. И то, над чем работает тогда душа, может казаться далеким от неё; но на самом деле оно может быть

близко к высшему в нашей душе.

Итак, сегодня мы хотим заняться рассмотрением, которое мы уже часто предпринимали с определенной точки зрения; однако сегодня мы снова предпримем его с другой точки зрения. Давайте займемся тем, что, по всей видимости, так далеко от нас, людей, в этой физической жизни; займемся жизнью, которая протекает между смертью и новым рождением. Именно сегодня мне хотелось бы в простой форме рассказать вам о кое-каких результатах духовных исследований, рассказать после того, как мы хорошо подготовимся к тому, чтобы правильно понять их. Распознать, понять эти вещи человек может, если он будет всё снова и снова по новому обдумывать их; благодаря своим собственным силам они становятся понятными в душе. А тот, кто не понимает их, должен, прежде всего, убедиться в том, что он еще недостаточно часто обдумывал их. Открыты они могут быть посредством духовной науки, но понятными они могут стать, если мы все чаще и чаще будем прорабатывать их в душе. Тогда они будут подкрепляться фактами, которые встретятся нам в жизни, если мы будем рассматривать эту жизнь точно; они будут подкрепляться фактами из жизни.

Прежде всего, я хочу сказать, что, — как это следует из различных наших циклов и из прочих рассмотрений, — что существует одно затруднение, если мы рассматриваем жизнь между смертью и новым рождением. Это затруднение состоит в том, что эта жизнь совершенно, совершенно иная, нежели та, что мы можем представить себе здесь в физическом мире, посредством органов физического тела. Нам надо ознакомиться с совершенно другими представлениями.

Если здесь, на физическом плане, мы вступаем в отношение с вещами, находящимися вокруг нас, то мы знаем, что лишь малая часть существ, окружающих нас в физическом мире имеет такое отношение к нашим собственным действиям, к нашему собственному волеизъявлению, что об этом отношении мы можем сказать: наше собственное волеизъявление приносит горе или радость тому, кто находится в нашем окружении. — Это мы можем сказать относительно той части нашего физического окружения, которую мы причисляем к царству животных и к царству людей. И напротив, — хотя мы знаем, что при духовном рассмотрении вещей дело обстоит иначе, но об этом речь теперь не идет, — и напротив, мы с полным правом убеждены в том, что вся минеральная природа, включая всё то, чем являются воздух и вода, а также по большей части растительная природа — бесчувственны по отношению к тому, что мы называем удовольствием и страданием, если поступки исходят от нас самих.

В том окружении, в котором находится так называемый умерший, дело обстоит не так. В том окружении, где находится так называемый умерший, всё, что принадлежит этому окружению таково, что действия этого умершего пробуждают в этом окружении или удовольствие, или страдание. Умерший вообще не может ничего сделать, он не может даже, — если я позволю себе выразиться образно, — пошевелить своими членами, без того, чтобы из-за того, что он делает, в его окружении не было бы пробуждено удовольствие или страдание.

Тут только надо правильно всё это себе представить. Надо усвоить мысль, что жизнь между смертью и новым рождением устроена так, что всё, что мы делаем, вызывает эхо в окружении; что мы в течение всего времени между смертью и новым рождением всегда стоим перед тем, что мы не можем ничего сделать, что мы не можем, говоря образно, даже пошевелиться, не вызвав тем самым удовольствие или неудовольствие в нашем окружении. Ибо то, что здесь, на физическом плане мы имеем в нашем окружении в качестве минерального царства, для умерших не существует. Точно так же не существует для них нашего обычного растительного царства. Эти царства, как вы можете узнать из моей книги **«Теософия» («Духоведение»)** существуют там, но в совершенно иной форме. В том виде, как они существуют здесь, в виде бесчувственного царства, они в духовном мире не существуют. Первым царством из тех, которое существует здесь, на физическом плане, и которое имеет некоторое значение для умерших вследствие того, что его можно сравнить с

тем, что имеют умершие в своём окружении, — это животное царство. Только это, конечно, не отдельные животные, которые существуют здесь, на физическом плане, но всё окружение таково, что оно действует, как действуют животные. Всё окружение реагирует так, что от того, кто что-либо делает, исходит удовольствие или страдание. Будучи здесь, на физическом плане, мы стоим на минеральной почве; умершие стоят на такой почве, живут в таком окружении, которое мы в этом смысле могли бы назвать животным окружением. Итак, с самого начала умерший живет двумя царствами выше (*то есть выше минерального и растительного — прим. перев.*). Вся жизнь между смертью и новым рождением состоит, — имея в виду наиболее внешнюю деятельность, — в изучении (*животного царства*), причём не таким, как мы изучаем животное царство здесь, — ведь мы здесь изучаем его лишь внешним образом, с внешней стороны. Вся жизнь между смертью и новым рождением состоит в том, что человек всё более и более точно изучает животный мир как таковой. Ибо в этой жизни между смертью и новым рождением человек должен подготовить все те силы, которые, исходя из Космоса, организуют наше тело, о чём мы здесь на физическом плане совсем ничего не знаем. Как будет сформировано наше тело вплоть до его малейших частей, это человек узнает между смертью и новым рождением. Ибо это физическое тело человек подготавливает в некотором смысле, как сумму всей животности. Он строит его сам.

Чтобы точнее овладеть этим представлением, надо в любом случае ознакомиться с одним понятием, с одной идеей, которая весьма чужда современному человеку. Нынешнее человечество хотя и убеждено в том, что если стрелка компаса ориентирована с севера на юг, то есть показывает одним концом на север, другим — на юг, это свойство относится не к самой магнитной стрелке, но Земля как целое является космическим магнитом, один полюс которого направлен на юг, другой — на север. Следовало бы считать глупостью, если бы некто стал утверждать, что стрелка показывает направление только посредством сил, заключённых в ней самой. Однако в том случае, когда из зародыша развивается животное или человек, вся наука сегодня, всё мышление отрицает космическое воздействие. То, что в случае магнитной стрелки рассматривают как глупость, принимается как должное, если, скажем, в курице формируется яйцо. Однако, если в курице формируется яйцо, в этом фактически принимает участие весь Космос; здесь на Земле, возникает лишь побуждение к такому формированию. Всё то, что формируется в яйце, является выражением космических сил, и сама курица, — так же как и в случае человека, — является лишь местом,местилищем, в котором Космос, вся мировая система всё это формирует. Вот с чем надо познакомиться. И вот со всей этой системой сил, протягивающейся через Космос, совместно работает, сотрудничает человек между смертью и новым рождением в обществе высших существ, с существами высших иерархий. Человек всегда работает между смертью и новым рождением; он не остаётся праздным, безработным, он там работает в духовном.

Первое царство, с которым знакомится человек, это животное царство. С тем, чтобы он осуществлял это знакомство правильно, связано, главным образом, следующее; если человек попробует сделать что-либо неправильно, он должен будет тотчас же испытывать боль, страдания его окружения. Если же он делает что-то правильно, он испытывает удовольствие его окружения, радость его окружения. Таким образом, он прорабатывает себя насквозь, производя удовольствие и радость; он прорабатывает себя так, что, в конце концов, его душевное обретает такую форму, что оно может спуститься вниз и гармонировать с тем, что будет жить на Земле как физическое тело. Душевное начало ни в коем случае не смогло бы спуститься вниз, если бы оно само не выработало физическую форму.

Итак, животное царство суть то, с чем приходится знакомиться вначале. Следующим, ближайшим царством является то, которое здесь мы имеем как человеческое царство. Минеральное и растительное царства удаляются в первую очередь. С человеческим царством дело, во всяком случае, обстоит так, что умерший испытывает, — если использовать обычные понятия, которые мы имеем здесь, — испытывает некоторые ограничения относительно знакомства с людьми. Именно между смертью и новым рождением он может, — сразу же после смерти или вскоре после неё, — вступать в отношения, завязывать связи

только с теми человеческими душами, — независимо от того, находятся ли они тут, на Земле, или уже находятся по ту сторону, — с которыми он, так или иначе, был кармически связан на Земле в своей последней, или в более ранней инкарнации. Другие души проходят мимо него, их он не воспринимает. Животность, животное начало он воспринимает как одно целое; из человеческих душ — только тех, — их он распознаёт всё точнее и точнее, — с которыми он вступил в кармические отношения здесь, на Земле. Число таких душ не так уж мало, вы не должны полагать, что оно мало, ведь для некоторых людей остались позади, истекли многие земные жизни. В каждой земной жизни завязывалось целое множество кармических отношений; из них сплелась сеть, которая там, по ту сторону, раскинулась над нашими знакомствами. Кроме этого круга, вне его, остаются только те люди, с которыми мы никогда не были знакомы. Отсюда вы видите, что важно обратить внимание на следующее: земная жизнь во всей Вселенной продолжает иметь для человека своё исключительно действенное значение. Если бы мы не переживали земной жизни, мы и в духовном мире не смогли бы завязать никаких отношений. Те отношения, которые кармически завязаны здесь, на Земле, продолжают затем между смертью и новым рождением. Можно видеть, если человек в состоянии заглядывать в тот мир, как постепенно так называемый умерший завязывает всё больше и больше связей, и все эти связи возникают из тех, которые были кармически завязаны здесь, на Земле. И если мы можем сказать, что с первым царством, с которым приходит в соприкосновение так называемый умерший, — с животным царством, — дело обстоит так, что всем, что он делает, даже если он всего лишь пошевелится, он вызывает в своём окружении удовольствие или страдание, то в отношении того, что он переживает в человеческом царстве, можно сказать, что там умерший находится в еще более тонкой, внутренней связи с людьми в душевном элементе. Тут он сам находится внутри. С душой, с которой умерший будет знакомиться, этот умерший знакомится так, как если бы он сам находился внутри этой души. После смерти человек знакомится с какой-либо душой так, как знакомится он здесь с собственным пальцем или головой, или ухом; он чувствует себя внутри. Такая связь носит гораздо более интимно-внутренний, утончённый характер, нежели это может быть здесь, на Земле. Таковы два основных переживания для совместного бытия с человеческими душами между смертью и новым рождением; человек находится или внутри другой души, или вне неё, снаружи. Также и по отношению к тем, кого человек знает, он находится попеременно внутри, или снаружи. Встреча с ними, встреча с этими душами всегда состоит в том, что человек чувствует себя единым, что человек находится внутри них. Пребывание во вне, снаружи, означает, что человек не замечает их. Также как здесь, когда человек на что-то смотрит, тогда он это воспринимает; если же он смотрит не туда, он этого больше не воспринимает. Там по отношению к человеческим душам человек находится внутри, если он в состоянии направить на них своё внимание; если же он этого не может, он находится снаружи.

В том, что я сейчас предлагаю вам, вы имеете, я бы сказал, основную структуру совместного бытия души с другими душами для времени между смертью и новым рождением. Подобным же образом, будучи внутри или снаружи находится затем человек между смертью и новым рождением по отношению к существам других иерархий, Ангелам, Архангелам, и так далее. Только чем выше царство, тем больше чувствует себя после смерти человек связанным с этим царством, чувствует себя несомым этим царством; он чувствует, что оно мощно несёт его. Итак, Архангелы несут человека мощнее, чем Ангелы, Архаи — еще мощнее, чем Архангелы, и так далее.

В познании духовного мира как такового люди сегодня видят ещё известные трудности. Можно было бы освободиться от этих трудностей, если бы люди, хоть немного больше познакомились с тайнами духовного мира. Однако+ есть двоякое, что можно назвать в связи с этим ознакомлением с духовным миром. Первое — это такое знакомство, когда человек достигает достаточно полной уверенности относительно вечного в его собственной природе. Это знание о том, что в человеческой природе заложено сущностное ядро, которое вечно, которое идет через смерть и рождение. Это знание, столь чуждое современному

человеку, может быть достигнуто относительно легко, и оно действительно достигается, — если только у человека достаточно терпения, — достигается на пути, описанном в моей книге *«Как достигнуть познания высших миров»* и других книгах. Это достигается на этом пути. Это познание одного рода.

Познанием другого рода является то, что мы можем назвать непосредственным общением с существами духовного мира, конкретным, непосредственным общением; из него мы хотим сегодня выделить то общение, которое человек, находясь здесь, может иметь с так называемыми умершими. Это нечто такое, что вполне возможно, хотя и сопряжено с большими трудностями, нежели то, что было только что охарактеризовано (*имеется в виду достижение уверенности в наличии у человека «вечного ядра»* — примеч. перев.) . Характеризованное как первое суть нечто, что может быть легко достигнуто. Другое, настоящее общение с отдельными умершими, хотя и вполне возможно, но достигается труднее, поскольку от того, кто ищет такого общения, требуется внимательность, осмотрительность. Для такого особенного общения требуется, чтобы человек смог подчинить себя определенному воспитанию, определённой строгой дисциплине. Ибо существует очень значительный закон относительно общения с духовным миром. Он может быть высказан следующим образом, говорят так: то, что для людей здесь является по большей мере низшими влечениями, будучи рассмотрено с другой стороны, с духовной стороны, является высшей жизнью. Вот отчего может случиться так, что если человек не подчиняет себя строгой дисциплине, он из-за прямого общения с так называемыми умершими, почувствует пробуждение низших влечений. Если мы встречаемся с духовным миром лишь в общем, если мы развиваем познания о нашем собственном бессмертии, и, тем самым, имеем дело с душевно-духовным, то не может быть и речи, чтобы могло подступить нечто нечистое. Но если мы имеем дело с конкретным отдельным умершим, то всегда возникает отношение этого отдельного умершего к, — как бы странно это ни звучало, — к нашей системе кровообращения и нервной системе. Умерший вживается в те влечения, инстинкты, которые изживаются в кровеносной и нервной системах; из-за этого могут возбуждаться низшие влечения. Естественно, опасность этого может представлять только для того, кто не очистил свою природу посредством строгой дисциплины, строгого воспитания. Следует подчеркнуть это, ибо именно в этом причина того, *почему Ветхий Завет категорически воспрещает людям общаться с умершими; а* не потому, что это грешно, если это делается правильным образом. Естественно, следует отказаться от методов современного спиритизма. Если общение происходит духовно, это не грешно, но если человек не культивирует, не обеспечивает такое общение чистыми одушевлёнными мыслями, оно может легко привести к тому, что человека, как сказано, будут подстрекать низшие страсти. Не умершие разжигают эти страсти, но тот элемент, в котором живут умершие. Представьте себе: то, что здесь мы ощущаем как животность, является основным элементом, в котором живут умершие. Царство, в котором живут умершие может очень легко, — когда оно обрушивается в нас, — перевернуться, опрокинуться; в нас может стать низшим то, что там, в сущности, является высшим. Очень важно обратить на это пристальное внимание. Это должно быть обязательно сказано, если говорят об общении так называемых живых с так называемыми умершими, поскольку это является оккультным фактом.

Но только в том случае, если человек говорит об этом общении, он может характеризовать духовный мир правильно, как он есть. Ибо именно в том, что здесь переживается, обнаруживаешь, насколько иным является духовный мир, нежели физический мир здесь.

Теперь я хочу сказать вам кое-что, что для человека не полностью развившего своё ясновидение, возможно, покажется незначительным; но это близко касается нас, если мы задумываемся над тем, как перейти к вещам, более близким к жизни. Если тот, чьё ясновидение сформировалось полностью, общается с умершим, ему приходится общаться таким образом, что из этого общения становится видно, почему человек так далёк от какого-

либо знания об умерших; я имею виду знание, полученное путем непосредственного восприятия. Как бы странно, как бы ни гротескно это не звучало; вся форма общения, к которой мы привыкли здесь, в физическом мире, должна категорически измениться, перевернуться, если общение связывает того, кто находится здесь, и умершего. Здесь, если мы говорим с человеком, если мы говорим из физического тела к другому физическому телу, то тут говорим мы; когда мы говорим, мы знаем: это говорим мы, слова исходят от нас. Если собеседник нам отвечает, или человек обращается к нам, то мы знаем: слова исходят от него. Все эти отношения полностью переворачиваются, опрокидываются, если мы общаемся, говорим с умершим; — можно сказать «говорим», ибо общение может быть и речью, разговором. Но все переворачивается, вещи происходят наоборот, так что, если мы спрашиваем умершего или что-либо говорим ему, то, что мы говорим, мы слышим как исходящее от него. Так мы воспринимаем. Итак, он, будучи по ту сторону, инспирирует в нашей душе то, о чём мы его спросили, то, что мы ему сказали. Если же нам отвечает он, или говорит нам нечто, тогда это исходит из нашей собственной души. Это нечто такое, что весьма непривычно, необычно для человек здесь, в физическом мире. Человек привык к тому, что сказанное из его существа выходит наружу. Для общения с умершими надо привыкнуть к тому, что от них слышишь то, что говоришь сам. А как исходящее из своей собственной души слышишь то, что отвечают они.

Когда об этих вещах рассказывают, то они в той абстрактной форме, в которой о них рассказывают, понимаются, конечно, с легкостью. Однако по-настоящему привыкнуть к тому, чтобы вести такое совершенно перевёрнутое общение, вывернутое наизнанку по отношению к тому, что привычно здесь, на физическом плане, — привыкнуть к этому, несмотря ни на что, чрезвычайно трудно. Действительно так странно звучит: то, что человеку очень непривычно производить такое «переворачивание», такие изменения, обуславливает то, что человек не воспринимает умерших, которые постоянно находятся здесь, которые всегда находятся вокруг нас. Человек думает: если что-то исходит из нашей души, то исходит от нас. Мы очень далеки от того, чтобы как-либо интимно обращать внимание на то, является ли исходящей из духовного окружения инспирацией нечто такое, о чём мы можем сказать, что оно исходит от нас самих. Человек охотно опирается на то, что стало для него привычным на физическом плане. Если же нечто приходит из окружения, человек приписывает это чему-то постороннему, чему-то чуждому. Это большое заблуждение, в которое можно впасть.

Тем самым я подчеркиваю для вас отличительные особенности общения так называемых живых с так называемыми умершими. Если вы из этого примера захотите уяснить себе только то, что в духовном мире вещи самым радикальным образом происходят наоборот, что человек должен полностью вывернуть, перелицевать себя, то тем самым вы овладеете важным понятием, которое постоянно необходимо человеку, если он хочет проникнуть в духовный мир. Вы овладеете понятием, применять которое в конкретных случаях, в частности, чрезвычайно трудно. Но чтобы как следует понять физический мир, мир, который, в сущности, повсюду проникнут духовным началом, надо обладать понятием об этом переворачивании, «переставлении». А поскольку это понятие отсутствует в нынешней науке, поскольку и в общественном сознании его нет, физический мир понимают не духовно. Это ощутимо именно в том случае, когда человек прикладывает немало усилий, чтобы понять мир. Порой человек бывает вынужден от этого отказаться. *Годы тому назад я, опираясь на некоторые представления Гёте о внешнем человеческом физическом организме, выступал перед большим числом наших друзей во время Генерального Собрания в Берлине. Я* пытался разъяснить, что голова в своей форме может быть понята только в том случае, если её будут понимать как полный «перевертыш» всего остального организма. Никто не понимал, что кости нашей руки должны быть вывернуты наизнанку как перчатка для того, чтобы из них получились кости головы. Это трудно понять, однако, не сформулировав представление об этом, анатомию понять нельзя. Об этом я упомянул лишь мимоходом. Так легче будет понять то, что я говорил вам сегодня про общение с умершими.

Видите ли, то, что я сейчас изложил, имеет место постоянно. Вы все, здесь сидящие, постоянно общаетесь с умершими, только в обычной жизни люди об этом не знают, поскольку это происходит на подсознательном уровне, в подсознании. Ясновидческое сознание не наколдовывает ничего нового. Оно лишь поднимает наверх, в сознание, то, что уже существует в духовном мире. Вы все постоянно общаетесь с умершими.

Теперь давайте немного познакомимся с тем, как происходит в отдельных случаях это общение с умершими. Если какой-либо умерший ушел, тогда, как кто-то остался, вы могли бы спросить: как могу я сблизиться с этим умершим? Сблизиться так, чтобы он пережил меня в себе? — Это то, о чём я только что говорил. Как мне снова приблизиться к умершему, приблизиться так, чтобы я мог жить в нём? Вы должны были бы задать этот вопрос. На этот вопрос нельзя ответить правильно, если принимать во внимание только те понятия, которые стали привычными здесь, на физическом плане. Наше обычное сознание мы имеем только от пробуждения до засыпания. Однако для человека в целом, другая часть сознания, остающаяся в обычной жизни между засыпанием и пробуждением притуплённой, расслабленной, является столь же важной, как сознание между пробуждением и засыпанием. Человек в полном смысле не становится бессознательным, когда он спит, но сознание его притупляется настолько, что он обычно ничего не воспринимает. Сознание притупляется, но при рассмотрении отношения человека к духовному миру, надо брать человека в целом, всего человека, и бодрствующего, и спящего.

Вспомните свою собственную биографию. Она всегда рассматривает ход жизни с известными прорехами, разрывами. Биография описывает только то, что происходит от пробуждения до засыпания; затем жизнь прерывается. Бодрствование — сон, бодрствование — сон. Но в то время, когда вы спите, вы тоже существуете, и, если рассматривать всего человека, надо обратить внимание на состояние бодрствования и на состояние сна. Если же мы обращаем внимание на общение человека с духовным миром, мы должны принять к сведению и нечто третье. Ибо помимо бодрствования и сна существует нечто третье, что, в случае общения с духовным миром, является более важным, нежели просто бодрствование и сон. А именно, это пробуждение и засыпание. Это пробуждение и засыпание длятся всего одно мгновение, и человек сразу же переходит в другое состояние. Но если человек развивает чувствительность по отношению к этому моменту пробуждения и засыпания, тогда именно этот миг пробуждения и засыпания становится ключом к духовному миру; этот миг величайшим образом служит для объяснения духовного мира.

При пробуждении дело обстоит так: вы знаете, что в деревне, — хотя сейчас даже в деревне такие вещи исчезают, — но когда мы, пожилые люди, были молоды, люди в деревне говорили: если просыпаешься, то не надо сразу смотреть на светлое окно, надо ещё немного побыть в темноте. — Люди в деревне знали об общении с духовным миром. Они ещё знали об этом, и они не хотели в момент пробуждения сразу же выходить на дневной свет, они хотели немного сконцентрироваться, собраться, чтобы удержать, сохранить нечто от того, что колоссальным образом проходит через человеческую душу в момент пробуждения. Нам мешает то, что мы сразу же вступаем в полный дневной свет. В городе это делают уже едва ли. Там, когда мы просыпаемся, нам мешает не только полный дневной свет, но и шум на улице, звонки трамвая, и так далее. Вся культурная жизнь идет к тому, чтобы, насколько это возможно, затруднить человеку общение с духовным миром. Тем самым не говорится ничего против этой внешней материальной культуры, но данный факт надо принимать к сведению.

При засыпании дело обстоит так, что в момент засыпания духовный мир снова подступает к нам колоссальным образом, но мы засыпаем сразу же, мы утрачиваем сознание о том, что проходит через нашу душу. Но в некоторых случаях бывают исключения. Именно моменты пробуждения и засыпания наиболее значительны для общения с так называемыми умершими, а также, — в иных случаях, — с духовными существами других миров. Для того чтобы понять то, что мне надо будет сказать в этом отношении, непременно необходимо, чтобы вы усвоили представления, которые здесь, на физическом плане, неприменимы, а поэтому их, собственно, и нет. Одно представление таково: то, что во временном отношении

проходит мимо, минует, в духовном не минует, но остаётся в наличии. Это одно представление, которое в физической жизни мы имеем лишь по отношению к пространству. Если мы стоим перед деревом, а затем уходим прочь, а ещё позднее вернемся и посмотрим, то дерево не исчезнет, оно будет находиться там же. Так в духовном мире обстоит дело со временем. Если вы сейчас переживаете нечто, то это уходит прочь для физического сознания; но будучи рассмотрено духовно, оно не уходит прочь. Вы можете духовно посмотреть на него, как на дерево. Достоинно внимания, что **Рихард Вагнер** осознавал эти вещи, на что указывают его слова: *здесь время становится пространством*. Тайна состоит в том, что в духовном мире есть дистанции, удаления, которые здесь, в физическом мире не проявляются. То, что событие прошло, означает лишь то, что оно отдалилось. На это я попрошу вас, — для случая, который мы рассматриваем, — обратить особое внимание. Ибо для жителей Земли в физическом мире дело обстоит так, что в момент пробуждения и засыпания события проходят мимо; если же мы находимся в духовном мире, мы при пробуждении отстоим лишь немного, чуть-чуть дальше от момента засыпания. На это надо обратить внимание. Если мы засыпаем, мы оказываемся напротив какого-либо умершего, — как было сказано, мы делаем это постоянно, только обычно это остаётся в подсознании, — когда же мы просыпаемся, мы тоже стоим напротив какого-либо умершего. Для нашего физического сознания это два разных момента. Для духовного сознания первое всего лишь отстоит от другого немного дальше, чем при непосредственном столкновении. На это я прошу вас обратить внимание связи с тем, о чем я сейчас буду рассказывать, иначе вам не удастся понять дальнейшее.

Пробуждение и засыпание, как я уже сказал, имеют совершенно особую важность для общения с умершим. В переживаниях человека в момент засыпания и пробуждения дело почти никогда не обходится без контакта с умершим. Момент засыпания в отношении общения с умершим особенно благоприятен для того, чтобы обратиться к умершему. Если мы хотим что-либо спросить у умершего, мы можем вынашивать этот вопрос, сохраняя его до момента засыпания. Итак, мы наш вопрос, наше обращение или то, что мы хотим сообщить, удерживаем до момента засыпания. Когда же наступает этот благоприятный момент, тут то мы и обращаемся с нашим вопросом к умершему, тут это сделать легче всего. Дело может осуществляться и иначе, но так — это самое легкое. Итак, когда мы зачитываем вслух (*vorlesen*) умершему, мы, тем самым, подходим к умершему. Я, впрочем, полагаю, что непосредственное общение наиболее благоприятно, — относительно того, что мы направляем умершему, — если то, что нам надо сказать ему, мы говорим в момент засыпания. И наоборот, относительно того, что сообщает нам умерший, самым благоприятным моментом является момент пробуждения. И снова дело обстоит так, что ни у кого не бывает, чтобы он с момента пробуждения, — когда он может об этом узнать, — не получал бы многочисленных сообщений от умерших. Мы, в сущности, постоянно говорим с умершими в подсознании нашей души. При засыпании мы задаём умершим вопросы. Мы говорим им то, о чём нам надо сказать им в глубине души. При пробуждении умершие говорят с нами. Тут они дают нам ответы. Мы должны иметь представление о том, что это всего лишь два разных пункта, и что в высшем смысле, то, что следует друг за другом, подряд, является, в сущности, одновременным, как два места на Земле являются одновременными, то есть время в них протекает синхронно. Для общения с умершими первое — более благоприятно, второе — неблагоприятно.

Мы можем поставить вопрос: что же благоприятствует нашему общению с умершими? Мои дорогие друзья, человек не может хорошо общаться с умершими, исходя из тех же мотивов, по которым мы говорим, — в основном, — с живыми. Этого они не слышат, этого они не воспринимают на слух. Итак, если человек, исходя из того же настроения, с которым говорят друг с другом в кафе или на файф-о-клок, за чашкой чая, решит поболтать с умершим, то у него ничего не получится. То, что мы по возможности делаем, чтобы поставить вопрос умершему, чтобы мы могли что-то сообщить умершему, — это соединение, увязывание эмоциональной жизни с представлениями. Допустим, что кто-то

прошел через врата смерти. Вы хотите, чтобы ваше подсознание вечером передало бы сообщение этому умершему. У вас нет необходимости делать это сообщение в сознании. Вы можете весь день готовиться. Если вы в двенадцать часов дня подготовите сообщение, а вечером в десять часов пойдете спать, оно дойдет по ту сторону, к умершему, при засыпании. Однако вопрос должен быть поставлен определенным образом; не только на мыслительном уровне, на уровне представлений. Нет, вы должны направить этот вопрос умершему в чувстве и в воле. Вы должны направить его, развивая при этом сердечную, душевную заинтересованность по отношению к умершему. Вы должны вспомнить, где вы особым образом, в любви общались с умершим, обращались к нему, и именно с таким, исполненным любви настроением, обратиться к умершему. То есть, не абстрактно, но с участием, с теплом вы должны обращаться к умершему. Тогда в душе это может получить такое продолжение, что вечером, до засыпания, без того, чтобы вы об этом знали, оно станет вопросом к умершему. Или же вы попытаетесь пробудить в своей душе то, что было особенно интересно для умершего. Или, особенно хорошо следующее: вы размышляете над тем, как вы жили с умершим здесь. Вы вызываете в своём воображении конкретный момент, когда вы были с ним вместе, и затем спрашиваете: что меня особенно интересовало в умершем? Что меня особенно пленяло в нём? Когда у меня действительно возникало впечатление, когда я, в прошлом, — говорил: я люблю то, что он говорит, он поддерживает меня, это ценно для меня, у меня возник глубокий интерес к тому, что он сказал? — Если вы восстановите в воображении такие моменты, — перенесёте их в настоящее время, — когда вы были сильно связаны с умершим, когда вы сильно интересовались им, и если затем вы обернёте это так, как если бы вы хотели что-то сказать ему, хотели поговорить с умершим, — если вы разовьёте чистое чувство, и из интереса, который вы проявили, разовьёте вопрос, то этот вопрос останется в душе. Вечером же этот вопрос или сообщение отправится по ту сторону, к умершему. При этом обычное человеческое сознание может, — как правило, — мало знать об этом, поскольку человек вслед за этим заснет. Однако очень часто это остается во сне; во сне существует то, что было отправлено туда, по ту сторону. Значительная часть снов, если даже они по содержанию не сбываются, снится нам непосредственно об умерших, хотя мы неправильно толкуем такие сны. Мы считаем их известиями, посланными от умерших, однако они представляют собой ни что иное, как отзвуки вопросов или сообщений, которые мы направляем к умершим. Мы не должны верить, что умершие говорят нам что-то, если мы видим сон, но в сновидениях мы должны видеть нечто, что изошло из нашей собственной души и что идет туда, к умершим. Сновидение является отзвуком этого. Если мы разовьёмся настолько, что сможем воспринимать в момент засыпания наши вопросы или сообщения к умершим, то для нас это проявится так, как если бы умерший заговорил. Оттуда к нам во сне являются отзвуки, как если бы мы получили известие от умершего; однако исходит оно от нас. Человек поймёт это только тогда, когда ему станет понятно ясновидческое отношение к умершему. Если кажется, что умерший говорит к нам, это значит, что мы говорим ему; этого человек может не знать, если он не научится сравнивать.

Итак, пробуждение представляет собой тот момент, когда умерший особенно хорошо подступает к нам. Каждому человеку от умершего приходит очень многое в момент пробуждения. Не правда ли, вообще многое из того, что мы предпринимаем в жизни, инспирируется, в сущности, от умерших, или даже от существ высших иерархий. Но только мы приписываем это себе, как исходящее из нашей собственной души. Из нашей души наружу исходит то, что говорят умершие. Наступает дневная жизнь, момент пробуждения минует, и у нас редко возникает возможность наблюдать те внутренние, интимные вещи, которые поднимаются из нашей души. Если же мы их наблюдаем, мы, вследствие излишнего тщеславия, приписываем себе самим всё, что исходит из нашей души. Но во всём этом живёт, — причём в гораздо большей степени, нежели исходит из нашей души, — живёт то, что должны были сказать наши ушедшие умершие. Ведь то, что нам говорят умершие, кажется поднимающимся из нашей собственной души. Если бы люди вообще знали, какова жизнь на самом деле, тогда они благодаря этому знанию развивали бы совершенно

особенное, исполненное пиетета ощущение по отношению к духовному миру, в котором мы постоянно находимся и в котором находятся наши умершие. Мы бы узнали, что многое из того, что мы совершаем, в сущности, делают в нас умершие. В духовной науке следует развивать это знание не как внешнее и теоретическое, но как нечто такое, что, как некая внутренняя жизнь всё больше и больше входит в душу. Надо развивать это знание о том, что вокруг нас подобно воздуху, которым мы дышим, находится духовный мир, и что умершие находятся вокруг нас, что нам просто не свойственно их воспринимать. Эти умершие говорят к нашему внутреннему миру, но наш внутренний мир мы истолковываем для себя неправильно. Если бы мы понимали его правильно, то именно благодаря восприятию нашего внутреннего мира мы знали бы о нашей связи с душами, которые являются так называемыми умершими.

Есть, однако, большая разница между умершими, в зависимости от того, прошла ли душа через врата смерти в относительно раннем, или в относительно позднем возрасте. Существует большая разница в том, умирают ли маленькие дети, которые очень хотели бы быть с нами, или умирают люди, более старшие по отношению к нам, более молодым. Если человек хочет на основе опыта в духовном мире характеризовать эту разницу, он может сделать это примерно следующим образом. Если умирают маленькие дети или подростки, то тайна совместного бытия с такими умершими детьми может быть высказана так: с точки зрения духовного наблюдения мы, в сущности, не теряем таких детей (*verliert man eigentlich diese Kinder nicht*). Духовно они остаются здесь. Дети, рано умершие в жизни, действительно в самой высокой степени духовно всегда остаются непосредственно здесь. Мы ещё будем более близко рассматривать эти вещи. Мне бы хотелось в качестве медитативного изречения поставить перед вашими душами слова, которые можно обдумывать дальше: дети, которые умерли у нас, не потеряны для нас; мы не теряем их, духовно они всегда остаются тут. А в случае пожилых людей, которые умирают, можно сказать противоположное. Тут можно сказать: они не теряют нас. Детей не теряем мы, а старые люди не теряют нас. Старые люди, когда умирают, обладают большой притягательной силой к духовному миру, но благодаря этому они имеют власть так воздействовать на физический мир, что они легче подходят, получают доступ к нам. Они, хотя и отдаляются от физического мира гораздо больше, чем дети, которые остаются около нас, но они (*пожилые умершие*) наделяются более высокими способностями восприятия, нежели те люди, которые умирают молодыми. Пожилые помнят нас. Если человек знакомится в духовном мире с различными душами, умершими в юном или позднем возрасте, то умершие старыми живут благодаря тому, что у них есть силы, позволяющие им с большей легкостью проникать в земные души. Они не оставляют эти земные души, тогда как детей не оставляем мы, так что они в большей или меньшей степени остаются в сфере земных людей.

Это можно также характеризовать и по иному. Видите ли, даже для того, что человек со своею душою переживает на обычном физическом плане, он, в сущности, не всегда имеет вполне глубокие ощущения. Если у нас умирает человек, мы печалимся, мы испытываем от этого боль. Я часто говорил, когда у нас самих умирали в Обществе хорошие друзья: в задачу антропософски ориентированной духовной науки не входит тривиально утешать людей от боли, заговаривать их от боли. Боль эта является правомерной, справедливой, надо стать сильным, чтобы переносить её, но не следует позволять заговаривать себя от этой боли. Однако человек не различает боль в том отношении, вызвана ли она уходом юного умершего, или уходом старого человека. И всё же при духовном рассмотрении обнаруживается большая, огромная разница. Можно сказать: тот, кто остался здесь, по отношению к ушедшему от него ребенку, — будь это его собственный ребенок, или тот, кого он любил, переживает, — если мне будет позволено употребить, так сказать, техническое выражение, — переживает боль сострадания. — Дети, в сущности, остаются при нас, и, вследствие того, что мы были связаны с ними, они остаются так близко от нас, что переносят свою боль в наши души, и мы ощущаем их боль, то, что они хотели бы находиться здесь. Их боль облегчается вследствие того, что мы берём её на себя, мы её переносим с ними. В

сущности, ребёнок чувствует в нас. И это хорошо, что он чувствует вместе с нами, тем самым его боль облегчается. И напротив, боль, которую мы испытываем, если умирает, уходит старый человек, — будь это наши родители или друзья, — эту боль можно назвать эгоистической. Человек, умерший в старости, не покидает нас, поэтому чувство у него не такое, как в случае юного умершего. Он удерживается с нами, помнит нас, он нас не оставляет. Здесь, в теле мы имеем чувство, что мы его потеряли; поэтому боль приходит только к нам. Это эгоистическая боль. Мы не испытываем того чувства, как в случае с детьми, но ощущаем собственную боль, боль для нас, мы чувствуем, что нам больно.

В действительности, следовало бы очень точно различать эти два вида боли: эгоистическую боль по отношению к пожилым людям и боль сострадания в случае молодых людей. Ребёнок живёт в нас дальше, и мы чувствуем, собственно, то, что чувствует ребёнок. Настоящую печаль нашей собственной души мы имеем лишь по отношению к пожилым умершим. Это не лишено значения.

Именно на таких примерах можно видеть, что знание о духовном мире имеет большое значение. Ведь вы видите: в соответствии с вышеописанным может быть построен в известном смысле похоронный ритуал, культ умерших (*Totenkultus*). По отношению к ребёнку, который у нас умер, не совсем пригоден всецело индивидуальный похоронный ритуал. По отношению к ребёнку, поскольку он и без того живёт в нас дальше и остаётся с нами, было бы хорошо, если бы поминовение его переживалось так, что больше внимания обращалось на всеобщее, чтобы живущему с нами ребёнку давалось нечто всеобщее. Поэтому, например, при погребальной службе для ребёнка в церемониале сама служба над умершим предпочтительней, нежели особенная надгробная речь. Я бы сказал так: в случае выбора конфессий, католической или протестантской, этот выбор определяется тем, что лучше подходит для данного случая. В католической церкви особая надгробная речь не полагается, она отсутствует, там существует траурный церемониал, ритуал. Он представляет собой нечто всеобщее, он одинаков для всех. А то, что может быть одинаковым для всех, особенно хорошо для детей; хорошо, если тут поминовение можно организовать так, чтобы оно могло быть одинаковым для всех. Для умерших в пожилом возрасте большое значение имеет индивидуальное. В случае пожилого умершего наилучшим является тот траурный церемониал, при котором непосредственным образом рассматривается жизнь данного умершего. Особая протестантская надгробная речь, которая ориентирована на жизнь умершего, будет иметь большее значение для умершего; в данном случае католический ритуал имеет меньшее значение. Однако в случае поминовения дело обстоит иначе: для ребёнка наилучшее, если создаётся настроение, которое связывает человека с ребёнком; ребёнку пытаются направить мысли, которые затем, при засыпании человека, отправятся к ребёнку. Эти мысли могут носить всеобщий характер, так, например, мысли о вещах, которые могут быть направлены ко всем умершим. В случае пожилых людей необходимо, чтобы при поминовении был акцентирован именно этот отдельный человек, человек с его спецификой, чтобы ориентировались индивидуально на данного отдельного человека (*умершего*), размышляя о том, что было ему близко, о том, что было пережито вместе с ним. В случае пожилого человека, для того, чтобы вступить с ним правильным образом в общение, имеет значение — восстановить в воображении его существо, оживить его существо в себе самом. Итак, нужны не только воспоминания о том, что говорил умерший кому-то, особо затрагивая его эмоции: важно, чем он был как индивидуальность, что было ценно для него в мире. Пробуждая это в себе, мы получаем способность вступить в отношения с пожилым умершим и правильно провести поминовение. Итак, вы видите: для пиетета, развиваемого нами, имеет значение знать, как надо вести себя по отношению к молодым и старым умершим.

Вспомните, как часто оказывается актуальным в настоящее время, когда так много людей умирает молодыми, то, что мы можем сказать себе: они, собственно, в полной мере находятся здесь, они не потеряны для мира. Я уже говорил с вами об этом с другой точки зрения, но ведь в духовном необходимо рассматривать вещи с разных точек зрения. И если

удастся овладеть сознанием о духовном мире, то тогда из этой бесконечной трагичности настоящего времени будут развиваться духовные отношения, чтобы, — поскольку умершие остаются здесь, будучи молодыми людьми, — посредством такого общения с умершими могла бы возникнуть активная духовная жизнь. Она возникнет, если материализм не сможет раскрыть свои силы настолько, чтобы Ариман раскинул свои сети и смог победить все человеческие силы.

То, что я сказал вам сегодня, таково, что кое-кто здесь, на физическом плане, наверное, скажет: меня это (*вопрос об умерших — примеч. перев.*) не касается, мне было бы милее иметь дело с тем, что можно сделать утром или вечером, чтобы вступить в правильные отношения с духовным миром. Но в таком случае человек мыслит не совсем правильно. При отношении к духовному миру речь идет о том, чтобы вообще развивать мысли о нём. И когда кому-то кажется, что умершие далеки от него, что ему ближе его собственная жизнь, именно тогда следует развивать те мысли, которые мы развивали сегодня. Мы должны пропустить их через свою душу, обдумывая то, что по видимости чуждо непосредственной внешней жизни. Именно это возвышает нашу душу, даёт нашей душе духовную силу и духовную пищу. Ибо не то, что кому-то кажется близким, приводит его в духовный мир, но то, что, прежде всего, исходит наружу из самого духовного мира. Поэтому не отвращайтесь от того, чтобы всесторонне обдумывать такие мысли, давать этим мыслям почаще жить в душе. Ибо нет ничего важнее для жизни, в том числе и для материальной жизни, чем иметь всеохватывающее убеждение в существовании совместного бытия с духовным. Если бы люди нового времени не утратили столь сильно связь с этим духовным, то эти тяжелые времена не наступили бы в настоящем. Наличие этой глубокой связи мы наблюдаем сегодня лишь у очень немногих людей; в будущем она будет наблюдаться. Сегодня верят: если человек прошел через врата смерти, его деятельность по отношению к физическому плану прекращается. Но нет, она не прекращается. Постоянное активное общение имеет место между так называемыми умершими и так называемыми живыми. Мы должны сказать: те, кто прошел через врата смерти, не прекращают быть здесь. Лишь наши глаза прекращают их видеть, но они находятся здесь. Наши мысли, наши чувства, наши волевые импульсы, — все они тесно связаны с ними. Ибо именно для умерших важны **слова Евангелия: «Не ищите во внешнем... Царство Духа среди вас есть»** Л к; 17, 20

Так же не следует искать умерших посредством чего-либо внешнего, но надо лишь сознавать, что они постоянно находятся здесь. Вся историческая, вся социальная, вся этическая жизнь проходит посредством взаимодействия так называемых живущих с так называемыми умершими. Человек может испытать особенное укрепление всего своего существа, благодаря тому, что он всё больше и больше проникается не только тем сознанием, которое возникает у него, когда он пребывает в надежном положении здесь в физическом мире, но проникается также и тем сознанием, которое возникает у него, когда он, исходя из верного внутреннего чувства может сказать по отношению к своим любимым ушедшим: «Умершие находятся среди нас». Ибо это тоже составляет истинное знание, это тоже относится к истинному знанию духовного мира, которое складывается из многих частей. Можно сказать: мы в истинном смысле обладаем знанием о духовном мире, если образ наших мыслей, форма нашей речи о духовном мире таковы, что исходят из самого этого духовного мира.

Тезис: умершие находятся среди нас — сам по себе является подтверждением наличия духовного мира, и только духовный мир может вызвать в нас истинное сознание того, что умершие находятся среди нас.

Лекция 3. Мир и человек

Воздействия духовной науки на представления, чувства и волю. Естественнаучные представления разрушительны в социальной области. Человек как микрокосм в Макрокосме. Лаборатория

должна стать алтарем. Неловкость, неумелость как следствие односторонности. Интеллект лишает инстинкта. Восприятие духа посредством «установления другого темпа». Школа должна давать импульс для всей жизни. Мировой «шульмейстер» Вудро Вильсон. Хейденхейм 29 апреля 1918 г. Перевод А. Демидов

Давайте рассмотрим сегодня кое-что из того, что мне хотелось бы назвать отношением, которое может сложиться между отдельной человеческой душой и тем, что мы понимаем под антропософски ориентированной духовной наукой. Сегодняшнее рассмотрение касается того, что когда человек слышит о духовной науке, он ещё совершенно не понимает, насколько отношение человеческой души к этой духовной науке должно быть иным, в сравнении с отношением этой человеческой души к знанию иного рода, к каким-либо иным познаниям. Духовная наука, как она подразумевается здесь, такого рода, что она говорит в человеческой душе, обращаясь к совершенно иному, нежели какое-либо иное знание. Посредством какого-либо иного знания человек может, умеет делать то, или иное, человек узнаёт в мире то об одном, то о другом. Человек узнаёт больше, чем он знал до сих пор. Но духовная наука поставлена по отношению к человеческой душе не так, что она всего лишь передаёт нечто, некие сведения, которые человек с этого момента знает. Духовная наука обращается к гораздо более глубоким импульсам человеческой души, нежели обычное знание, обычное мышление. Духовная наука охватывает, или, по крайней мере, хочет охватить в нас, то глубинное существо, которое, приходя из духовного мира, при рождении вступает, втягивается в наше человеческое земное существо, а затем, при смерти, оставляет это человеческое существо для того, чтобы в духовном мире перейти к иным задачам. Духовная наука во всём её значении для человеческой души может быть понята только тогда, когда человек на уровне чувства вполне оценит это её истинное отношение к внешнему миру и к человеческой жизни.

Мы весьма несовершенно рассматриваем человека, если не уясняем себе: то, что живет во мне как человек, то, что формируется во мне как человек благодаря тому, что я принял физическое тело вследствие рождения, — тело, сопровождающее меня в течение моей жизни, в которой я, будучи ребёнком, оказываюсь неопытным, неловким, а затем всё опытнее, всё разумнее, — то, что разыгрывается со мной как судьба, всё то, что существует в моём теле и в моей жизни — всё это есть, в сущности, превращение, метаморфоза некоего духовно-душевного существа. Оно жило в душевно-духовной форме перед тем, как был зачат или рождён этот человек. И вот к этому-то душевно-духовному существу, которое живёт в теле, обращается то, что подразумевается под духовной наукой.

Кто-то, возможно, может считать, что человеку нет необходимости заниматься этим своим духовно-душевым существом, поскольку это душевно-духовное существо уже нашло свой путь в мир. Но это не так. То, что является в нас душевно-духовным началом, охватывает нас, включается в нас, в некотором роде облекается частью в наше тело, частью — в нашу судьбу. Можно сказать: именно в современном эволюционном цикле человечества, цикле, в котором человечество находится сейчас, и в смысле которого оно должно развиваться и дальше в будущем, именно в смысле этого настоящего и будущего заложено то, что человек в известном роде, спасает то, что вжилось в него как духовный принцип его тела, как духовный принцип его жизни и его способностей, как духовный принцип его судьбы. Нам нельзя ускользнуть от духа. Дух, так или иначе, живёт в нас. Мы можем не уделять ему внимания, но и тогда он, несмотря на это, живёт в нас. Мы можем наблюдать самого ленивого, самого инертного, самого неряшливого человека, который в своей жизни никогда не прилагал усилий для того, чтобы самостоятельно развить в своей душе религиозные или духовные задатки, который оставался в состоянии полной заторможенности — мы можем видеть, что и он не лишён духа, не бездуховен. Говорить о человеке, как о бездуховном — есть лишь неверное словоупотребление. Бездуховных людей нет; невозможно жить, будучи бездуховным. Ибо духовное и душевное даётся нам в придачу, когда мы из духовного мира вступаем в физический мир; мы наделяемся им

согласно тому, что мы проделали перед тем, как спуститься к этой нынешней земной жизни. Мы не можем быть бездуховны, но мы можем не уделять внимания духу, находящемуся в нас. Мы можем в некотором роде, грешить против него, мы можем не желать его спасения. Мы можем хотеть, чтобы он всего лишь проскальзывал в нас, облекался в нас; тогда он существует в нас, но мы не освобождаем его в себе, мы не спасаем его.

Также должны мы учиться, постепенно всматриваться в жизнь человека. И наше понимание жизни станет совершенно иным, а оно с течением времени и должно становиться совершенно иным. Мы можем в жизни найти людей, которые стали заторможенными, глухими, бездушными. Мы не станем говорить, что они лишены духа, но скажем так: они впали в грех — похоронили дух в течение жизни, оставили дух заколдованным, зачарованным, оставили дух во плоти, позволили духу ускользнуть в чисто внешнем ходе жизни, позволили духу впасть в упадок в судьбе. Когда мы родились, мы могли стать человеком только благодаря тому, что духовно—душевная индивидуальность спустилась из духовно—душевных миров. В том, как ребёнок выступает в своей первой организации, явлен ещё несовершенный образ духовной индивидуальности. Она заложена в нём. Её можно оставить без внимания, но можно и расколдовать её, постепенно извлекая её из плоти, из хода жизни, извлекая её из судьбы. Но в этом состоит задача человека, и в будущем задачей человека всё больше и больше будет становиться: не дать духу впасть в упадок. Мы не можем убить дух, но мы можем позволить ему опуститься, впасть в упадок, если принуждаем его идти по другому пути, нежели тот, которым он идёт в том случае, если мы освобождаем его.

Если мы однажды на самих себе приложим усилия к тому, чтобы испытать что—либо относительно духовных миров, ощутить что—либо из духовных миров, — мы, в сущности, добываем, высвобождаем это из самих себя. Иное является всего лишь побуждением. Мы высвобождаем себя из нас самих. Что ни сказали бы вы когда—либо о духовной науке — вы это высвободили из себя, ибо она включена в ваш наиболее глубинный внутренний мир, и она стремится наружу. Она предопределена к тому, чтобы выйти наружу, и прегрешением против мирового порядка было бы — позволить духу остаться лишь внутри плоти, ибо там он идет ошибочным путем. Там мы оставляем его на произвол судьбы, которая ему не свойственна, которую он не должен выбирать. Мы освобождаем дух, если мы извлекаем его из плоти. Если мы сознательно проникаемся, мы спасаем то, что хочет спастись, высвободиться из подоснов бытия. Это будут замечать всё больше и больше. Человек будет всё больше и больше замечать, что материализм состоит не в том, что он не допускает других теорий, или, что он сам выдвигает ложные теории. Нет, он, как материализм, состоит в том, что он, всему тому, что хочет влиться в знание, в ощущение человеческой души, позволяет опуститься в грубую материю и, подобно сорнякам, разрастаться в этой грубой материи. Это то, относительно чего человечество в ближайшем будущем должно будет решить: хочет ли оно позволить духу разрастаться в материи, — вследствие чего дух деформируется, вследствие чего он впадает в дьявольское, чертовское, ариманическое безумие, — или же человечество хочет преобразить этот дух в мысли, в чувства, в волевые импульсы; тогда этот дух будет жить среди людей и достигнет того, чего он хочет достичь, когда он посредством человека хочет включиться в жизнь Земли. Ибо вот что хочет дух: посредством человека включиться в жизнь Земли. Мы не должны держаться в стороне от него. И всякий раз, когда мы противимся изучению духа, знакомству с духом, мы задерживаем его; ему приходится в некотором роде погружаться, тонуть в материи, он принуждается делать материю хуже, чем она есть. Ибо дух имеет свою, порученную ему задачу: посредством человеческого душевного развития вступить в земную жизнь. Тогда он действует благотворно. Если же его сталкивают, ввергают в материю, тогда он действует в этой материи опустошительно, тогда он действует плохо.

Примите это, как результат духовнонаучного познания, и вы увидите, что это имеет очень большое отношение к нашей человеческой жизни. Духовная наука не хочет быть теорией, наряду с другими теориями, но хочет дать человеку возможность освободить,

спасти дух, заколдованный в человеческой природе, дать возможность действовать в мире тому, что хочет действовать из духовного мира. Это одна из причин, почему сегодня многие люди ещё очень энергично отталкивают, опровергают духовную науку. Другие науки люди принимают охотно, ибо другие науки льстят гордыне, тщеславию человека, они не выдвигают человеку требований быть чем-то реальным, они претендуют лишь на то, чтобы вырабатывать мысли, вырабатывать рассудок, и, возможно, предоставлять человеку полезные, удобные моральные понятия. Они не претендуют на то, чтобы подойти к ядру человека, на то, чтобы самим быть полученными из миров, в которых дается задание духу. Я хотел бы сказать: посредством духовной науки человеческое знание впервые приобрело серьёзный характер, вот почему люди отвращаются от неё. Они и духовную науку хотели бы иметь как нечто такое, что плещется сверху, по поверхности бытия. То, что подступает к ядру и сущности человека, пугает, страшит людей. Вот почему они не хотят принимать духовную науку. Если бы они приняли духовную науку, то в социальной жизни в самое ближайшее время кое-что должно было бы стать иным, тогда даже в самой, что ни на есть, повседневной жизни люди стали бы мыслить иначе. Вот в чем дело. Поэтому дело идет так, что человек может принимать другие науки, но в течение всей жизни он остается тем же самым, он только становится богаче по части знания. Духовную науку человек не должен принимать без того, чтобы она преображала его, и он не может принять её так, чтобы она не преобразила его. Она медленно и постепенно делает его другим человеком. Надо иметь терпение, но она сделает его другим человеком, ибо она ориентирована на совершенно иные задачи человечества, она обращается к совершенно иному в природе человека.

Заглядывая в природу человека, мы видим, как многообразна эта человеческая жизнь. Человек изживает себя в трёх потоках: как человек, который представляет, как человек, который чувствует, и как человек, который волит. В представлении, чувстве и воле черпается то, что нам надлежит изживать. Все три импульса человеческой души, — представление, чувство и воля, — стоят в совершенно определённом отношении к тому, к чему хочет подступить духовная наука в человеческой душе, то есть к ядру человеческой души.

Сначала возьмем представление. Представление потеряло наглядность; произошло это, несомненно, из-за современной науки и из-за того, что от этой современной науки переходит в систему воспитания детей и, тем самым, является значительным фактором для развития судеб человечества и для практической жизни, ибо ребёнок проникается всем этим. Итак, представление потеряло наглядность. Не так уж давно, всего пару столетий назад, этот процесс принял крайние формы, и сегодня этого не замечают. Но это продлится недолго, а затем то, о чём я говорю теперь, будет заметно в самом широком масштабе. Естественнонаучные понятия, — в том виде, как они сегодня будут прививаться самым юным, будут прививаться детям, — можно будет принимать всю свою жизнь без того, чтобы вследствие такого принятия множества понятий современной науки, человек становился бы другим в области своих представлений. Человек останется тем же самым. Человек не только останется тем же самым; не следовало бы отрицать даже того, что из-за обычных научных понятий, которые всё больше и больше переходят в общеобразовательную среду, человек даже в интеллектуальном отношении будет становиться всё более ограниченным. Дух, — поскольку он является мыслящим, — теряет подвижность, необходимую для того чтобы освоиться в жизненных отношениях, которые гораздо сложнее, чем то, что может принять человек посредством обычного знания.

Видите ли, если сегодня кто-то ещё имеет возможность всмотреться в жизнь, это западает глубоко в сердце. Тот, кто целиком и полностью приучен к тем понятиям, которые может дать сегодня естественная наука, становится всё менее и менее способным понимать исполненные жизнью социальные связи и социальные требования. Он отстраняется от настоящей жизни. И поэтому я в эти дни говорил, как здесь, так и в других местах: создавайте парламенты и государственные учреждения из честных, чистых людей, образованных в смысле сегодняшнего мировоззрения. И вы увидите, какие решения примут эти учёные, которые мыслят естественнонаучно! И наверняка такие люди в корне погубят

социальные учреждения, так как в области социальной жизни естественнонаучные понятия оказываются бесполезными. — И так обстоит дело во многих, во многих отношениях. Человек теряет известную подвижность духа из-за этого, чисто интеллектуального знания. Это меняется, как скоро человек допускает к себе понятия духовной науки. Попробуйте как-нибудь выяснить, как приходится вам перестраивать свой дух, если вы хотите что-либо понять из области духовной науки, или, если вы хотите понять то, что во внешнем мире предлагает сегодня образование. Несомненно, что духовная наука встречает такое сопротивление, поскольку она требует большей подвижности, большей текучести духа, для того, чтобы ориентироваться в ней. В том, что даёт сегодня популярная общеобразовательная литература, — или даже те её ответвления, которые растекаются по каналам журналистики, и которые потом из воскресных газет поглощают люди, как своего рода образованность, — в том, что даёт эта образовательная литература, человек может ориентироваться весьма легко. И если вы посещаете лекции, читаемые сегодня, где людям и глаза, и уши морочат тем, что, — мыслить при этом не нужно, — предлагается во всевозможных, демонстрируемых с помощью проектора световых картинах, так что самим этим людям совсем не надо думать, на надо приводить дух в движение, — вы во всём этом не найдёте ничего, что делало бы этот дух, — как мыслящий, как представляющий, — что делало бы этот дух свободным. Дух теряет непредвзятость. Дух становится утеснённым, ограниченным. Наше интеллектуальное образование является путём к духовной ограниченности. Разумеется, наше интеллектуальное образование имеет колоссальный успех в естественнонаучной и технической областях, но оно является путём к ограниченности, оно делает мышление и представление узким. И если человек хочет понять духовную науку, он должен совершенно иначе обращаться с представлениями. Вот почему сегодня люди, подходя к духовной науке, так опасаются первого шага! Прочитав всего лишь пару строк, некоторые говорят: тут я теряю себя, тут я не пойду дальше, это ведёт к фантастике! Но это отнюдь не ведёт к фантастике, просто данный человек утратил возможность освобождать свои мысли, погружаться своими мыслями в действительное, если эти мысли не ведёт на помочах внешний чувственный мир.

Вот первое: духовная наука обращается к тем силам человеческой природы, которые выводят нас за пределы ограниченности, которые дают нашему мышлению, нашей жизни представлений способность понимать не только малое, но и великое. Это было поистине очень серьёзно, когда я в эти дни *в одной из открытых лекций в Штутгарте*, сказал: для духовного исследования всё равно — материалист это или спиритуалист, дело не в этом, это второстепенно. Дело в том, чтобы развивать достаточную силу духа, для правильного продвижения вперёд. У кого есть такая сила, такая сила духа, тот может быть материалистом, и он найдёт в материи и в её процессах дух, если только будет последовательным. А тот, кто является спиритуалистом, тоже не должен останавливаться лишь на том, чтобы говорить: дух, и дух, и дух! Нет! Он должен погрузиться в материальную жизнь, в практическую жизнь, он должен сделать своё мышление плодотворным во всём, вплоть до рукоделия, ремесла. Многосторонность — вот чего требует сегодняшняя жизнь, а жизнь в будущем потребует её в ещё большей степени; многосторонность есть то, что, в первую очередь, даёт человеку духовная наука. Вот что нужно человечеству, которое противится будущему. Тот, кто знает жизнь сегодня и видит катастрофические события вокруг нас, тот знает, что глубинной причиной нынешней катастрофы является то, что люди впали в односторонность, несмотря на всю высшую образованность; они утратили возможность рассматривать дело с многих сторон. Им недостаёт подвижности духа для того, чтобы погрузиться в действительное. Многосторонность — это то, что в области представлений достигается посредством духовной науки.

Также и для чувства достигается кое-что посредством духовной науки. Ибо тот, кто хочет мыслить так, как того требует духовная наука, тот должен приучить себя к этому значительно более подвижному миру; тем самым, он высвобождает то, что в ином случае осталось бы жить в скрытом виде в человеке: оно раскрывается из человека. В наших

чувствах, эмоциях, используемых нами с нашего рождения, живут мировые ритмы. Мировой ритм живёт в нас в большей степени, нежели предполагают. Это можно доказать на цифрах, математически, только об этих тайнах бытия знают очень немногие люди. Не отвергайте таких исследований, показывающих, как весь мировой ритм живёт в нашей собственной организации, в том, что происходит в нас. Вы знаете: солнечный восход (*точка весеннего равноденствия — примеч. перев.*) каждый год сдвигается немного дальше. Если мы перейдём к древним эпохам, то так называемую точку весны (*положение Солнца в момент весеннего равноденствия*) мы имели в Тельце; затем она перешла в (*созвездие*) Овена, но и в Овене она ежегодно сдвигалась; теперь она находится в созвездии Рыб. Солнце на 21 марта не оказывается в том же самом месте (*эклиптики*): вследствие этого (*данная точка*) обходит всю эклиптику по кругу. И примерно через 25950 лет Солнце обходит вокруг, разумеется, кажущимся образом, описывает эллипс. (*Имеется в виду положение Солнца в момент весеннего равноденствия, 21 марта — примеч. перев.*). Если сегодня оно (*в момент равноденствия*) всходит в определенном пункте созвездия Рыб (*на 2010 год — 5 град. 06 минут, 56 сек.; на год прочтения лекции 1918 — 6 град. 23 мин. 51 сек — примеч. перев.*), то оно снова вернётся туда через 25950 лет. Курьёз состоит в том, что если вы эти примерно 25950 лет рассмотрите как великий Мировой Год, как и рассматривали его древние греки, и будете искать один день этого Мирового Года, то вы должны будете разделить 25950 на 365. Чем же тогда будет один День великого Мирового Года? Он составит примерно величину от 70 до 71 лет. В разрезе человеческой жизни это тот срок, когда человек становится старым. Если человеческую жизнь, проведенную на Земле, вы представите себе как один день и возьмёте весь Платоновский Год (*Мировой Год*), то это будет 365 раз по столько (*то есть примерно по 70,5 лет — примеч. перев.*). Это тот срок, который нужен Солнцу, чтобы один раз проделать в мире круговой обход, кругооборот: 365 Дней, от которых человек в своей земной жизни проживает один День. Это прекрасный ритм, но этот ритм заходит гораздо глубже. Вспомните, что мы в одну минуту делаем примерно 18 дыхательных движений. Если 18 умножить на 60, мы получим число дыханий в час; умножив ещё на 24 получим число дыханий в течение дня и ночи. Если мы подсчитаем, сколько будет $18 \times 60 \times 24$, то получим 25950. Это значит, что вы делаете в один день столько же дыханий, сколько нужно Солнцу земных лет, чтобы пройти через весь свой Год (*то есть Мировой Год — примеч. перев.*) Тот же самый ритм заложен внутренне в вашем дыхании, ритм, который внешне выявляется в ходе Солнца. И опять-таки нечто достойное внимания: в течение дня, проведенного вами, вы делаете примерно 25950 дыханий. Рассмотрим день как будто одно дыхание (*вдох-выдох*), проведенное вами; ибо утром наше физическое и эфирное тело вдыхает наше «я» и астральное тело, а вечером, при засыпании мы выдыхаем наше «я» и астральное тело; здесь имеет место вдох и выдох. Сколько раз делаем мы это в течение одного Солнечного Дня, то есть примерно в течение 70–71 года? Эти дыхания, то есть жизнь в течение одного Дня, — посчитайте, мы делаем почти точно 25950 раз. Именно столько дней проживаем мы в течение 71 года. Отдельное дыхание (*вдох-выдох*) относится к дыханию всего двадцатичетырёхчасового дня так же, как смещение точки весеннего равноденствия в течение года относится к смещению солнечной точки весны за 25950 лет. Отдельная человеческая земная жизнь по отношению к великому Солнечному Году в 25950 лет подобна одному дню. Один день нашей жизни, двадцатичетырёхчасовой день укладывается в нашей семидесятиоднолетней земной жизни ровно столько же раз, сколько один год укладывается в великом кругообороте Солнца (*то есть те же 25950 раз — примеч. перев.*). Представьте себе: это означает, что мы настолько включены в удивительный мир Космоса, проникнутого солнечным блеском, что наша жизнь, — насколько она является внутренней человеческой жизнью, — численно выражает великую Музыку сфер Космоса!

Если человек начинает углубляться в эти вещи на эмоциональном уровне, то он впервые ощущает себя как микрокосм по отношению к Макрокосму. Тогда он впервые ощущает, как весь этот великий, бесконечный Божественный мир создаёт своё отображение в его человеческой природе. Но это имеет отношение уже к чувству, к ощущению. Это

ощущение, это чувство, это чувство себя в Универсуме, чувство себя во всей духовности мира, — вот что, в конечном счёте, приходит к нам из духовной науки! Мы размыкаемся по отношению к миру, в то время как в ином случае мы замкнуты в нашем узко ограниченном «я». Мы являемся подобием, образом Бога, но мы об этом не знаем; мы начинаем чувствовать себя Божественным мировым образом, как микрокосм в Макрокосме. Мы учимся познавать, чувствуя, познавать на уровне чувства. Это происходит постепенно, медленно. Я хотел бы сказать: поскольку мы в течение жизни пробегаем эту медленную последовательность дней, это чувство благодаря духовной науке вызывает у нас Мировое чувство. Но человек должен сначала овладеть этим Мировым чувством. Ибо это Мировое чувство будет инспирировать его к большим задачам, которые человечество будет иметь в будущем. Как бы странно не звучало это сегодня: не пройдёт и пятидесяти лет, и люди не будут больше строить фабрики, не смогут обрабатывать почву в связи с обстоятельствами, которые будут захватывать человечество, если оно не овладеет этим чувством! Та катастрофа, которая постигла нас в настоящее время, есть лишь выражение той тупиковой ситуации, в которую попало человечество. Мир уже продвинулся дальше, тогда как люди со своими мыслями и чувствами ещё не продвинулись так далеко; вот почему их мыслей и ощущений недостаёт, чтобы по-настоящему вникнуть в этот мир и привести работу людей к гармоническому согласию. Человечество будет обречено развивать в социальной, общественной жизни всё большую дисгармонию, всё больше и больше разбрасывать по миру семена войны, если оно не обретёт согласие с Космосом в указанном чувстве, внося его во всё, что человек делает, даже в самое повседневное. Поэтому духовная наука связана с тем, что должно непосредственным образом войти в обиход самой внешней культуры, иначе человечеству не выбраться из тупика. В будущем не смогут содержать ни фабрик, ни школ, если человек не будет развивать понятий, исходящих из великих задач Универсума. Задачи были в наличие уже сегодня, но люди не уделяли им внимания; поэтому и возникла эта катастрофа. В только что сказанном заложены глубокие причины. Божественные знамения, проявившиеся в этих катастрофических событиях, должны быть приняты человечеством к сведению. Люди должны учиться сознательно относиться к Космосу, поскольку дальше дело так идти не может.

Позвольте привести вам пример, который в настоящее время многие сочтут глупым, а некоторые воспримут как еретическое безумие. Несомненно, человек достиг большого прогресса, скажем, в области химии, но сделал он это без того Мирового чувства, без ощущения мира, о котором я только что говорил. В будущем человек должен в качестве дополнения развить это Мировое чувство: лабораторный стол должен стать алтарём. То служение природе, которое осуществляет человек, даже в химическом опыте, должно проводиться в сознании того, что через лабораторный стол проходит великий мировой закон, если человек на нём растворяет одно какое-то вещество в другом, чтобы получить осадок, и тому подобное. Надо чувствовать себя внутри всего Универсума, тогда человек будет иначе подходить к труду, тогда будет найдено ещё нечто совершенно иное, нежели находят люди сегодня. Тогда будет найдено нечто великое; однако и оно не сможет принести правильного плода, если оно было найдено без благочестия, страха Божия, без чувства, что оно проникнуто гармонией Универсума. Как много людей абстрагируется от того, **что при Пифагоре называли музыкой сфер** ! Здесь вы не имеете чувство музыки сфер в переживании ритма, проходящего через мир. Не следует представлять себе под этим ничего абстрактного, но только то, что выступает в живом чувстве.

Знаете ли вы, что произойдёт, если глубокая сердечность, щедрое великодушие души не будут выступать в чувстве? Мы можем сказать прямо: подвижность в мышлении, многосторонность мышления и представления — это одно, что должно выступить в отношении мышления, представления. Для чувства должно выступить щедрое великодушие, чувство раскрытия по отношению к миру Противоположный полюс, — его наступление вы уже можете видеть, если вы, хотя бы с небольшим мужеством, рассмотрите мир, — это мещанское невежество, филистерство. Что принесла человеку великая, а для многих,

мыслящих материалистически, — «благословенная» культура нового времени? Покоящееся в основе души мещанское невежество, филистерство. Филистерство и мещанское невежество можно победить только с помощью той открытости, раскрепощённости, того щедрого великодушия души, которая чувствует себя как микрокосм в Макрокосме, которая исполнена благочестия, благочестивого страха перед всем тем, что как Божественно—духовное ткёт и пульсирует в мире. Также как ограниченность, интеллектуальная ограниченность должна быть в жизни представлений побеждена с помощью духовной науки, так и мещанское невежество, филистерство, должны быть побеждены с помощью духовной науки в области чувства.

И нечто третье выступает перед нами, если мы посмотрим на волю. Относительно воли все эти вещи находятся в начале. Лишь психолог, знаток душ, видит, что тут подготавливается, однако оно уже на подходе! Правда, люди верят сегодня и во многое другое, однако тот, кто в состоянии прозревать глубинный ход человеческой эволюции, замечает, что в сфере воли ничто не распространено в общечеловеческой жизни в большей степени, чем неловкость, неумелость, неуклюжесть, причём в новое время в большей мере, чем в древности. Неловкость, неумелость суть нечто такое, что грозит со временем переродиться в страшное зло в человеческой эволюции. Я полагаю, что сегодня это уже стало с полной ясностью очевидным: людьми сегодня управляют так, чтобы они делали то или иное односторонним образом. Как только они собираются что—либо сделать, чему они не обучены, вплоть до ручных приёмов, ремесла, они не справляются с этим. Как мало людей сегодня в состоянии, — позвольте мне напомнить об этом, — в состоянии пришить себе пуговицу на штаны. Мало людей в состоянии выполнять что—либо иное, что не связано непосредственно с тем, чему они серьезно обучались. Это нечто такое, что не должно быть присуще человечеству. Люди позволили придти в упадок тому, что жило в них как духовное наследие, когда они спустились из духовного мира к бытию благодаря рождению, когда они стали односторонними, как того настойчиво требовала «благословенная» культура. Тот, кто рассматривает вещи лишь теоретически, не видит связей. Но кто по—настоящему усваивает духовную науку в её жизненной полноте, тот является внутренним врагом этой односторонности, ибо духовная наука вызывает в человеческой душе такое настроение, которое ведёт к многосторонности. Вы будете, — если только вы не будете воспринимать духовную науку одной головой, но если вы так вживётесь в духовную науку, что она, эта духовная наука станет пульсировать в вас как кровь в теле, — вы будете наверняка достигать известной подвижности, изменчивости, приспособляясь к окружению. Вы получите возможность иметь дело с вещами, с которыми вы в ином случае просто не смогли бы иметь дело. Ловкость в воле, мастерство формируются, и человек становится способным приспособляться к окружению. Правда, вы могли бы сказать, если бы захотели: судя по антропософам, объединенным здесь в Обществе, что—то незаметно, чтобы они стали очень разумными, ловкими, что они проявляют больше усердия в жизни, больше жизнеспособности. Это говорят многие. Не я говорю это, но это говорят. Да, тут затрагивается нечто другое. Дело не заходит так далеко, что антропософская жизнь пульсирует в душах у людей, как пульсирует кровь в теле, однако извне вносится вредное веяние воспринимать всё только на уровне рассудка, на интеллектуальном уровне. Духовная наука тоже становится для многих лишь теорией: она становится тем, о чём они думают, но не становится их сущностью. Если вы только думаете о духовной науке, это равносильно тому, что вам безразлично, читаете ли вы духовнонаучную книгу или кулинарную книгу. Кулинарная книга может оказаться ещё более полезной. К духовной науке надо относиться серьёзно, чтобы она действительно охватила душу человека. Тогда она переходит в члены тела, тогда члены тела становятся подвижнее, человек становится более пригодным для жизни. В любом случае, речь тут идёт о том, что человек обретает силу внутренней убежденности в предмете, что он не довольствуется лишь внешней убеждённостью, но его убежденность приобретает внутренний характер.

Кто познаёт духовную науку в её внутренней жизненной ценности, то знает, что ей в

любом случае свойственно, — если она воспринимается во всей своей жизненной свежести и полноте, — ей свойственно даже продлевать физическую жизнь человека. Могут, конечно, найтись люди, которые скажут: ну, а вот один тут дожил всего лишь до сорока пяти лет, или даже до двадцати семи! Но поставьте ответный, противоположный вопрос: до скольких лет дожил бы человек, который, — занимаясь духовной наукой, дожил до сорока пяти лет, — если бы он не принял эту духовную науку в двадцать лет? Поставьте такой встречный вопрос! Внешние виды доказательств не играют роли для таких внутренних вещей. Статистика, и тому подобное, не имеет ценности, если хотят учитывать внутренний мир. Статистика во внешнем мире имеет высокую ценность, но она ограничена этим внешним и не охватывает того, что является жизненным принципом. Увидеть это очень просто: вполне правомерно, что страховые общества действуют в соответствие со статистикой и арифметикой. Они ориентируются на то, как велика прогнозируемая продолжительность жизни человека, и, в соответствие с этим, проводят страхование людей. Однако не придёт же вам в голову, что вы умрёте тогда, когда, в соответствие с теорией вероятности, для страхового общества должен наступить (*вероятный*) год вашей смерти! Так что в действительности вы не станете считать авторитетным мерилом то, что фактически является таковым для внешней жизни. Всё то, что как статистика, теория вероятностей, обладает достаточной ценностью во внешней жизни, теряет своё значение, как только речь пойдёт об их убедительности в сфере духовного. Этой убедительности вы сможете достичь лишь тогда, если вы примите духовную науку как некий живой эликсир жизни. Она станет таким живым эликсиром жизни, который позволяет человеку приспособиться к обстоятельствам.

Тогда произойдёт обратное. Однажды я был крайне удручён, опечален. Могут сказать: вот странный человек, стоит ли из-за этого печалиться! Так вот, однажды я обедал в одном доме, и хозяин там взвешивал на весах, сколько мяса, сколько овощей он должен был съесть. Он должен был взвешивать всю пищу в отдельности! Представьте себе, насколько ненадёжным стал бы у человека инстинкт, если бы каждый за обедом пожелал отвешивать себе свой рис, свою капусту. Такая ненадежность инстинкта возникает из-за чисто интеллектуальной науки, ибо она, посредством статистики может выявлять только внешнее. Но речь идёт не о том, что мы теряем инстинкт, — и теряем мы его из-за интеллектуального образования, — но о том, чтобы мы спиритуализировали, одухотворили этот инстинкт. Чтобы у нас была уверенность, как в случае инстинкта, но только духовная.

Вот то, что я должен характеризовать как наиболее значительное, когда я обращаю внимание на волю. Духовная наука проникает в волю, вбирается волей, подготавливая её так, что человек проявляет больше ловкости, умения по отношению к окружению, при этом он почти не замечает, как, в сущности, он вырастает в то, что находится в его окружении. При этом он срастается с духом, и вырастает в окружающий мир.

Видите ли, человек должен учиться переживать дух. Но это он и делает посредством духовной науки. И человечеству в будущем будет всё более и более необходимо переживать дух.

Ибо, как переживает человек то, что даётся ему в придачу благодаря зачатию и рождению? Представьте себе: на каком-то удалении от вас стреляет пушка. Вы слышите звук выстрела. Блеск вы видите несколько раньше. Но представьте-ка себе, что дело обстояло бы так; вы дежурите около пушки, и вас, по какой-то причине, выстреливает со скоростью звука. Вместе со звуком вы пролетаете сквозь воздух точно так же быстро, как и звук. При этом вы не услышите звука; вы перестали бы слышать звук в тот момент, когда стали двигаться со скоростью звука. В этом причина, почему человек не замечет дух, ведь он с той же скоростью, с которой действует дух, движется от рождения до смерти. В тот момент, когда вы воспринимаете духовнонаучные истины, вы переходите на другую скорость, нежели тело. Поэтому вы начинаете воспринимать мир в ином свете. Вы воспринимаете звук, так как не имеете равную с ним скорость. Так и дух вы воспринимаете по ходу жизни вследствие того, что вы переходите к иному темпу, устанавливаете внутренний покой, о чём вы могли прочесть в моей книге «Как достигают познания высших

миров?»). Не жить вместе с телом, но установить другой темп! Но это то, что вообще должно усвоить человечество, это то, что имеет огромное значение.

Люди сегодня не обращают внимания на то, как обстояло это дело в прежние эпохи. И хотя история — это поистине своего рода *Fable convenue*, то есть баснословие, но теперь это нас не должно беспокоить. В прежние времена человек воспитывался иначе. В прежние времена гораздо больше внимания уделяли жизни души, характера. Эта интеллектуальная, рассудочная жизнь возникла, в сущности, только в течение последних трёх или четырёх столетий. При этом упускают из вида, что человек состоит из многих частей. У человека интеллект обладает сильной способностью создавать образы; он может развиваться, но, к сожалению, он не обладает способностью развиваться на протяжении всей жизни человека, не обладает особенно в нашу эпоху, в нашем временном цикле. Он связан с головой человека, а голова сохраняет способность к развитию в лучшем случае до двадцати восьмого года жизни человека. Человеку необходимо прожить на Земле три таких срока, в три раза больше, нежели тот срок, в течение которого его голова остается способной к развитию. Несомненно, что в нашей юности мы имеем способность к интеллектуальному развитию, но мы сохраняем эту способность примерно лишь до двадцати восьми лет. Наш остальной организм сохраняет способность к развитию в течение всей остальной жизни; и он в течение всей остальной жизни чего-то требует от нас. То, что дают человеку сегодня, это лишь головное, рассудочное знание, это не сердечное знание, знание сердца. Знанием сердца, сердечным знанием я называю то, что говорит ко всему организму; головным знанием — то, что лишь рассудочно, интеллектуально, и говорит только голове. Между головой и сердцем должны быть установлены отношения постоянного обмена на моральном, на душевном уровне. Сегодня это не может происходить, поскольку мы даём наши детям слишком мало для сердца, и, так сказать, для всего остального организма. Мы даём только для головы. И вот человеку исполняется тридцать пять лет. Теперь он обладает, в лучшем случае, головным знанием; в крайнем случае, он обладает памятью об этом головном знании, которое он приобрёл. На чисто интеллектуальном уровне он помнит то, что он усвоил. Но задайте вопрос: в состоянии ли современное преподавание осуществить то, чтобы человек в более поздней жизни не только благодаря памяти помнил то, чему он учился, чтобы он всем своим чувством, будучи исполнен любовью, возвращался к тому, что он воспринял в юности? Чтобы человек ещё обладал чем-то от того, что было дано ему, обладал так, чтобы он мог заново осветить всё это? Однако идеалом духовной науки в сфере воспитания должно стать то, чтобы человек не просто возвращался назад в воспоминании. В настоящее время он даже этого не делает. Он сдает экзамен и забывает обо всём, что он «зубрил», над чем «ишачил» (*ochsen*). Но давайте возьмём случай, когда люди, вспоминая, возвращаются назад: разве то, что мы имели в школе, было таким уж раем, в который нам хотелось бы вернуться? Вернитесь назад настолько, чтобы сказать: когда я мысленно обращаюсь к прошлому, мне светит утро жизни, и поскольку я стал теперь старше, оно вследствие этого старения, обращается во мне во что-то новое. Оно было усвоено мною так, что я могу преобразовать, превратить его, я вспоминаю не только о нём, я преображаю его, оно обновляется для меня.

Содержание души человека станет исполненным жизнью, если духовнонаучные основы обновят всё наше воспитание, обновят всю духовную культуру. И всё реже и реже будут тогда в человечестве проявляться последствия раннего старения. Тот, кто исследует эволюцию человечества, знает: в 15 веке даже самые старые люди не были настолько стары, насколько сегодня становятся стариками самые молодые люди. Процесс старения усиливается в разрушительном масштабе. Этому старению можно воспрепятствовать, только создавая такое настроение, чтобы полученное нами в юности, мы могли преобразовать в старости, чтобы оно могло стать для нас новым; о чём мы бы не только вспоминали, но и преобразовывали, поскольку мы мысленно возвращаемся как будто бы в рай. Духовная наука будет вносить это в повседневную жизнь, как действенный эликсир жизни. Школа станет чем-то совершенно иным. Школа станет тем, где человек осознает: здесь заботятся обо всей жизни человека. Ибо то, что задавалось ребёнку, совершенно иным образом приходит в

старости. Некоторые вещи должны предлагаться ребёнку в такой форме, чтобы он учился смотреть на них с воодушевлением, с благочестием. Это в старости выступит снова. В среднем возрасте это в большой степени отходит на задний план, а в старости выступает, и даёт нам при этом силу хорошо воздействовать на ребёнка. Или же, *как я однажды сказал в одной открытой лекции* : кто не научился в детстве (*благочестиво*) складывать руки, тот не сможет благословлять в старости. Внутреннее чувство, которое связано со складыванием рук, выступает в нас в старости в преображенном виде, как способность благословлять. Следуя современному образованию, мы сегодня совсем не знаем, как у ребёнка в позднем возрасте отразится то, что, — с предлагаемым нынешней молодёжи материалом, — мы даём ему в возрасте от семи до четырнадцати лет и ещё раньше, и даже позже четырнадцати лет. Это крайне серьёзно; ибо здесь заложена причина той мании величия, которая насаждается у молодёжи, того высокомерного самомнения и предвзятости, как будто человек уже имеет свою собственную точку зрения, свою позицию. Сегодня от самых юных людей слышишь: но ведь это моя концепция, моя точка зрения! Каждый имеет какую-то концепцию. Это, конечно, не дело, когда в двадцать лет человек уже обзаводится концепцией. Сегодня такое сознание не востребовано.

Всё это представляет собой вещи, охватить которые можно, сказав: то, что живёт в человеке, в свою очередь проявляется в действительности, в реальной жизни. Действительность да будет поставлена в здоровое отношение к человеческой душе. Это должно стать идеалом духовной науки в связи с отношением человеческой души к действительностью. Ведь сегодня, строя, что ни на есть великие планы жизни, люди говорят без всякого отношения к действительности. Тому, кто понимает, что должно жить в человеческой душе по отношению к действительности, даже сама форма современного мышления приносит порой мучения. Если же таково мышление у учителя, преподавателя, то ребёнок выносит такое мучение бессознательно. Один пример: один очень известный профессор литературы читал вступительную лекцию, на которой я присутствовал. Он начал так: мы можем спросить об этом, мы можем спросить о том. — Он ставил ряд вопросов, на которые в ходе семестра следовало ответить. Затем он сказал: «Господа! Я вам поставил целый лес вопросительных знаков». — И я вынужден был представить себе этот лес сплошных вопросительных знаков! Представьте себе, как обстоит дело со способностью строить образы, способностью реально представлять, у человека, который, не нарисовав перед своей душой картины, стоит перед лесом вопросительных знаков! Именно это недооценивают. Ведь надо стремиться к исполненному жизнью отношению к действительности.

Недавно один государственный деятель произнёс слова: наше отношение к соседней монархии, — вот тот пункт, который во всей нашей будущей жизни должен стать политическим направлением. — Итак, представьте себе: отношение одной страны к другой — это пункт, и этот пункт должен стать направлением. Нельзя мыслить недействительное, нереальное! Но представьте себе, какую конфигурацию имеет вся душевная жизнь, которая так далеко отстоит от действительности, что может накидать такую понятийную шелуху! Но такая душевная жизнь столь же далеко отстоит и от внешней социальной жизни, она не погружается в социальную жизнь. Измышления не становятся действительностью. В духовной науке невозможно мыслить так нереально, тут невозможна та понятийная шелуха, к которой постоянно прибегают в новое время. Современность настолько высокомерна, воображая, будто бы она стала особенно практичной. Но она стала лишь подобной «шульмейстеру», педантичному школьному наставнику, она стала отчуждённой от жизни. И будущая эпоха будет характеризовать нашу эпоху посредством того, как достойным внимания образом, в высшей степени импонируя многим людям, действует всемирный «шульмейстер», всемирный наставник *Вудро Вильсон* , мышление которого ни одной тонкой нитью не связано с реальностью, у которого все слова основаны на том, что не существует, на нереальном. Вас удивит, как мало смущает некоторых людей то, что они (*американцы — примеч. перев.*) воевали с нами. Но именно среди граждан стран Средней

Европы есть сегодня многие, кто восхищается Вудро Вильсоном! В будущем будет особенно трудно понять, как могла появиться политическая программа, игнорирующая реальность, в которой заложена глупая идея о всемирном договоре, о мирном договоре между народами, и так далее. Если бы это можно было сделать! Сторонники абстракций со времён стоиков мыслили таким образом! Что всплывает сегодня как идеи вильсонизма? Для того, кто разбирается в этих делах, всё это уже было с тех пор, как появился человек. Но здоровое мышление, конечно, скажет: поскольку это всегда было, но осталось нереализованным, оно неверно, нездорово! Современное мышление отчуждается от реальности, вот отчего столь нереальные мысли вызывают у него радость.

Эти вещи связаны с наиболее глубокими жизненными принципами и жизненными импульсами. То, что сегодня господствует так много заблуждений, то, что царит такой хаос, связано с тем, что человечество пришло к мышлению, о котором хотя и думают, что оно практично для жизни, но которое на самом деле совершенно отстранено от истинной реальности. Соединиться с истинной реальностью, действительностью, в энергичном мышлении, развивающем мощные силы, чтобы проникнуть к реальности, — вот то, что как идеал должно придти к человечеству от духовной науки. Но для этого надо начать с мелочей. Мы должны развивать ум и чувство ребёнка, ориентируясь не на абстрактное, а на реальное, на то, что можно представить. Но сначала мы должны установить связь с этой реальностью. Тот, кто хочет донести до ребёнка идею бессмертия, используя образ бабочки, выходящей из куколки, но сам в это бессмертие не верит, тот до ребёнка ничего донести не сможет. Но тот, кто стоит на позициях духовной науки, знает, что бабочка является настоящим образом бессмертия, образом, который был создан Мировым Духом. Мы сами верим в этот образ. И мы выбираем не иное, как то, во что мы сами верим, ибо мы это знаем, или стремимся узнать. Тем самым, мы погружаемся в действительность, в реальность, стараемся преодолеть эгоизм, который хотел бы иметь в мышлении лишь нечто абстрактное. Мы пытаемся проникнуть в дух действительности, и, тем самым, находим путь столь необходимый новому человечеству, поскольку оно, по большей части, потеряло тех, кого можно было бы назвать практичными людьми. Они не практики; но те, кто обнищал, обеднел, и грубым образом навязывают своё обнищание всему человечеству. Помочь в этом тяжёлом положении может только одно: если человечество будет искать дух, а с помощью духа — действительность.

Это я хотел сказать вам сегодня: это мы должны усвоить как ощущение отношения человеческой души к миру, ощущение, которое даётся духовной наукой как основное настроение души. Это основное настроение важнее, чем отдельные духовнонаучные истины, настроение, с которым мы идём по жизни, если оно, благодаря духовной науке, воспламенилось в нас.

Лекция 4. Знамена времени. Восток, Запад, Средняя Европа

Первоисточник слова Бог (Gott). Земное тело, земная душа, физическая культура, духовная культура. Церкви. Что обыкновенно почитается как «Бог»? Восток и новая духовность. Ленинизм и троцкизм как в высшей степени горькая ирония. Тагор. Задачи Средней Европы между Востоком и англо-американизмом.

Ульм 30 апреля 1918 г. Перевод А. Демидов

Друзья нашего духовного движения, находящиеся здесь, в Ульме, некоторое время тому назад встречались для того, чтобы и здесь позаботиться о мыслях, устремлениях и импульсах нашего духовного движения. Здесь мы, друзья из других мест и заграницы, соединились сегодня с нашими друзьями из Ульма, чтобы сообща обдумать то, **что совместно делают в этом городе Ульме друзья нашего движения**. Совместно делают в серьёзное время, в трудное время, в то время, которое говорит к человеческим душам, используя исполненные значения знамения. Пусть же обстоятельства сегодня благоприятствуют нашему обсуждению великих взаимосвязей, духовных соотношений

человеческого развития, в которых мы поставлены в наше время и будем поставлены в ближайшем будущем. Я мог бы сказать: давайте обратим наш взгляд от того, что даже в духовной области связано с повседневными, ближайшими интересами человечества, ко всеохватывающему, всеобъемлющему, тому всеобъемлющему, с которым связано наше движение.

Ведь нам же известно, что личности нашего времени, объединённые под знаком нашего духовного импульса, должны глубоко ощущать в своих душах, в своих сердцах, что они стремятся найти нечто такое, что им в настоящее время не смогло бы дать другое духовное движение, другие духовные устремления современности. То, что они хотят найти, непосредственно связано с тем, что человек должен искать в душевной области, как в наше время, так и в ближайшем будущем, если этот человек в полном смысле слова хочет осознать своё человеческое начало. В этих поисках, в той форме, как они выражаются в нашем движении, мы встречаем много противников. Нашими противниками являются именно те, кто верит, то обязаны, — с той или иной точки зрения, — защищать истинные блага человеческого развития, обязаны защищать от тех, — по их мнению, — заблуждений человеческого духа, которые имеются в нашем движении. Многие религиозно настроенные, или по видимости религиозно настроенные люди современности, считают, что нашему движению свойственно сбивать идущих по пути к тому, в чём, — как в истинном религиозном углублении, — они нуждаются.

Можно встретить одно, несколько поверхностное, но нередко встречающееся суждение, которое гласит: удалось ли представителям христианской идеи в ходе последних столетий понять её настолько, чтобы поднять человечество на ту высоту, которая могла бы, — не хочу говорить «устранить из мира», — но хотя бы смягчить страшную катастрофу нашего времени? Они оказались не в состоянии это сделать! Эти люди, которых события ничему не научили, ничему, однако, не научились и из того, что раскрывалось на протяжении столетий, даже тысячелетий, как религиозная жизнь, как они её себе представляли, — и вот теперь на Земле, несмотря на это, вопреки этой религиозной жизни, могла разразиться такая катастрофа. И хотя этот вопрос весьма актуален, мы всё же не будем направлять наши мысли в эту сторону. Давайте лучше для начала поставим сегодня другой вопрос, на который обращают мало внимания, и который, тем не менее, поистине глубоко связан с событиями современности.

Знаете ли вы, происхождение, возникновение какого слова наименее известно современным учёным, современным филологам? Знаете ли вы, о каком слове они, даже в самых, что ни на есть научных трудах, ответят, — если вы обратитесь к ним за советом, — что нельзя сказать, откуда оно происходит, что оно означает, как его разъяснить? Это слово, источник языкового и духовного происхождения которого вы стали бы напрасно искать в научных изданиях, справочниках, — это слово «Бог» (*Gott*). Это — весьма своеобразный факт. Ведь этот факт указывает не на чисто внешнее, не на то, что укладывается в ту или иную последовательность фактов, он указывает на то, что исключительно глубоко связано с человеческой душой, с характером человека. Все люди верят, что они что-то говорят, произнося слова о Божественном при своём молитвенном обращении к Богу. Но они даже с помощью современных научных средств не могут ничего узнать о происхождении слова «Бог». Это показывает, что сплошь и рядом большинство людей современности, которые сегодня говорят о религиозной или иных духовных областях, в действительности даже не знают, о чём они говорят. Если бы только достаточно глубоко вникли в значение того, что люди не знают, о чём они говорят, веря при этом, что они говорят о чём-то наиболее внутреннем, связанном с человеческими стремлениями! Это чувствуют, хотя и не осознавая ясно, а лишь инстинктивно, те, кто испытывает побуждение выйти из всей многоликости духовной неразберихи современности и придти к наиболее духовным импульсам, чтобы эти духовные импульсы, идущие из антропософски ориентированной духовной науки связать с наиболее актуальными потребностями нашего времени. Это я неоднократно подчеркивал задолго до того, как стали надвигаться тяжёлые, грозные события современности.

Я позволю себе здесь вспомнить ту фразу, которую я часто произносил, как об этом знают друзья, давно примкнувшие к нашему движению. Я часто говорил, что на протяжении последних трёх-четырёх столетий Земля с её разными народами образовала некое единство в коммерческом, индустриальном и банковском отношении. Я указывал на то, как современные транспортные средства, средства связи, и на то, что благодаря этим транспортным средствам покатилося по всей Земле, выливаясь в единство экономики, внешней хозяйственной жизни, единство, — если можно так сказать, — физической земной жизни. Чек, выписанный в Нью-Йорке, может быть оплачен в Токио или в Берлине, или где угодно. В годы, предшествовавшие этой войне, я, дополнительно к этому факту, выдвигал требование: не только человеческое тело нуждается в душе, но всякое тело нуждается в душе, не может жить без души. То, что как физическое тело в коммерческом, индустриальном и других отношениях, распространилось поверх Земли, — Земли, как физического тела, — нуждается в душе, требует души, такой души, которая давала бы возможность, чтобы люди по всей Земле понимали друг друга в духовном смысле, духовно, подобно тому, как понимают они друг друга в коммерческом, денежном отношении. Дать земному телу земную душу, — вот то, **что я часто высказывал как наиболее важное.**

Для этого требуется время, это не дело одного дня, и то, что я здесь говорю, не есть критика времени, но лишь характеристика: она должна пробудить в человеческой душе то, что должно быть импульсом к поступку, мышлению, чувству и воле. Это не жалоба, это высказывание о том, что должно совершиться. Вот почему не следует это рассматривать как упрёк, если говорят, что люди в последние десятилетия, — в которые особенно интенсивно выстраивалось общее, глобальное земное тело, — упустили возможность создать для этого единого земного тела, геоглобального тела, единую земную Душу, геоглобальную Душу. Эта геоглобальная, земная Душа могла быть обретена только в том случае, если бы людям дали понять, что в духовном отношении люди едины, как в физическом отношении едино Солнце; такое понимание должно будет распространяться среди людей благодаря антропософски ориентированной духовной науке.

Однако до сих пор это упускали из вида. И в настоящее, катастрофическое время мы самым ужасающим образом переживаем то, что никогда ещё не происходило в истории развития человечества, которую можно исследовать по документам, переживаем, что человечество оказалось в тупике, в настоящем тупике. И в наиболее существенном оно выйдет из этого тупика только тогда, когда решится присоединить к физической культуре, которой человечество так гордится, настоящую духовную культуру Земной души, — как для нашего времени, так и для ближайшего будущего этой физической культуры.

Стремлению дать Земле новую духовность может противодействовать то, захотят ли люди при всех обстоятельствах считаться с истиной. Сейчас человечество переживает страшную катастрофу. И если человечество не решится усвоить имеющуюся здесь в виду новую духовность, тогда в течение нового периода, — может быть очень короткого периода, — эта катастрофа повторится снова. Теми средствами, которые уже были известны человечеству, перед тем, как разразилась эта катастрофа, ни саму эту катастрофу, ни все её последствия, никогда не удастся исцелить. Кто ещё верит в такое исцеление, тот не мыслит в духе земной эволюции человечества. Это катастрофическое время продлится столько, — даже если оно в середине будет на несколько лет немного сглажено, — пока человечество не станет интерпретировать его единственно правильным образом, а именно, как знамение того, что люди должны обращаться к духу, который должен проникнуть в чисто физическую жизнь. Для многих сегодня эта истина горька и неприятна, но это истина.

Спросим себя, что же вплоть до сегодняшнего дня, вопреки всё более интенсивно выступающей в течение трёх-четырёх столетий чисто материальной земной культуре, ещё поддерживало связь с духовным миром? Кто имеет опыт в этой области, знает, что связь с духовным миром поддерживалась лишь благодаря отдельным, хотя и весомым для человечества фактам. *Один человек, который был в последние годы значительным руководителем мало результативного «Общества этической культуры»,* с казал мне

однажды следующее. Он долго раздумывал над тем, как же могло случиться, что в наше просвещённое время, когда человечество знало о том, что благо, спасение, может состоять только в понимании материального мира, — как же стало возможным, что в это просвещённое время всё ещё существуют церковь: церковь, наряду с различными государствами. Этот «лозунг», в котором, по его мнению, выражалась глубокая тайна, он облёк в следующие слова: государство управляет жизнью, церковь управляет смертью. И поскольку люди ещё не отвыкли думать о смерти, как о чём-то ужасном, власть церкви состоит в том, чтобы управлять смертью. — Это чисто материалистический образ мыслей; ведь этот человек хотел, тем самым, выразить следующее: если бы люди, наконец, отвыкли рассматривать смерть как нечто значительное, вторгающееся в человеческую жизнь, если бы они научились подходить к смерти подобно животному, то и церковь потеряла бы свою власть.

Само собой разумеется, что подобное высказывание есть полный вздор, бессмыслица, причём прямо-таки блестящая бессмыслица; однако, если рассматривать духовную жизнь современности, это высказывание не вполне безосновательно. Современности приходится порой прибегать к бессмыслице, чтобы понять самое себя, чтобы выразить то, что она представляет собой в духовном отношении. В будущем в качестве особой характерной черты нашего времени будут указывать на то, что весьма одухотворённые, мыслящие люди современности были вынуждены прибегать к бессмысленным высказываниям, если пытались как можно точнее выразить характер современности, то есть переходное время от 19 к 20 столетию. Однако в этой бессмыслице была доля правды, именно той правды, что для многочисленных людей современности единственным мостом, связывающим с духовным миром было то, что эти люди в некотором отношении или испытывали страх смерти, или не могли вынести мысли, что когда их любимый человек умирает, уходит, он нём приходится думать как о несуществующем, как о пребывающем в ничто. Конечно, не следовало бы недооценивать того, что эта мысль всё ещё является достаточно значительной, что она всё ещё вызывает глубокую заинтересованность в человеческой душе. Но, увы, к настоящей связи с духовным миром не могут привести, ни страх, ни иные ощущения по отношению к смерти. К такой связи может привести настоящее, истинное познание духовного мира, может привести понимание действительности духовного мира. А такое понимание действительности духовного мира сегодня возможно не иначе, как благодаря добавлению к естественнонаучным представлениям представлений духовнонаучных.

Если эти люди не знают, откуда, собственно, произошло слово «Бог», чем, в сущности, является Божественное, то что же делают эти люди, которые сегодня говорят, что необходимо практиковать то или иное религиозное поклонение Божеству? Люди, которые зачастую считают себя глубоко религиозными, ошибочно полагают, что молятся высшему Божеству, что они делают в действительности? Весьма немаловажно было бы, когда-нибудь со всей серьёзностью поставить этот вопрос перед душой. В чём состоит этот вопрос, что он в себя включает? Этот вопрос заключается вот в чём: чем же, в сущности, является тот Бог, о котором говорит большинство людей современности, которые ошибочно предполагают, что являются религиозными натурами?

Людей отталкивает, если мы с точки зрения духовной науки говорим о том, что над нами находятся другие существа, Ангелы, Архангелы, Архаи, и так далее, что мы созерцаем иных существ, и что далёк путь наверх, к Тому, Кто является наивысшим Божеством. Но современные люди не склонны к такой познавательной скромности. Они выражают это, говоря: мы не желаем иметь посредников между собой и Богом, мы всегда хотим напрямую, непосредственно общаться с самым высшим Богом. Однако дело здесь не в том, какое мнение имеют люди о такого рода общении, но в том, что реально действует в душе человека, что реально переживает он в своей душе.

Возьмите всё то, что сегодня преподносит вам о Божестве проповедник какой-либо признанной религиозной конфессии, что он говорит о Божестве. К чему это имеет отношение на самом деле, а не судя по его словам? То, что он говорит, имеет отношение к двоякому:

или то, о чём он говорит, относится к существу не более высокому, чем его Ангел, который, как ведущее существо, стоит над каждым из нас в отдельности. Он молитвенно обращается к этому Ангелу, называя его Всевышним, Высшим Богом (*den hoehesten Gott*). Тот, кто знает, какое реальное содержание должны иметь слова, знает, что всё, сказанное в современных проповедях о Боге, ни в коем случае не относится к какому-либо высшему Богу, но относится лишь к Ангелу, или, если не к Ангелу, то ещё к чему-либо другому. Задавшись вопросом, откуда же происходит то, что люди, говоря о своём Боге, люди, которые читают проповеди о своём Боге в своей церкви, ошибочно предполагают, что имеют в своей душе переживание Божества, — а именно это предполагают некоторые современные люди, — при этом они с высокомерием называют себя «людьми, проникшимися Евангелием», «евангелическими людьми», «евангелистами» и так далее. Из каких же импульсов своей души исходят люди, которые приходят к вышесказанному? Такие люди ощущают в своей душе импульс своего собственного существа, существа, развивавшегося в чисто духовном окружении между последней смертью и новым рождением. Это духовное существо, развившееся в нас между последней смертью и нашим рождением, находится теперь в нашем теле, оно имеет отношение к нашему телу. Многое из того, в чём мы теперь живём, приходит исключительно от этого существа, приходит из этого существа, существовавшего до рождения, преекзистентного существа (*vorgeburtliche Wesen*). Это преекзистентное существо и ощущает человек как нечто духовное; это преекзистентное существо и есть то, с чем он чувствует себя соединённым. Ведь даже так называемые теософы самых разных направлений всё снова и снова подсказывали людям, ублажая их духовным сладкоречием, что дело будто бы в том, что человек соединяется в себе со своим Богом. Но то, что чувствует человек, якобы соединяясь со своим Богом, это он сам, это всего лишь его духовно-душевное существо во время между его последней смертью и последним рождением. То, о чём говорят многочисленные пасторы и священники, когда они говорят о Боге, которого они чувствуют в своей душе, есть ни что иное как предчувствие своего собственного «я». Однако это «я» предчувствуют не таким, как оно развивается здесь, в физическом теле, в физическом окружении, но таким, как оно развивалось в духовном мире между смертью и рождением. Вот что они ощущают, и затем начинают молиться. Кому же они молятся? Самим себе.

Вот то, что самым душераздирающим образом выступает из многих духовных течений современности. Рассматривая эти вещи в реальности, следует признать, что люди мало по малу бессознательно пришли к тому, чтобы неосознанно, не зная об этом, молиться самим себе. Если же кому-то удастся разузнать истину, то он выражает её в достойной внимания форме, как это сделал **Фридрих Ницше**. Надо уяснить себе: тот, кто не хочет признавать иерархий, не хочет признавать величие и широту духовного мира, то молится или исключительно своему Ангелу, что тоже является эгоистической молитвой, — или он молится самому себе. Это является духовной формой эгоизма, к которому постепенно пришло человечество под влиянием материалистического развития нашего времени.

Вы скажете: да что это он нам тут рассказывает? Ведь это неправда! Ведь не говорят же люди, что они молятся самим себе, что они молятся всего лишь своему Ангелу! — Конечно, они этого не говорят, но они делают это; и то, что они говорят, служит лишь для того, чтобы ввести себя в самообман относительно тех фактов, которые, тем не менее, остаются реальностью. То, что говорится сегодня, есть лишь многоразовое средство обмана человечества, поскольку люди, конечно, не захотят признать то, о чём тут идёт речь. Люди сегодня считают крайне неудобным дорастить себя до духовных миров посредством внутренней работы. Этого они не хотят. Они хотят проникнуть к духовным мирам гораздо более простым способом, как можно проще. Вот почему они обманывают себя, вот почему они оглушают себя. Но нельзя обманывать себя безнаказанно. Мир идёт своим путём. В мире действует Божественно-духовное начало, даже если его не желают признавать. Оно ткёт и действует внутри. И глубочайшая задача нашего времени состоит в том, чтобы снова установить связь с этим реальным духовным началом, избавиться от одухотворённого эгоизма, который мы только что описали, преодолеть его. Вот то, что говорит к сердцу, если

человек постиг глубинный импульс духовной науки для современности. Мир, — я перед этим уже обращал на это ваше внимание, — мир, посредством своих могущественных знамений, принуждает человек снова искать дух. Однако должно иметься в наличии ядро устремлённого человечества, обретающее себя в этом духовном стремлении, которое, как одно единственное, может быть для современности правильным, истинным и действительным.

Видите ли, Земля выполняла различные задачи. Ведь не только отдельный человек имеет задачи; Земля в целом постоянно имеет свои различные задачи. Иные задачи в то время, которое *последовало за великой атлантической катастрофой, имели люди (древне) индийской культуры, — иные, опять-таки немного позднее, люди (древне) персидской культуры, и* ная задача стояла перед людьми, когда тон задавали египтяне и халдеи, иная задача, когда задавали тон греко-римские народы. Это продолжалось до 15 века. И опять-таки иная задача поставлена перед нами, начиная с 15 века по настоящее время. И эта задача, поставленная перед нами сейчас, совершенно иная, чем те, которые имели место на Земле когда-то. Эту задачу, которая поставлена перед человечеством в нынешнее время, начавшееся с 15 века, время, которое продлится до четвёртого тысячелетия (*до 3573 г. по Р. Х — примеч. перев.*), эту задачу можно характеризовать, указав на самое существенное, что произошло на Земле именно в этот период.

Оглянувшись назад в период до 15 века, рассмотрев это время духовнонаучным образом, видят, как до 15 века всё, что развивали люди, было проникнуто некоторой духовностью. Об этом не рассказывает внешняя история, ибо она представляет собой некое баснословие, Fable convenue, которое мы изучаем в школе и университете. Если же вы действительно изучите то, что люди создавали тогда в повседневной жизни, обнаружите, что оно было насквозь проникнуто известной духовностью. Наиболее характерное в нашей эпохе — это отступление этой духовности; духовность эта должна была бы совершенно утратиться, если человек не добавит к чисто внешней, материальной культуре, некую новую духовность. Посредством чисто внешних обстоятельств земная эволюция была предопределена к тому, чтобы стать чисто материалистической. И тот дух, который в прежние эпохи земного развития приходил, так сказать, сам по себе, человечество должно теперь, исходя из свободного внутреннего деяния, само добавить к тому, что уже имеется.

Отвлечёмся от того, что внесли в земную культуру люди из своей внутренней свободы, из своего сознания. Посмотрим лишь на то, что само по себе происходило в нашем пятом (*послеатлантическом*) периоде, длящемся с 15 века (*с 1413 г. — примеч. перев.*). Тогда выясняется, что это такой период, в котором Земля начала умирать для Космоса в целом, для Универсума. Пятый период является началом смерти Земли (*Beginn des Erdentotes*). В то время как в течение всех прежних эпох то, что исходило от самой Земли, ещё могло вносить известный вклад по отношению к вышеуказанному Духу Универсума, то вся блестящая культура, развивающаяся в этом пятом периоде, в пятой эпохе, — телеграф, телефон, железные дороги, — вся эта блестящая культура имела еще значение для самой Земли, но не имела никакого значения вне Земли. Ничего из того, что возникало в эпоху Египта, в эпоху эллинизма, не погибнет вместе с Землей; но то, что возникает в наше время на базе чисто материалистической культуры, погибнет вместе с Землёй, когда сама эта Земля станет мировым трупом.

То, что сегодня создаёт современная материальная культура, погибнет вместе с Землёй. Это время должно прийти. Ибо люди должны становиться свободными. Они не должны искать дух по принуждению, они должны находить духовное начало, духовность из свободного, внутреннего осознанного действия. Поэтому наступил нынешний период, в котором всё то, что мы можем обрести внешним образом, то, чем мы можем гордиться — существует только как внешнее и только для Земли: для духовного мира этого не существует. Но именно поэтому это время таково, что даёт человеку свободу подняться к духу; это время указывает людям на их внутренний мир, на их душу, на их сердце, на их нрав — это время, когда они хотят стать более духовными. Это время, которое не принуждает

людей быть духовными, но предоставляет людям свободу: хотят ли они пасть, деградировать вместе с внешней материальной культурой, или они не хотят деградировать вместе с этой культурой.

Истину, подобную только что высказанной, истину о том, что человечеству совершенно необходимо, можно постигать или на основе духовной науки, — а всё то, что вы находите в духовнонаучной литературе даёт вам краеугольный камень для постижения того, что я только что изложил, — или можно, если человек, хоть немного подготовлен духовной наукой, считать подобные вещи в тех властных знамениях времени, которые разыгрываются сейчас. Но люди ещё мало склонны к прочтению знамений времени.

Вспомните следующее. Тот, кто в последние десятилетия хоть немного оглядывал арену развития человечества, может сделать одно весьма примечательное наблюдение. Если он спрашивал себя: каким образом стремятся люди к идеалам будущего, к некоему духовному обновлению? — и если затем он переходил к действительному знакомству с этими вещами, то обнаруживал активные стремления, обнаруживал духовные стремления, духовную деятельность и чувство того, что на Земле необходимо иное устройство. — Он обнаруживал это в связи с той областью, которую принято называть социалистической, в мире рабочих, в рабочем движении. Чисто материальные, хотя и правильные идеалы будущего, где постоянно задаётся вопрос: как должен быть перестроен мир, как должно прийти нечто новое — это было одно.

Задавая вопрос в иной области, нежели область социализма, — наше духовное движение является, ведь, всё ещё маленькой кучкой, состоящей, как говорят люди, из чудаков, полубезумных людей, — так вот, задавая вопрос разумным людям, тем, кто действительно понимает идеи времени, мы повсюду в последнее десятилетие обнаруживали чудовищную духовную пустыню. Среди церковных теологов возникла странная дискуссия: а жил ли вообще Христос Иисус, или нет? Он не мог быть каким-то внеземным существом, Он был *«простым человеком из Назарета»* — вот какой темой были озабочены они. А что ещё? Что ещё можно было найти? И вот, в то время, когда люди «освободились от всякой веры в авторитет», в то время, когда люди руководствовались правилом «проверяй всё, и используй лучшее», — мы обнаруживаем слепую веру в авторитет тех, кто, как это говорят, «двигал науку». Слепая вера в авторитет во всех областях! Слепая вера в авторитет в областях от истории до медицины. Никто не считал удобным для себя что-либо знать о том, от чего зависит здоровье; заботиться об этом предоставили тем, кто был авторитетом в этой области. Просто ужасающая вера в авторитет! Надо же так цепляться за остатки, за лохмотья того, что сохранилось из прошлого, что держится на привычке к удобству. Никакого стремления, осознания того, что человечество нуждается в духовном обновлении!

Тот, кто может наблюдать духовнонаучным образом, обнаружит, что на Востоке Европы, — я бы сказал, посреди огненных знамений и благодаря чисто природным процессам возвещает о себе некий новый дух. Кто может наблюдать, обнаружит, что под позорнейшим внешним ярмом на Востоке Европы, в самих душах одурманенных жителей этого Востока Европы, развиваются грядущие времена. Знаменательно, как, *начиная с девятого столетия, от остальной Европы отодвигается на Восток то, что должно сохраниться, то, что не должно было быть пожрано (angefressen) Западом, то*, что выступило тогда в различные столетия во внешних формах так называемого Русского Государства, удивительным образом внутренне сохраняя нечто древнее. В оболочке этой древности, подобной кокону, подготавливается новое для позднейшей культуры! Можно сказать: мистериальный культ всё ещё сохраняется внутри этого русского народа, русский народ живёт с мистериальными представлениями, он мало понимал абстрактные религиозные понятия Запада, однако он чувствовал многое. Русский народ в своём глубинном, самом глубинном внутреннем мире чувствовал культовые формы, чувствовал то, что в образной форме приводило человеческую душу к Божественному. В собственной душе человек на Востоке чувствовал то, исходя откуда, ведущие религиозные деятели Запада (*Римские Папы — примеч. перев*) восприняли титул: «Понтифик», что означает «делатель

моста», «строитель моста» в духовную сторону, по ту сторону. Но на Востоке из древности ещё сохранилось многое, необходимое для того, чтобы, не будучи затронуто новым, новым материалистическим началом, по крайней мере, зарезервировать такой мост в духовное.

А теперь сопоставим с этим нынешнее знамение времени! Можно сказать: самая, что ни на есть горчайшая ирония человеческой эволюции, человеческого развития проливается на Востоке Европы, самая горькая ирония! Карикатура на всякое высокое стремление человечества проявляется в ленинизме, в троцкизме, как завершающее карикатурное последствие чисто материалистических социалистических идей, проявляется как одежда, которая не подходит к телу, которая «напяливается» на людей Востока. Ещё никогда не происходило столкновения противоположностей бОльших, чем столкновение Души европейского Востока и античеловеческого *троцкизма* или *ленинизма*. Это говорится не в связи с какой-либо симпатией или антипатией, это говорится из познания, из того познания, которое должно показывать нам, как нечто страшное затевается на европейском Востоке, затевается посредством сплачивания величайших противоположных начал, которые когда-либо сходились вместе. Это также должно указывать нам на то, о чём отчётливо говорят знамения времени. Это должно указывать нам, что начинать следует с серьёзного отношения к духовной науке; с её помощью мы хотим подступить к действительности. Ведь с её помощью можно проникнуть к современной действительности.

Тагор прочитал японцам замечательную речь, — *Рабиндранат Тагор*, — речь о духе Японии. Он, Тагор, говорил как человек Востока; но люди на Востоке сегодня говорят так, что европеец, если только он захочет, может кое-что понять. Однако если углубиться в то, что сказал Тагор о духе Японии, углубиться в то, что он, собственно, хотел сказать всему миру, можно обнаружить, что Тагор, как и все прозорливые люди Востока, знает: Восток хранит древнюю спиритуальную культуру, спиритуальную культуру, которую мудрецы Востока заботливо сохраняют в тайне, которую они не делают доступной простому народу. Но эту спиритуальную культуру они внедрили, воплотили в социальные учреждения, вплоть до новейшего времени. Культура эта целиком и полностью спиритуальна, но время её истекло. Вот почему она на всём азиатском Востоке выступает навстречу нам, как нечто неестественное. Люди, которым присущ древний спиритуальный образ ощущений, усваивают западные формы мышления, западные культурные формы. Вследствие этого выходит наружу нечто страшное, поскольку спиритуальное мышление, — как оно выработано у японцев, — подвижно, оно способно проникать в действительность. Братаясь с европейско-американским материализмом, оно, — поскольку европейский материализм не хочет одухотворяться, — оно естественным образом, наверняка обгонит, опередит его. Ведь у европейца отсутствует та подвижность духа, которую имеет японец. Он имеет её как наследие древней спиритуальности.

Благодаря как бы чудесной мудрости, Русская Народная Душа была сохранена от всего того, что ведёт к гибельному развитию, ведёт к деградации. Но она была отравлена посредством ленинизма и троцкизма. Ей пришлось заразиться тем, что вообще погасило бы дух во всей земной культуре, если бы стало господствовать. Само собой разумеется, этого быть не должно. Однако, — если этого быть не должно, — успех, духовный успех зависит от того, что человек принимает решение рассматривать духовную науку не просто как абстрактную теорию, не только как удобное средство для своего рода внутреннего наслаждения, своего рода мистического мечтания, развиваемых в душе. В этих мечтаниях и наслаждениях он, хотя и чувствует себя благополучно, однако посредством их он обманывает себя, что ему будто бы нет дела до мира. Он презирает этот подлый, гнусный мир, он чувствует себя в духовной потусторонности. Это не более чем эгоизм, хотя и высокий эгоизм, но, тем не менее, эгоизм. С такими мистиками, с такими теософами лучше не иметь дела; но следует иметь дело с тем духовным постижением бытия, которое действительно охватывает дух, переживает дух, но посредством этого духа хочет овладеть действительностью, реальностью.

То, о чём здесь идёт речь, надо расценивать как задачу, как серьёзнейшую задачу

современности. Однако эти вещи порой оказываются неудобными. И именно потому, что они неудобны, некоторые сохранившиеся до сих пор братства держат их в тайне от широких масс, «надзирают» за этими вещами. Это уже несовременно. Современное то, что люди, исходя из осознания внутреннего мира, стремятся к духовности. Те вещи, которые на протяжении тысячелетий хранились в тайне, должны теперь сообщаться людям. Надо увидеть, что на Востоке в древние, отжившие эпохи существовала спиритуальная мудрость, но время этой спиритуальной мудрости миновало. Должна придти новая спиритуальная мудрость. На её счёт люди многократно заблуждаются. Как много людей выступает в наше время поиска, желая сделать этот поиск удобным для европейца, поскольку нечто такое, как наша духовная наука, гораздо более трудно. Ведь они рассуждают здесь так: мышление — это нечто неудобное! Тут надо бодрствовать духовно: а духовно бодрствовать — это неудобно! Поэтому находилось столь много людей, которые хотели бы избавить европейцев от поисков собственного пути к духу. И подsunуть им всевозможные виды ориентальной, восточной мудрости, зороастрийскую мудрость и всевозможные другие виды. Европейцам нравилось, они чувствовали себя благоприятно, если они не сами предпринимали поиск духа, но если им преподносили готовый дух древней Индии. Это было обманчивое средство, ибо посредством этого духа человек не хотел искать Вселенную. Он впадал в самообман, когда использовал древние познавательные средства. В этом состояла ошибка, которую во многих областях совершали по отношению к Востоку.

Делали и другую ошибку. Эта другая ошибка связана с тем, что это новое время, которое, в известном смысле, ведёт Землю к отмиранию её культуры, возбуждает в человеке бессознательную необходимость искать свой собственный внутренний мир. Порыв искать и находить этот собственный внутренний мир, этот порыв уже существует здесь. Всё многочисленнее будут становиться те люди, которые настроены на то, чтобы искать этот собственный внутренний мир! Это проявляется в скрытой форме; такой поиск собственного внутреннего мира может проявиться под маской, в молитвах Богу, которые являются или молитвами к Ангелу, или к своему собственному «я» (*des eigenen Selbst*). Поиск внутреннего мира будет становиться всё более и более живым в современном человечестве. Чем больше естественной науки, чем больше техники будут иметь люди в новое время, тем живее станет противоположное стремление к поиску внутреннего мира. И хотя люди сегодня часто ищут на ошибочном пути, они, тем не менее, ищут. Менее всего ищут те, кто выступает в качестве официальных органов по поиску духа: они ищут «**границы познания**». Они пытаются декретировать, что человек не может знать о духовном мире. Так сегодня у нас есть духовные вожди, которые, прежде всего, озабочены тем, чтобы сказать людям, что человек не может проникать в духовный мир. Но есть и человечество, которое, хотя и ищет, но не имеет ясного сознания относительно своих поисков.

Это явление явно бросается в глаза. Если вы действительно хотите понять разгадку того, как обстоит дело с душами по ту сторону Земли, то найдете искания души в людях, мирянах, непосвящённых профанах, испытывающих жизненную нужду и борьбу. Если же вы спросите тех вождей, которые должны говорить людям с высоты церковных или университетских кафедр, чтобы удовлетворить эти искания, они ложно внушат вам, что наука, мол, не позволяет переступать границы познания, и человек не может проникать в духовный мир. **Кант** на все времена установил границы человеческого познания, и кто их не соблюдает, тот глупец. — В этом состоит наиболее сильно бросающееся в глаза явление современности. Однако порыв этот имеет место в самых широких кругах, хотя они и не осознают этого порыва — искать свой внутренний мир. Где такой порыв существует, там уже не станут долгое время удовлетворяться такими границами познания. Но будут искать чего-то иного.

И как Восток послал сюда дурманные, оглушающие средства древней культуры, некой отжившей культуры, так и отдалённый Запад посылает людям дурманные средства иного рода. Это то, что постепенно становится видимым: англо-американизм в культурном отношении является в настоящее время оглушающим, одурманивающим средством

относительно поиска духа во внутреннем мире человека. Англо–американская культура с одной стороны имеет задачу организовать и распространить материальное начало по всей Земле; однако эта культура связывает осуществление этой задачи с внутренним своеобразием англо–американской сущности, с тем, что вследствие американизма человек оглушается, одурманивается относительно поиска духовного начала в душе. Чем более восточным будет человек в Европе, тем более одурманенным станет он по отношению к спиритуальному познанию мира. Чем более англо–американским станет человек в Европе, тем более одурманенным станет он относительно поисков истинного духа, истинного «я» во внутреннем мире человека.

Не ради того, чтобы развивать шовинизм, не ради произнесения всяческих тирад о той или иной мировой миссии говорятся здесь эти вещи, но потому, что, — самым скромным образом, — всё это надо увидеть, чтобы понять ответственное положение человека Средней Европы. Ибо со времени духовного углубления, достигнутого благодаря *Лессингу, Гердеру, Гёте, Шиллеру*, благодаря всему тому, что я попытался обрисовать в книге *«О загадке человека»*, обрисовать, как забытый отзвук германской духовной жизни, — итак, со времени того духовного углубления средневропейский Дух призван к тому, чтобы отвести человечество от этих обоих одурманивающих средств. От одурманивающего ориентализма, от Востока, и от дурмана американизма.

Увидеть то, как над Землей устанавливается некая духовная панорама, некая картина, увидеть то, что заложено в наших душах — руководство к такому видению должна взять на себя духовная наука. Могут ли сегодня люди там, во вне, в мире, узнать, какие спиритуальные импульсы должны прийти в мир из Средней Европы? Могут ли они это узнать? Поставим вопрос иначе: можем ли мы достойным образом поддержать духовный поиск, пробуждённый благодаря Гердеру, благодаря Гёте? — Мои дорогие друзья, в духовной науке по праву рекомендуется медитация. А знаете ли вы, что было бы чудесной медитацией, которую можно было бы начинать с маленькими детьми? *Прочтите у Гердера*, как он каждый солнечный восход по утрам изображает как новое творение в грандиозной картине мира. Прочтите о тех бесчисленных картинах, образах, которые находятся у Гердера в его книге «Идеи к философии истории человечества». Это забыто, ушло в прошлое! В эти дни один господин, серьёзно относящийся к средневропейской духовной жизни, сказал мне: обо всём этом я у Гердера ничего не слышал!

Да, перед нами стоит некая задача: и мы должны разглядеть эту задачу. Послушайте сегодня такого китайца, как *Ку—Хунг-Минг*. Послушайте такого индуса, как Тагор. Считаете ли вы, что эти люди имеют возможность действительно разглядеть, что происходит, какие духовные импульсы имеются в средневропейской духовной жизни? Они посмотрят на неё и скажут: ну, жил себе Гёте, и для заботы о гётеанизме было даже основано Общество Гёте. Но что произошло? В последние годы искали тех, кто должен был бы руководить этим Обществом Гёте, тех, кто должен был бы стоять на его вершине. Не раз задавали вопрос: должен ли это быть человек, действующий в духе гётеанизма, человек, который и теперь, спустя сто лет после Гёте, мог бы действовать ради спиритуализма, каким последний должен мыслиться сейчас? Нет, *на вершину Общества Гёте был поставлен человек, который раньше был министром финансов. В* от кого видит внешний мир в качестве наследника гётеанистической спиритуальности! Никого иного, как только тогдашнего министра финансов, в качестве правителя гётевской спиритуальности не видят!

Недостаточно постоянно взывать: дух, дух, дух, — нет, надо, чтобы человек пронизал действительность тем, что достигнуто на пути духовного созерцания. Это духовное созерцание должно быть введено в действительность. Именно средневропейцу поставлена задача, и задача эта требует исполнения. Ибо духовная наука, как она мыслится здесь, есть, ни что иное как продолжение того, что пришло в период великого поворота новой духовной жизни, поворота, на который я только что указал. Было бы необходимо, чтобы чисто материальные социалистические устремления, которые на протяжении десятилетий были чисто импульсивным движением, обрели себе партнёра в лице духовного движения! Пока

ещё не слишком поздно, но это должно быть, наконец, понято, чтобы не погибло то, что является нашей задачей. Должно быть, наконец, понято, что со всеми ударными лозунгами не удастся продвинуться дальше, что новый дух должен охватить человечество. Но сегодня люди проходят мимо духа. И жизнь предоставляет нам многочисленные тому примеры.

Лишь один пример, каких можно было бы привести тысячи и тысячи. Недавно появилась примечательная статья одного весьма разумного человека в одной из популярнейших немецких газет. Этот разумный человек резко критикует, «уничтожает» *одну книгу, которая несчастным образом вышла в собрании «Из мира природы и духа». О н ругает и чернит эту маленькую книжицу*. Читая эту статью, нельзя разгадать: почему же этот человек так ругается? Потому, что в этой книге говорится об астрологии и о гороскопе, причём так, как говорит об этом нормальный, бравый университетский профессор, который, само собой разумеется, не поддерживает «суеверия» астрологии. В заключении он ещё развивает свой взгляд, при этом он описывает гороскоп Гёте; его веселит во всем этом то, что в этом гороскопе можно найти всё, что угодно. Итак, бравый университетский профессор описывает астрологию с современной точки зрения. Нельзя было бы быть более достойным и порядочным университетским профессором, чем тот, кто написал эту книжицу. Но вот, Фриц Маутнер, на чём свет стоит ругает эту книгу за то, что она, якобы, распространяет суеверие. Он ругается и ругается, и не знает, почему! *Пару дней спустя автор (книжицы)* опубликовал исправление, в котором он указывает: я, мол, полностью согласен с Фрицем Маутнером, он смеётся над гороскопом и астрологией, я тоже! Я привёл гороскоп только для того, чтобы показать, что оттуда можно вычитать всё, что захочется. Мы целиком и полностью едины. — «Берлинский ежедневный листок», в котором Фриц Маутнер был прежде театральным критиком, ничего не возразил на это, ибо он не считал, что Маутнер неправильно понял ситуацию. Маутнер тоже не нашёл слов, чтобы прояснить дело. Короче, яростно столкнулись друг с другом два человека, которые были одного мнения, столкнулись, даже не зная, почему. Ведь для этого не было ни малейшей причины.

Так вообще идут дела в современности; это характерный признак современности. Люди больше не слышат то, что они говорили друг другу; у них зачастую есть очень мало, что сказать друг другу. Но то, что они развивают, то, что они имеют друг против друга, проистекает из совсем иного источника, нежели считают они. Человек живёт в полной неясности, в полной иррациональности, поскольку он отчуждён от действительности и не может подступиться к ней.

Если вы продумаете, прочувствуете эти вещи, тогда вы ощутите в своих душах важность, значительность того, чем является духовная наука. На ложном, весьма ложном пути находятся те, кто полагает сегодня, будто бы духовная наука непрактична. Лет через пятьдесят никто не сможет основывать фабрики, никто не сможет основывать какие-либо профессиональные рабочие союзы, не пронизав это дело духовной наукой. Ибо единственно она найдёт путь к действительности. Если поймут, правильно поймут, что все старые лозунги ведут в тупик, что для самой повседневной, внешней материальной жизни нам необходимо прозрение в Духе, который правит миром, тогда духовная наука будет понята. Тогда человек эгоистическим образом не будет переходить в духовный мир «по единственному мосту — смерти», — тогда человек даже из смерти будет извлекать жизнь.

Кто серьёзно занимается духовным исследованием, имеет право в таком интимном кругу говорить об этих вещах. Я более тридцати лет пишу о Гёте, и то, что я пишу о Гёте, мне хотелось бы писать не внешним филологическим или философским, или иным научным образом. Дело для меня состояло в том, чтобы посредством отношения к Гёте получить возможность выразить, — и выразить это в моих книгах, — выразить то, что Гёте сейчас хочет сказать человечеству в определённой области. Вот что было мне близко. Я не к умершему Гёте хотел обратиться, чтобы изучать его. Нет, я хотел посредством того, что оставил Гёте, найти путь к живому Гёте. К Гёте, который говорит в нашей душе, если мы знаем, что умершие являются живыми, как и мы, что они вживаются в мир, в котором живём мы сами. Только мы странствуем тут в теле, а умершие находятся среди нас в духе.

Но существует ли в религиозных сообществах истинная совместная жизнь с умершими? Эгоистическая вера в бессмертие существует, её не следует порицать. Но опять—таки, только духовная наука делает жизнь умерших плодотворной. Ибо посредством духовной науки люди будут находить путь к тем, с кем они были связаны кармически, к тем, которые перешли в другой мир, но ещё тысячами нитей связаны с этим миром. Ибо в том, что происходит здесь, на Земле, действуют не только импульсы живущих. Человек, пройдя через врата смерти, не прекращает действовать для этого мира.

Мы бодрствуем лишь частично. Когда мы воспринимаем, строим представления, мы бодрствуем. Когда мы чувствуем, мы грезим, находимся в сонном состоянии. Наши чувства живут в нашем сознании не сильнее, чем наши сновидения. И наши волевые импульсы мы тоже просыпаем. Вспоминая о сновидении, мы познаём их на уровне представлений: единственно, о чём мы в обычном сознании не знаем, это то, как действует наша воля, если мы движем рукой. В чувстве мы грезим, видим сны, в воле мы спим. Когда мы проявляемся как существо, которое чувствует, или которое волит, вокруг нас находится мир духа, которого мы в обычном сознании не видим. Мы вырваны из этого мира вследствие восприятия и мышления. Из—за того, что мы являемся воспринимающими и мыслящими существами, из—за того, что мы пользуемся физическим миром, мы не знаем, что среди нас странствуют умершие. Умершие бродят среди нас. Человек, развитие чьей жизни завершилось, проходит через врата смерти. Он остаётся связанным с земным бытием, нити от него спускаются в земное бытие. Мы не можем чувствовать и волить без того, чтобы в нашем чувстве и воле не действовали умершие, которые кармически связаны с нами. Духовная наука позволяет нам признать; то, что в ином случае считают за ничто, можно живо созерцать как некую жизнь, не утерявшую связь с Землей. На этом также покоятся и духовные задатки человека Востока. Народы Средней Европы имели задачу: исходя из свободы души, вплоть до четвёртого тысячелетия проводить в жизнь всё то, что может человек создать сознательно, из свободы своей души. Но для этого в любом случае внешняя материальная действительность должна быть духовно—спиритуально (*geistig—spirituell*) проникнута. Действительность не должна погрузиться в вильсонизм, который является противоположностью всякой духовности. На Востоке из тех страшных тамошних противоречий, из той разрозненности, построенной на троцкизме и ленинизме, насильственно привитых на зачаточной спиритуальности, должно быть спасено то, что подготавливается как ближайшая культура. Культура, призванная к тому, чтобы всякий раз, когда на Земле что—то происходит, спрашивать: что говорят об этом умершие?

Да, сегодня это гораздо более важная вещь, знать, что есть нечто такое, к чему мы приближаемся в развитии Земли. Сегодня люди так рассудительны, так разумны уже в двадцать лет! Им уже с двадцати лет позволяется избирать в парламент, поскольку каждый в двадцать лет уже имеет свою точку зрения, является законченным человеком. Но и жизнь после двадцати лет до смерти дана нам не напрасно, мы постоянно добавляем к ней нечто, открывающееся нам как новое; когда мы проходим через врата смерти, мудрость идёт дальше, жизнь продолжается, идёт дальше, мы становимся разумнее. Вот то, чем должны проникнуться люди. И в будущем будет видно, что самые мудрые люди, у которых надо спрашивать о том, что должно происходить на Земле, — это умершие.

Душу сознательную, — в моей книге «Духоведение» («*Теософия*») вы прочитаете, что это такое, — душу сознательную вырабатывает современность. Самодух вырабатывает следующая, ближайшая культура. Самодух формируется посредством того, что умершие становятся советчиками, советниками живущих на Земле. Сегодня это расценивается как фантастические мечтания, как полу безумье. Но это будет реальностью. Придёт время, когда люди, соединённые здесь, на Земле, чтобы сделать что—либо разумное, то, что имеет значение для развития Земли, будут задавать вопросы не только живым, но и умершим. Впрочем, ближайшей формой, которую примет в будущем политическое устройство, формой, которая должна быть подготовлена, мы сегодня заниматься не будем: это ещё должно оставаться мистерией. Но уже следует проникаться тем, что должно выступить в

человечестве как живое сознание: мы находимся вместе с умершими. Человек должен развивать не только эгоистическое стремление к бессмертию, но и то, живое стремление, которое изживается в деянии, в деле.

Осознать то, что духовное знание хотело бы включить единичное человеческое стремление во всеобщую устремлённость Земли — вот о чём считаю я особо уместным напомнить в данной ситуации, когда наши друзья работают вместе, чтобы найти духовнонаучные ответы на вопросы жизни. Речь сегодня идет не только об узко эгоистических потребностях человеческой души; сегодня, когда мы серьёзно зависим от того, сколько заботы будет проявлено к духовной науке, речь идет о судьбах земной культуры. Осознание этого не есть высокомерие или мания величия, это осознание должно осуществляться со всей скромностью, но оно должно осуществляться, поскольку сегодня должны быть люди, которые прозревают серьёзность этого человеческого устремления на Земле. Углубитесь в духовную науку, и тогда вы найдёте; как ни мала эта ветвь, она может внести свой вклад в то, чем должна стать эволюция человечества, в то, что должно свершиться, если Земле суждено пойти навстречу своей цели!

Лекция 5. Как люди противятся духу

Отношения между живыми и умершими. Засыпание и пробуждение. Умершие как советчики живых. Ллойд Джордж, Маттиас Эрцбергер. Развитие Гёте. Фауст и Вагнер. Мефистофель, Люцифер и Ариман. Психоанализ. Отто Вейнингер. Макс Дессуар. Оскар Гертвиг, Гиббон, Трейчке. «Экзамен на одаренность»

Гамбург 30 июня 1918 г. Перевод А. Демидов

Мы часто сталкиваемся с вопросом, который должен интересовать нас всех: откуда идёт то, что в современности ещё сравнительно мало людей ищет доступ к духовному познанию миропорядка? Ответить на этот вопрос можно с самых разных точек зрения. Давайте обдумаем сегодня одну точку зрения; она может сблизить нас с некоторыми мыслями, воспринять которые именно в наше время может быть исключительно важно.

Если мы рассмотрим отношение человека к духовному миру, то многое в этой области может заинтересовать нас. Одно, что нас интересует особо, так это отношения, в которых может оказаться человек в связи с теми человеческими душами из его круга, из его круга, с которым он кармически связан, и которые прошли через врата смерти, то есть уже перешли в духовное царство. Отношение к так называемым умершим будет всё снова и снова пробуждать интерес к теме: отношение человека к духовному миру. Именно это отношение особенно показывает, насколько принципиальны различия в созерцании, наблюдении духовного мира, к которому подступает человек, и в наблюдении физически чувственного мира. Я часто упоминал: если человек предстаёт перед духовным миром, он очень быстро приходит к тому, что он должен прямо—таки радикально поломать те представления, которые образовал он здесь о физическом бытии. Радикально поломать потому, что вещи и процессы духовного мира ему часто приходится постигать посредством понятий, противоположных по отношению к понятиям о вещах физического мира. Не следует, однако, считать, что можно прийти к познанию духовного мира, если представить себе, что физический мир, всего лишь, поставлен (*с ног*) на голову, что нужно всё перевернуть. Это не так. Каждое отдельное явление надо особо испытывать, особо исследовать. Но в том случае, когда речь идёт об отношении людей к так называемым умершим, тут, — по крайней мере, для начального созерцания, — дело обстоит так, что нам следует вместо обычных, соответствующих физическому миру понятий, овладеть противоположными понятиями.

Духовный исследователь может сначала только рассказать, как обстоит дело. То, что было рассказано о связи с так называемыми умершими, в действительности, в большей или меньшей степени, имеет отношение к каждому человеку. Однако если человек не является

духовным исследователем, оно остаётся только в подсознании. Итак, я расскажу те вещи, которые существуют для всех вас. Я буду говорить об отношениях с так называемыми умершими, отношениях, в которых вы все состоите. Только эта связь вначале остаётся бессознательной. Духовная наука поднимает эти вещи наверх, в сознание.

Давайте допустим следующее: тот, кому раскрылся духовный мир, стоит по отношению к какому-либо умершему. Обнаруживается, что если мы, говоря, обращаемся к умершему, то мы, само собой разумеется, делаем это не физическими словами, а мысленно. Если мы, мысленно говоря, обращаемся к умершему, тогда, если отношения с умершим имели действительный, реальный характер, возникает ощущение: то, что сам человек спрашивает у умершего, или то, что человек ему сообщает, исходит от самого умершего. Не правда ли, в физической жизни мы привыкли представлять вещи так: если мы кого-то о чём-то спрашиваем, говорим ему что-то, то слышим, как говорим мы сами, мы сами обращаем слова к нему. Совсем наоборот происходит это, когда мы вступаем в отношения с умершим. Тут, если мы хотим сообщить ему нечто, и это настоящее общение, мы имеем чувство: мы сами внутренне находимся в полном покое. Ибо, если то, что нам надо было спросить, или сообщить, действительно дошло до него, то нам, нашему наблюдению, кажется, как если бы слова, — то есть мысли, — приходили от него к нам. Тут он говорит нам. А вот то, что он (*действительно*) говорит нам, поднимается наверх из глубины нашей собственной души как ответ, или как сообщение. Отношения, которые я только что описал, носят обратный характер в сравнении с теми, которые мы имеем к какому-то человеку на физическом плане. Естественно, это нечто такое, на что человеку в обычной жизни нелегко обратить внимание, так как это отношение совершенно иное, нежели то, к которому он привык. Если бы это не было для человека так непривычно и трудно, — привыкнуть к непривычному, — то гораздо больше людей могли бы рассказать о своих отношениях, о своём общении с умершими.

Возьмите особенный случай. Вы поддерживаете отношения с каким-либо умершим, кармически связанным с вами. Если вы хотите сделать эти отношения особо внутренними, особо реальными, то вы хорошо сделаете, если, в первую очередь, обратите внимание на одно важное правило, а именно на то, что абстрактные мысли, абстрактные представления имеют для духовного мира наименьшее значение. Всё, что остаётся абстракцией, не имеет цены по ту сторону, в духовном мире. Итак, если вы, скажем, лишь абстрактным образом мыслите об умершем, если вы, — можно сказать и так, — абстрактно любите умершего, то по ту сторону дойдёт немного. Напротив, если вы сильно связываете эти отношения с чем-то конкретным, это дойдёт по ту сторону. Я считаю так: вы вспоминаете, например, о какой-либо ситуации, в которой вы, — ещё при жизни умершего, — находились с ним. Вы совершенно точно, наглядно, предметно представляете себе: вот так он стоял или сидел по отношению к вам, вот так вы с ним прогуливались. Вы представляете его себе в совершенно конкретной ситуации, рисуете себе, каков он был, что он сказал, что говорили ему вы. Вы отпечатываете в себе тон, звук его голоса, и пытаетесь, — вот это как раз самое трудное, — снова дать возникнуть в вашей душе и в данное время тому чувству, которое вы питали к нему тогда. В том конкретном, определённом, что вы с ним пережили, вы связываетесь с ним. А затем вы пытаетесь, исходя отсюда, скажем, что-либо сказать умершему, сказать то, что вы, если бы он был ещё жив, могли бы сказать ему, ориентируясь на какую-нибудь ситуацию. Вы хотите что-то спросить у него, что-то сказать ему. Вы представляете себе это так, как если бы он ещё был здесь, опять-таки совершенно конкретно. Это простирается, доходит по ту сторону. В тот момент, когда у вас появляется чувство: теперь я нечто сообщаю этому умершему, сейчас я о чём-то спрашиваю этого умершего, — установленная при этом связь в любом случае не является непосредственной, прямой. В этом отношении надо считаться со временем. Время действительно, представляет собой нечто такое, что для духовной жизни имеет ещё и совершенно иное значение, нежели здесь, в физическом бытии.

Если вы сами не являетесь духовным исследователем, вы всё же вполне можете реализовать это с помощью того, что я только что характеризовал, вы можете установить связь с умершим. Однако надо переждать некоторое время для того, чтобы то, что вы хотели

послать умершему, действительно дошло до него. По большей части у тех, кто бессознательно посвящён, кто неосознанно имеет отношение к духовному миру, дело состоит в том, чтобы выбрать для себя особо важный момент для установления отношений с умершим: это момент засыпания. Момент перехода от бодрствования ко сну является в то же время моментом, когда, по большей части, то, что вы в ходе дня направили умершему, — как я описал, — переносится к умершему. Путь, который вас самих при засыпании вводит в духовный мир, приводит в царство умерших также и то, что вы направляли умершим. Поэтому вы должны быть осторожны при толковании сновидений. Очень часто сны являются всего лишь реминисценциями, воспоминаниями о дневной жизни, но они могут и не быть такими. Они могут быть отражением действительности. В особенности те сны, — не всегда, но очень часто, — в которых нам снится кто-либо из умерших, имеют фактическое соприкосновение, связь с действительными умершими. Но люди обычно верят, будто бы то, что является им во сне, и есть непосредственная действительность, в том виде, как она является во сне. Это не так; но то, что вы хотели сообщить умершему при засыпании, умерший воспринимает, а то, что является во сне, есть то, как он это воспринимает. Итак, если умерший во сне нечто сообщает вам, так это то, что должно показать вам, что вы сумели нечто сообщить ему. Здесь вы имеете то, что я уже характеризовал. С большим правом, чем вы предполагаете, вы могли бы, — если во сне вам является умерший и говорит что-то, — вы могли бы сказать: я видел сон об умершем, значит то, что я сказал умершему, действительно дошло до этого умершего. Он показывает мне, — когда я вижу сон о нём, — что до него дошло то, что я хотел сообщить ему.

Для получения ответного, обратного сообщения от умершего, скажем ответа, или чего-то подобного, — особенное значение имеет момент пробуждения. Перенесение из духовного царства того, что, — как мы выражаемся, — сообщили нам, живым, умершие, происходит в момент пробуждения. А затем оно из глубины собственной души поднимается наверх. Люди очень хотели бы получать впечатления только из внешнего мира, хотели бы воспринимать только то, чем является внешний мир. Они больше всего хотели бы заглушить то, что поднимается из глубины души. Но если кто-то в действительности ощущает: из глубины души поднимается нечто, какая-то мысль, какая-то идея, — то он считает это своим собственным достижением, собственным даром. Так он удовлетворяет своё тщеславие. Все вещи, поднимающиеся из глубины души, мы считаем нашим достоянием, нашей интуицией. Это может быть и так, но в большинстве случаев это не так. В большинстве случаев вещи, которые поднимаются наверх из нашей души как интуиции, вдохновения, являются ответами, которые дают нам умершие. Ибо умершие в любом случае живут с нами. Итак, то, что по видимости говорит из нас самих, является, собственно, тем, что говорят умершие. Дело только в том, чтобы мы правильным образом истолковывали эти переживания. То, что более подробно может быть сказано об общении с умершими, я уже часто упоминал: чтение вслух и так далее. Чем живее, чем внутренне чувственнее, чем нагляднее переживает человек эти вещи, тем значительнее становится связь с умершим.

Не лишено значения и то, если человек ясно разыгрывает, демонстрирует в своей душе эти отношения. Ведь в наше время совершенно необходимо как можно ближе принимать истины, относящиеся именно к тем вещам, о которых я высказывался только что. Мы живём в такое время, когда, — уже в течение долгого времени, — человеческий организм приходит в упадок. Мы все гораздо духовнее, гораздо мудрее, чем то, что выявляется наружу; это происходит вследствие деградации нашего тела. Греческие тела ещё могли лучше отражать то, чем был человек, исходя из духа. Уже с середины атлантической эпохи человек, относительно своего тела находился в состоянии упадка, деградации, а в наше время особенно усилилась неспособность тела отражать то, чем является человек в соответствии с духом. Так в нашу эпоху необычайно часто происходит то, что мы, умирая, — я назову это так, — оказываемся ещё не завершёнными в смысле нашего развития, наше развитие оказывается незавершённым. Лишь бы это было понято правильно! Мы развиваемся в течение всей жизни, но это развитие может быть осознано нами лишь в соответствии с той

его частью, которая отражается телом. Иногда мы, как люди, если мы умираем, оказываемся настолько мудры, что могли бы исполнять некоторую важную службу для Земли; не только для духовной области, но и для Земли. Эту службу мы могли бы выполнять благодаря нашим познаниям, если бы могли их применить. Эта служба могла бы оказаться полезной, если бы люди, — как я объяснял вам, — устанавливали бы отношения с умершими. Умершие ещё хотят воздействовать на физическую жизнь, но они могут делать это лишь на окольном пути, посредством человеческих душ, если человеческая душа соответственным образом предоставляет себя в их распоряжение.

Я уже как-то упоминал здесь, что именно в связи с этим пунктом я могу высказать нечто такое, что близко мне лично: я никогда не считал, что я лишь литературно-исторически или исторически разрабатывал то мировоззрение, которое связано с Гёте, но всегда полагал, что имею дело не только с Гёте до 1832 года (*то есть до смерти Гёте — примеч. перев.*), но с Гёте конца 19 столетия, с живым Гёте. С тем Гёте, который в 1832 году многое с физического плана перенёс по ту сторону, причём оно ещё может действовать, если только хотят это воспринять. Поэтому то, что я написал, не было чисто литературно-историческим исследованием, но было сообщением того, что он мне говорил. Так называемая культура нашего времени, однако, радикально противодействует тому, что я только что сообщил.

Необходимо, чтобы духоведение всегда было связано с жизнью и делало эту жизнь плодотворной. В наше время господствует идеал, который, можно сказать, всецело противоречит тому, о чём я говорил как об отличительной особенности нашего времени. Этот идеал можно было бы характеризовать так: людьми всё больше и больше овладевает тенденция как можно меньше доверять жизни. Они верят в жизнь лишь до двадцати лет. Это проявляется в практических целях, которые ставят люди. Если мы обратимся назад к Греции, будет видно: люди там верили в то, что становясь старше, они становятся мудрее, чем были в юности. Более старый человек мог лучше знать об устройстве города и государства, нежели молодой. Такая вера осталась в прошлом, ибо в настоящее время идеал большинства людей состоит в том, чтобы сделать как можно младше тот возраст, в котором получают право избирать в городской и государственный парламент, поскольку люди большей частью верят в жизнь только до двадцати лет. Однако жизнь по праву требует от нас, чтобы мы верили в неё, как в нечто целое, чтобы мы верили в то, что развитие продолжается в течение всей нашей жизни. Вы только представьте себе, насколько изменилась бы наша социальная жизнь благодаря моральным импульсам, если бы мы знали: человек может развиваться в течение всей жизни, — как бы относились молодые к старшим, к старикам, если бы эта мысль укоренилась в человеческой душе! Представьте себе, насколько иным было бы сознание, если бы всё снова и снова повторяли: сейчас я ещё юнец, тридцати или тридцати пяти лет, но я когда-нибудь состарюсь. Старение для меня означает надежду, ожидание того, что когда я стану старше, ко мне придёт нечто такое, что не могло придти, поскольку я был молод. — Представьте себе, с какой жизненной радостью, жизненной силой жил бы человек, пронося это сознание в течение всей своей жизни, до самой смерти. И перед смертью он говорил бы себе: да, скоро я смогу придти к тому, чтобы всё то, что было мной испытано в жизни, отразить как в зеркале в моём сознании; кое-что я пронесу через смерть, а затем найдутся люди, верящие в умерших, которые дадут умершим возможность давать себе советы. Вы только представьте себе, насколько безрассудным, тупым посчитали бы того, кто стал бы говорить сегодня об этом, хотя это должно было бы быть основой для практики. Я считаю это вполне серьёзным, когда говорю: наши парламенты по всей Земле поистине стали бы рассуждать намного разумнее, чем они рассуждают сегодня, если бы в качестве советников у них были умершие. Если бы сегодня, обсуждая какую-то тему, ставили вопрос так: а что об этом думают не только молодые люди, молокососы (*Dachse*) лет тридцати, тридцати пяти? Но: что говорит, например, Гёте, или другой умерший, которому уже сто, или ещё больше лет? Вот то, чем в будущем должна стать непосредственная практическая деятельность.

Сегодня есть некоторые, скажем, тайные общества: они оберегают всевозможные

древние символы. Они сделали бы лучше, если бы, понимая потребности своего времени, превратились в центры, где исследовались бы советы умерших. Это бесконечно значительно! Ибо человечество не пойдёт вперёд, если оно не осознает, что Божественно–духовное начало действует в развитии в течение всей нашей жизни; мы не получаем законченности в двадцать лет.

Здесь я хотел бы обратить ваше внимание на следующее: в прежние времена эволюции человечества дело обстоит так, что люди исключительно благодаря своему физическому телесному развитию в течение всей своей жизни ощущали, что они душевно–духовно развиваются. Подобно тому, как в настоящее время человек лишь в период половой зрелости, иначе говоря, до двадцати лет чувствует, что его душевно–духовная жизнь развивается параллельно с его физически–телесной жизнью, так в очень древние эпохи он и на сороковом году, и в пятидесятые годы своей жизни чувствовал зависимость душевно–духовного от физически–телесного. Однако, начиная примерно с тридцать пятого года, поскольку тело тогда вступало в стадию обратного развития, — если человек ещё сохранил способность к развитию, — итак, с тридцать пятого года развивались именно духовные силы, к которым человек не приходит, если не даёт им расти посредством духовной науки. Раньше стариков уважали, ибо знали: в них раскрывается нечто такое, что ещё не может раскрыться в молодом возрасте. Я обращал внимание на то, что человечество становится всё более и более молодым. Если мы вернёмся в праиндийскую культуру, то тогда было так, что люди до пятидесяти лет сохраняли способность развития. В древнеперсидской культуре они сохраняли эту способность до сороковых годов, в египетско–халдейской культуре — до тридцатипятилетнего возраста. Когда в пятнадцатом веке завершилась греко–римская культура, люди сохраняли способность развиваться лишь до двадцативосьмилетнего возраста. Какой человек наиболее характерен для настоящего времени, этой эпохи материального развития? Видите ли, это был бы человек, целиком и полностью отвергающий душевные побуждения к духовному развитию, человек, который принимает только то, что втекает в него извне, принимает то, что предоставляет ему современность.

Представим себе в идеале некую, скажем, фигуру, особенно характерную для современности. Это была бы такая личность, которая ничего не усвоила из курса нашей интеллектуальной гимназии, — ибо там воспринимают старое, древнее, там человек всё же душевно пробуждается, — эта личность принимала бы в себя только то, что подступает к человеку извне. Это человек, самостоятельно выбившийся в люди, человек, делающий самого себя, *selfmademan*, который обычно принимает в себя то, что он в чувствах, в ощущениях и в мыслях переживает из действительности. Он, с седьмого, восьмого, девятого года жизни вырастает, будучи проникнут известной негативной социальной волей к противодействию правящим классам; он не хочет «тянуть сани» для кого–то, имеющего титул или власть. Он не посещал греко–латинскую школу, а учился исключительно у жизни. Затем он получил профессию юриста, подобную адвокатской. Не потому, что он изучал адвокатуру, юриспруденцию, но благодаря тому, что практически освоил это дело в канцелярии, и получил признание. Всё то, что подступало к нему до его двадцать седьмого года жизни, подступало не каким–либо необычным образом, не путём повторения древней культуры; подступало то, что несла ему современность. В двадцать семь лет он был избран в парламент. Тогда он выступил перед современниками, и, поскольку он до сих пор развивался самостоятельно, он, предоставив себя людям, не предполагал дальнейшего своего развития. Будучи в парламенте, можно стать министром. Развитие тут, по мнению наших современников, ни к чему; иначе люди скажут, что человек противоречит сам себе, что раньше он говорил нечто иное, нежели теперь, что теперь он противоречит сам себе. Есть ли такие люди в современности? Знаете ли вы одного особо характерного человека, который является как бы концентрированным экстрактом нашей современности? Это *Ллойд Джордж*. Сегодня нельзя постигнуть своеобразие некоторых современников, если упустить из виду эти вещи, если не рассматривать своеобразие человека таки образом. Ллойд Джордж — человек, который сам себя сделал. До двадцати семи лет он воспринимал только то, что

преподносила ему современность; но поскольку он не имел внутренних душевных побуждений, его развитие остановилось на двадцать седьмом году. Его избрали в парламент. Ллойд Джордж в парламенте: он сидит там, скрестив руки, сидит со своими, слегка скошенными внутрь глазами, и постоянно парирует, следя за слабостями своих противников. Затем премьер-министром становится *Кэмпбелл Баннерман*. Спрашивают: что же делать с Ллойд Джорджем? Он критикует всё, что делается в министерстве! — Что делать? Его берут в министерство; внутри он становится менее оппозиционен, чем снаружи. Он становится министром. Обнаруживается, что он и в этой ситуации осваивается в кратчайшие сроки; ведь он по праву представитель нашего времени. Люди, конечно, спрашивают, какой же портфель мы дадим Ллойд Джорджу? — Ведь дело в том, что он очень способный человек. Так они соглашаются дать ему то, в чём он не разбирается: портфель (*министра*) общественных работ, общественного строительства. Но смотрите; за три месяца он входит в курс дела и великолепно управляет в качестве министра в той области, о которой он до этого времени не имел понятия.

Вот характерная фигура современности. Таких фигур в том или ином смысле имеется много. Вам следовало бы спросить: что это за люди, которые до двадцати семи лет, — в настоящее время это пограничный год, — развиваются, воспринимая то, что даёт им окружение, а затем сразу же вступают в общественную жизнь и больше не продолжают своё развитие?

Одна личность, которая несколько ближе к нам, *Маттиас Эрцбергер*. Если вы изучаете его биографию, то вы найдете в ней то же самое, если рассмотрите её с оккультной точки зрения. Это нечто, весьма примечательным образом выступившее в эпохальной картине. Но если с чуть-чуть оккультной точки зрения заглянуть в сердце этого человека, обнаружится нечто такое, что должно войти в историю развития человечества. Вы видите, как раскрывается, снимает оболочку культурная эпоха, если подойти к ней так, проникнув за кулисы. Во всяком случае, культура эпохи, эпохальная культура требует от нас, чтобы мы могли проникать в неё глубже, нежели это обычно делают в настоящее время. Но это возможно только тогда, когда человек осознает, что умершие говорят с ним. Естественно, это будет тем, что наиболее характерные представители нашего времени не приемлют.

Если вы хотите изучать человека, в котором вы могли бы увидеть непрестанное стремление к дальнейшему развитию, увидеть бессознательную веру в длящуюся реальность Божественно-человеческого начала в человеческой душе, реальность, длящуюся до самой смерти, — то таким человеком является Гёте. В этом направлении Гёте гораздо более характерен, чем это полагают обычно. Гёте именно хотел оглядываться на эпоху, на годы жизни, в которые он воспринял из внешнего мира то, что приносил ему этот внешний мир; но он хотел продолжать своё развитие. В книге «Поэзия и правда» он описывает свою юность. Она прервалась с его переездом в Веймар. Родившись в 1749 году, он в 1775 году переехал в Веймар; он продолжает рассматривать свою жизнь, — так, как он хотел отобразить её, — вплоть до тридцать пятого года, поскольку он бессознательно знал, что здесь ему предстоит особый, исполненный значения момент. На тридцать пятом году жизни человек переживает один момент, который он в последнее время, по большей части просыпает. Это тот момент, когда растущая, идущая по восходящей жизни переходит в отношении тела в нисходящую стадию. Но именно тогда дух подталкивается, подвигается к способности раскрывать себя, причём раскрывать себя всё больше и больше.

Это величайший момент в человеческой жизни — этот тридцать пятый год жизни. Это именно то время, когда человек в физической жизни впервые по-настоящему рождает свою душу. Спросите себя, каким представился этот момент для такого человека, как Гёте, который всю свою жизнь сохранил способность развиваться? 1786 год, — в это время, следующее за тридцать пятым годом, очень важен период от тридцать пятого до сорок второго года жизни, — Гёте провёл в Италии. Если вы, более внутреннем, более интимным образом займётесь биографией Гёте, вы увидите, что за перелом означал этот год в его жизни. *Я указывал в одной статье, которая появится теперь в виде маленькой книжки*

«Духовный склад Гёте в его откровении в «Фаусте» и сказке о Змее и Лилии», — итак, я указывал, насколько личную позицию занимал Гёте по отношению к Фаусту. Я обсуждал, по крайней мере, пару истолкований. Именно в связи с этими истолкованиями, из-за того, что пишут, человек может, скорее запутаться, чем получить объяснение. Не особенно важно, на чём строят эти люди свои истолкования того, что говорит Фауст в самом начале:

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом,
Увы, с усердьем и трудом
И в богословье я проник,
но всё ж остался дураком,
не стал умней я с этих пор...

Люди самодовольно заявляют: он окончил все четыре факультета, но не добился успеха в жизни и усомнился, отчаялся во всём знании. — Особенно у актёров часто возникает чувство, что они должны с презрением относиться к этим четырём факультетам. Однако это место не представляет собой чего-то характерного, специфически гётевского, важного, это всего лишь вступление, затакт. В эпоху Гёте так говорили многие люди. Поскольку там, где в Фаусте выступает гётевское начало, дело обстоит иначе. Это место, где Фауст берёт в руки книгу Нострадамуса и сначала разглядывает в ней знак Макрокосма. Этот знак отображает то, каким образом человек включён в целый Макрокосм. Как связан его дух с Мировым Духом, его душа — с Мировой Душой, его физическая природа — с физически началом мира, — это отображено в величественном образе переливающихся друг в друга мировых ковшей, сосудов, — планет и Солнца со стоящими за ними иерархиями. Но Фауст обращается к себе со словами: «Какое зрелище! Лишь зрелище, увы!». Он видит картину, зрелище. Почему? Потому, что в этот момент ему хотелось бы в один миг охватить, постичь мировые тайны. Но это можно осуществить только в течение целой человеческой жизни, поскольку такое постижение даёт физический мир, всё развитие. Познание же вообще, как таковое, может дать только образы, картины (*Die Erkenntnis kann nur Bilder geben*). И вот затем он обращается к знаку микрокосма. Здесь он встречается уже не Духом Макрокосмоса, но только с Духом Земли. Дух Земли даёт то, что охватывает на Земле историю, человеческое начало.

В потоках жизни, в буре деяний
Я поднимаюсь, я опускаюсь,
Тку здесь и там...

Фауст ищет самопознания с помощью Духа Земли, а познание мира (*Макрокосма*) он отвергает. В этом и состоит гётевское начало, тут начинается гётевское. Прежде шёл затакт. Гёте в самом деле был в своей юности таков, он не шёл дальше выраженного в следующих словах: всё, что относится к Макрокосму, даёт мне всего лишь образ, картину, тут мы не можем проникнуть внутрь. Лишь, исходя изнутри наружу, могу я разрешить загадку жизни. На это Дух Земли, то есть Дух самопознания, говорит ему:

Ты подобен лишь тому духу, которого ты постиг. Не Мне.
(Ты равен лишь тому, кого ты постигаешь, не Мне) (*Холодковский*)

И вот тут Фауст терпит крах. Так какому же Духу подобен он? Видите ли, это место в «Фаусте» даёт нам возможность познакомиться с поэтом, который не теоретизирует! Здесь нет теории, здесь вы имеете дело с поэтом, который в живой, художественной форме отображает реальность. Проверьте сами: «ты подобен лишь тому духу, которого ты постиг, не Мне!». Стучат: входит Вагнер. Вот и ответ: ты подобен Вагнеру, не Мне!». Это место в «Фаусте» следовало бы особенно изучать. На сцене это не следовало бы изображать так, как это делают обычно; Фауст — человек, стремящийся лишь к идеалам, который стремится вверх, к высотам духа, на что он, безусловно имеет право, а затем сюда же ковыляет Вагнер.

Если бы это стал изображать я, я сделал бы так, что Вагнер является в маске Фауста, оба имеют один и тот же облик, поскольку Фаусту было указано: смотри, вот твоё подобие, твой точный образ, ты не дальше, чем он! — И то, что говорит при этом Вагнер, замкнуто в пределах одной и той же личности; то, что говорит Фауст — это, в сущности, голос его стремлений, его тоски. Но те, кто объясняет Фауста, и люди вообще, хотят сделать эти вещи как можно более удобными. Охотно цитируют: «чувство — это всё, имя — всего лишь звук и дым», несмотря на то, что Фауст предназначает это шестнадцатилетней девушке. Итак, мудрость «премудрого пескаря», мудрость «жареной рыбы», драпируется под «философскую мудрость». И тут навстречу Фаусту выступает Вагнер, выступает ради своего самопознания, — как было сказано, я это приводил в маленькой книжке, — но Фауст, тем не менее, соприкоснулся с Духом. Ему является Дух Земли, он вступил в духовный мир, ему надо бы двигаться дальше, он должен самостоятельно наверстать то, что упустил до сорока лет. Фаусту сорок лет, когда он выступает в начале поэмы. Да, он должен наверстать, чего ещё не сделал, чем не занимался: Библией. Своего рода ретроспективный обзор об упущенной юности предпринимает он. Затем к нему подступает самопознание иного рода: Мефистофель. После самопознания в связи с Вагнером, это, опять-таки другое самопознание. При этом выступает нечто своеобразное. В девяностые годы, в 1797 г. Шиллер побуждал Гёте продолжить своего «Фауста». В 1797 г. Гёте было сорок восемь лет. Это снова важный момент, важный временной пункт. Семь раз по семь — это сорок девять, это тот временной пункт, когда человек, пройдя от особенного развития Самодуха, переходит к развитию Жизнедуха. Шиллер подталкивал. Люди же объясняют это просто. **Минор, который написал интересную книгу о Гёте**, считал: Гёте достиг такого возраста, когда он уже не был способен писать стихи. — Но представьте себе, если бы это было так, он никогда не дописал бы своего «Фауста»! Он никогда не смог бы изобразить жизнь человека в почтенном возрасте, а Фауст всё же достиг почтенного возраста! Гёте приблизился к тому возрасту, о котором древние индусы говорили: теперь человек достиг того возраста, когда он может подняться в Царство Отца, может постепенно подниматься вверх, к глубоким тайнам духовной жизни. — Тут Гёте достойным внимания образом встречает своего Мефистофеля.

Вы знаете: если пытаются познакомиться с силами, противодействующими человеку, то обнаруживаются две силы, Ариман и Люцифер. Гёте перепутал эти силы, смешал их в одно. Раньше он этого не чувствовал, и создал Мефистофеля как один единственный противодействующий образ. Лишь отдельные подробности позволяют вам увидеть, что образ Мефистофеля не представляет собой единства. Гёте смешал в одну кучу и Люцифера, и Аримана. В 1797 году он это заметил, и поэтому ему было так трудно продолжать «Фауста». Духовная наука ещё не заходила так далеко, чтобы расщепить противника человека на двух противников: Гёте остановился на одном. Мы узнаём натуру Гёте, если учтём, что Гёте, в сущности, должен был бы создать два образа, которые он совместил в одном. Гёте действительно совершал некоторую внутреннюю работу, и почувствовал, что образ Мефистофеля внутренне противоречив. То, что «Фауст» был завершен и состоялся как великая поэма, конечно, обусловлено великой поэтической силой Гёте. Но она, в свою очередь, была тем, что Гёте в волении изливал из подсознания. Вы видите, что человек может обладать способностью к развитию, он может самым элементарным образом чувствовать в своей душе то, что работает в нас совместно с духом в течение целой жизни, а не только до двадцати лет.

То, что известно всем как «Пролог на небесах», Гёте написал только в 1798 году. Что происходит в Фаусте? Гёте этого не высказал, но в его душе это есть: он позволяет Фаусту снова взяться за книги, и теперь он стоит перед Духом! Но теперь это уже не зрелище: тут духи ткут в сферах, тут Фауст стоит посреди Макрокосма, вовлечённый во всеобщую борьбу добра и зла. Фауста нельзя рассматривать от начала до конца так, как если бы он оставался одним и тем же, нет; Гёте порвал с воззрениями своей юности, и всё больше и больше вводит Фауста в Дух Макрокосма — я всего лишь хотел бы показать вам, насколько закономерно была построена эта саморазвивающаяся жизнь Гёте. На его примере можно показать, как от

семилетия к семилетию периоды развития человека идут до самой смерти. В соответствие со смыслом и духом современности человек должен подсознательное всё больше и больше поднимать вверх, в сознание. Об этом подсознательном было сказано много; но его рассматривали неправильно, его рассматривали недостаточно глубоко.

Сегодня имеется нечто такое, что называют аналитической психологией, психоанализом. Он в некотором смысле подступает к подсознательному духовно–душевному началу в человеке, однако, с недостаточными средствами. Достаточные средства — это духовнонаучные средства. Учебный пример, который всё снова и снова приводят психоаналитики, показывает, что эти люди работают с неподходящими, недостаточными средствами. Проведём перед нашей душой **пример, из которого, в сущности, развился психоанализ** : одна дама знакома с одним мужчиной. Мужчина этот женат; она знает его в пределах дозволенного для семейного мужчины, но жену этого мужчины не знает. Смотрите, жена семейного мужчины по различным причинам, — к которым, возможно относится и эта дама, — заболевает. Она становится нервной; сегодня вообще люди стали нервными, стали неврастениками, это не должно никого удивлять. Жена должна отправиться на курорт на много месяцев. Однажды вечером она собирается уехать, но перед отъездом предполагается вечерняя трапеза, — ужин, «супер», как говорят в Германии, — на который приглашена та самая дама, которая хорошо знакома и с мужчиной, и со всей семьёй. Ужин проходит очень хорошо. Затем хозяйке дома пора в путь. Общество тоже постепенно, — как принято говорить, — расходится. Группа гостей идёт по улице с той самой дамой, которая хорошо знакома с хозяином дома. Как это бывает и здесь, и там поздним вечером, люди идут больше не по тротуарам, а посередине улицы. И вдруг, оглябая угол дома, появляются дрожки, не автомобиль, а именно дрожки, коляска, и та дама, подруга хозяина дома, не отступает на тротуар, как другие, но бежит перед лошадьми вперёд. Кучер ругается, щелкает кнутом; но она бежит и бежит, пока не оказывается на мосту. Тут у неё возникает мысль: надо спастись. Ситуация опасная. И вот, она, спасаясь, прыгает в воду. Её оттуда вытаскивают, спасают, и общество несёт её обратно, в тот дом, из которого она только что выходила, несут на квартиру хозяина дома. Здесь она остаётся на ночь. Остальные расходятся по домам. Тем самым было достигнуто нечто, о чём я сейчас не хотел бы распространяться и характеризовать. Психоаналитики изучают этот случай в связи со скрытыми в душе причинами: может быть с этой дамой на седьмом или восьмом году жизни произошёл несчастный случай, связанный с лошадьми, это событие откликнулось в душе, она моментально потеряла сознание и побежала вперёд из страха перед лошадьми. Так ищут «скрытые регионы души». Но это не так. Это неправда. Правда такова: в душе человека есть подсознание, которое может быть хитрее, рафинированнее, чем верхнее сознание. Эта дама была весьма порядочной дамой, но она была влюблена в хозяина дома. Её верхнее сознание не допускало мысли: я хочу остаться в этом доме, — но её подсознание делало это. Это было точно взвешено: если я побегу перед лошадьми и прыгну в воду, меня отнесут назад! — Что было сделано. В верхнее сознание этой дамы это никогда не вступало, но в подсознании эта дама проделала то, что произошло. Человек носит в себе это подсознание, которое значительно мудрее, хитрее, — как с хорошей, так и с плохой стороны, — чем верхнее сознание. Как сказано, в настоящее время обращают внимание на это подсознательное, но используют при этом неподходящие средства. Надо уяснить себе, что только при посредстве духовной науки могут быть найдены подобающие средства, если хотят показать, что помимо «я», живущего благодаря телу, в нас живёт некая вечная духовность (*Ewig—Geistige*). Это не только Ангел, поэтому эта вечная духовность может быть рафинированной, в соответствие со своей кармой. Духовнонаучным образом можно исследовать, что это подсознательное в своих проявлениях через человека всегда существует. Бессознательное сегодня стучится, прорывается в сознание, и мы не идём по жизни правильно, если оставляем его без внимания, если мы также и нашим сознанием не проходим теми же путями, которыми идёт наше подсознательное. Многие люди не хотят этого, и поэтому они не хотят подступиться к духовной науке.

С одной стороны, имеются некоторые причины для того, чтобы не подступаться к духовной науке. Люди не хотят понять, что по отношению к умершим всё обстоит наоборот, обратным образом. Надо полностью переучиваться. В то время как в обычной жизни человек привык к тому, что когда мы что-то говорим или спрашиваем, оно звучит из наших уст, то при общении с умершим дело обстоит так, что сказанное нами звучит из его души, а то, что говорит он — поднимается вверх из нашего собственного внутреннего мира. Так обстоит дело сообразно природе.

Другое дело — это антипатия, которую имеют люди по отношению к духу; ибо они неохотно признают то, что, как духовное начало заявляет о себе, стучится во врата сознания. Во многих местах человек обнаруживает, как этот дух пробивается во врата сознания. Люди, которые, например, немного отклоняются в своей жизни от нормы, у которых сегодня вследствие расслабления, расшатывания духовно-душевного начала в физически-телесном происходит то, что подсознание врывается в сознание, но более правильным образом, чем у тех, у кого такое расшатывание отсутствует. Этим отнюдь не сказано, что надо стремиться к такому расшатыванию, разрыхлению, поистине нет, но у некоторых людей нечто естественным образом расшатывается, расслабляется, как, например, у **Отто Вейнингера**. Он действительно был одарённым человеком, он, двадцати с небольшим лет стал доктором, а затем переделал свою диссертацию в книгу «Пол и характер». Книга во многих отношениях дилетантская и даже тривиальная, но всё же представляет собой замечательное явление. Затем он путешествовал по Италии и вёл дневник, где есть нечто весьма достойное внимания. Некоторые духовнонаучные познания выражены там в карикатурном виде. Это расшатанное духовно-душевное начало, оно уже кое-что видит, но карикатурно! Мораль там тоже, обычно подгнившая, испорченная. Тем не менее, Вейнингер был гениальной натурой. На двадцать третьем году он снимал помещение в доме Бетховена и застрелился там. Отсюда вы видите, что это была натура с отклонениями от нормы. Я хочу упомянуть лишь следующее: *если вы читаете его последнюю книгу*, вы, среди всего прочего, найдёте там одно замечательное место. Там он говорит: почему человек не помнит о своей жизни перед рождением? Потому, что душа настолько опустилась, что ей хочется погрузиться в бессознательное, по отношению к предшествовавшей жизни! — Это я упоминаю только для того, — и я мог бы привести тысячи примеров, — для того, чтобы показать: есть много людей, которые стоят совсем близко от духовной науки, но не могут найти её, поскольку современность не хочет подпускать людей к духовной науке. Я упомянул об этом для примера, так как мы отлично видим: Вейнингер посредством расшатывания, расслабления духовно-душевного начала пришёл к тому, что, как о само собой разумеющемся говорил о том, что человек, как духовно-душевное начало, связан с физически-телесным. Как о само собой разумеющемся он говорил и о том, о чём сегодня некоторые другие люди говорят сегодня весьма стыдливо и застенчиво. Но таково основное требование нашего времени, чтобы люди обретали настоящее мужество, обретали силы, крепость, чтобы выступить навстречу духовному миру в его конкретных формах проявления.

И одна такая конкретная форма проявления есть именно та, о которой я вам хотел сказать в особенности: чтобы люди говорили с умершими. Чтобы социальная жизнь людей снова стала определяться ощущением различия людей на разных возрастных ступенях. Но и нечто иное должно определять эту социальную жизнь — то, во что верит человек в течение своей жизни. Ведь Бог раскрывается человеку не только до двадцати лет. Раньше Бог раскрывался физически, теперь же Он должен чувствоваться благодаря духовной науке. Но человек должен верить в дары Божественно-духовного мира. В течение всей жизни его должно сопровождать ободряющее, поддерживающее чувство: когда я стану на пятнадцать лет старше, я понесу навстречу Божественно-духовному то, что смогу воспринимать его иначе, нежели раньше. — Представьте себе, как смог бы человек вживаться в будущее, будучи сам исполнен ожиданий! Насколько иная душевно-духовная аура изливалась бы над всей нашей социальной жизнью! Надо знать, что люди будут нуждаться в этой ауре, развиваясь по направлению к будущему. Это бесконечно важно. Попробуйте почувствовать,

сколь многое должно стать иным! Мы живём в эпоху, в которую многое, многое должно стать иным. И, прежде всего, необходимо то, чтобы некоторые вещи больше не рассматривались лицемерно, но видели их в действительности. Не надо лгать самим себе относительно некоторых вещей. И о таком самообмане, лжи самим себе, мне хотелось бы поговорить еще.

Как много есть сегодня людей, которые говорят: я взываю не к разным иерархиям, Ангелам, Архангелам, и так далее, но я взываю, взываю к моему Богу. И сколь многие заявляют далее, что это, мол, большой прогресс, что человечество пришло к одному Богу, к единобожию, к монотеизму. Однако, надо спросить: к кому, собственно, обращаются люди, кого они ищут, вступая в конкретные отношения с духовным миром, когда говорят при этом об «их Боге»? Будь это католик, или протестант, — что всегда бывает и с ними, — когда он говорит о своём Боге, он может говорить лишь о том, что действительно вступает в его сознание. А это может быть лишь одним из двух: или это его Ангел—Хранитель, которого данный человек называет Богом, который и является Божеством, но не более высоким, чем Ангел. Поскольку каждый человек имеет одного Ангела, задача которого — защищать человека, — то мы впадаем в некий плюрализм, в некую множественность. В ином случае человек, (*говоря о Боге*), подразумевает собственное «я». Но человек обманывает себя тем, что при этом использует одно и то же имя; тем, что каждый своего особого Ангела называет одним и тем же именем «Бог». В этом отношении следует обратить внимание на одно, поскольку оно весьма поучительно. Есть слово, о происхождении которого люди, несмотря на все исследования, ничего не знают: это слово «Бог» (*Gott*). *П* прочитайте разные словари, где слова разбираются с лингвистической, филологической точки зрения: относительно слова «Бог», *Gott*, царит полная неясность. Люди не знают, что они, собственно, называют «Богом». И в наше время люди подразумевают или их Ангела, или, говоря о Боге, они бессознательно становятся приверженцами нашего учения: они говорят о своём собственном «я», каким оно развилось, начиная от последней смерти до этого рождения. Это и есть то конкретное, что они называют «Богом»; указывается или на Ангела, который их защищает, хранит, или это всего лишь индивидуальное «я». Интерпретируют ли они это как-нибудь, или нет — дело не в этом. Таково эгоистическое религиозное исповедание, которое сегодня имеет место во многих душах, хотя этого никто не хочет признать. Лишь духовная наука обращает внимание людей на это, Духовную науку будут ненавидеть, будут всё больше и больше бороться с ней, поскольку этим людям удобно называть своим Богом то, что находится ближе всего к ним, стоит над ними по иерархическому распорядку. Когда сегодня много говорят о Боге, то за этим стоит ни что иное как, или собственное «я», или Ангел.

Человек оставит такие воззрения, если придёт к конкретным духовнонаучным соотношениям. Вот пункт, относительно которого в будущем надо будет обрести всё большую ясность. Истина должна находиться среди людей. Это особое требование должно стать актуальным в будущем; в современности же истина не очень-то распространяется, даже вообще не распространяется. Именно в среде учёных обнаруживаются порой весьма примечательные понятия о том, что такое истина. Из моей книги *«О загадках души»*, — если мне будет позволено кратко упомянуть о ней, — вы знаете, каким своеобразным манером обходится с истиной такой знаменитый человек, как **Макс Дессуар**. **В** едь то, что можно увидеть *в последнем номере кантианского журнала* (*Kant—Zeitschrift*), действительно ранит сердце! Я позволяю себе особо упомянуть об этом, поскольку антропософия там не упомянута. Эта статья огорчает не потому, что в ней затронуты наши дела. Статья, находящаяся в этом журнале, не только с точки зрения антропософии, но и для тех, кто разбирается в этом вопросе, представляет собой набор дилетантских банальностей. Но к ней следует отнестись серьёзно.

Вы знаете из моей книги, как Дессуар, подобно школьному наставнику, «шульмейстеру», — а он и не мог иначе, — доказывает, что он не читал моих книг, но искажил всё, что возможно. Лишь одно, наиболее глупое искажение хотелось бы мне ещё раз упомянуть; Дессуар указывает в первом издании своей книги «О той стороне души», будто

бы моя «Философия свободы» является моим «первенцем». Однако, «Философия свободы» появилась в 1894 году, десять лет спустя после моего «первенца», первой книги. Столь же поверхностным, как в данном случае, он остается и во всем остальном. Итак, «Философия свободы» — якобы, мой «первенец». Помимо прочего, я вынужден был пожурить его и за это, чтобы показать ему его образ действий. Появилось второе издание. В предисловии он оценивает всевозможные вещи, причём так, что становится видно, чьим духовным дитятей является этот университетский профессор. Хотя в первом издании он сказал, что «Философия свободы» — мой литературный «первенец», теперь он говорит, что он полагает иначе: что это мой «теософский первенец». Добавьте к этому и то, как, с другой стороны, «Философия свободы» рассматривается им как, якобы отрицающая мою «Теософию» («Духоведение»); вы заглянете в самую настоящую трясиину! Но в современности такие вещи производятся с легкостью, и важно иметь об этом полную ясность. Но это возможно только в том случае, если мы со всей искренностью возьмём на вооружение духовную науку.

Историческое рассмотрение тоже приобретает под влиянием духовной науки совсем иной характер, нежели оно имело до того, ибо история, как её преподносят, является, по большей части ничем иным, как баснословием, *Fable convenue*. Там, где действительно вникают в факты, они приводят к чему-то совершенно иному, нежели то, что изображает общепринятая история.

Я хотел бы привести вам один аспект. Вы сразу же увидите, что я имею в виду, рассматривая это. Мы знаем, что четвёртая послеатлантическая эпоха завершилась в 15 столетии; это была греко-латинская эпоха. В своей последней завершающей части она продолжалась до 15 века. В 1413 году началась пятая послеатлантическая эпоха, произошёл сильнейший перелом, поворот. Рассматривая его, можно было бы задать вопрос: отчего же погибла та Римская Империя, в которой, в конце концов, сосредоточивалось всё то, чем являлась греко-латинская культура? Существуют различные причины, но одна из важнейших — следующая: римляне вели большие войны, эти войны постепенно расширяли эту область за пределы границ. Располагалось много новых народов по окраинам. Но это имело вполне определённые последствия. Тот, кто изучает тогдашнее время, первые христианские столетия, найдёт, что вследствие своеобразного соприкосновения Римской Империи, — в сфере управления и внутренней социальной структуры, — соприкосновения с народами окраин и Востока, возник постоянный отток, утечка металлических денег из Римской Империи к Востоку. Это и было наиважнейшим событием во втором, третьем, четвёртом веках по Р. Х., когда Римская Империя постепенно погибала. Металлические **деньги перетекали к народам окраин, на Восток.** И Римская Империя, несмотря на то, что она имела сложное военное управление, становилась всё беднее и беднее в отношении золота и денег. Таково было внешнее выражение внутреннего процесса. Я упоминаю эту внешнюю картину обнищания Римской Империи, недостаток золота и денег, поскольку эта картина является выражением душевного настроения, настроения. Что же происходило вследствие этого душевного настроения? Конечно, это душевное настроение имело определённое значение, оно определяло весь смысл всемирно исторических свершений. Из-за этого обнищания, недостатка металлических денег, у римлян что-то должно было произойти. Так что же из-за этого произошло? Из-за этого возник индивидуализм, который столь характерен в нашу эпоху. Неоднократно говорилось об искусстве добывать золото. Откуда оно пришло, это искусство? Поскольку Европа в материальном отношении обеднела золотом, возникла эта внешняя, физическая страстная тяга к добыванию золота, к деланию золота, пока не была открыта Америка, и золото не стало притекать оттуда. Эти великие связи следовало бы охватить, понять. И вплоть до алхимии, и, тем самым, вплоть до развития человеческой души, действовало то, с чем знакомятся, изучая упадок и гибель Римской Империи: обнищание, уменьшение золотого запаса вследствие расширения социальной структуры на народы окраин, на Восток.

Теперь мы живём в то время, когда человек должен признать: эпоха инстинктивной жизни миновала. Мы не придём к социальной структуре, если окажемся не в состоянии

оживить социальное мышление мыслями, приходящими в результате постижения духовного мира. Социология столь стерильна, человечество вовлекло себя в современную катастрофу, в которой социальные структуры вызвали в мире хаос, и всё это потому, что люди не могут позволить влиться в общественную жизнь тем духовнонаучным мыслям, которые должны втекать в социальное мышление, исходя из импульсов эволюции человечества. Для этой современной катастрофы имеются целиком и полностью духовные причины. Это восстание человека против влияния духа. Из-за этого в действительности и возникла современная катастрофа. Ибо люди повсюду обращаются против того духа, который хочет войти.

Я хочу привести вам один пример, который, возможно, покажется вам характерным. Допустим, что кто-то сегодня размышлял бы над тем, какие разные мировоззрения имеются сейчас, и стал бы чисто внешне классифицировать эти мировоззрения: католицизм, протестантизм, социализм, натурализм и так далее. Возьмите тот **цикл лекций, который я прочёл однажды в Берлине**, где я выстраивал мировоззрения, исходя из внутренних категорий в соответствии с числом двенадцать и числом семь. Так вы действительно получите семь мировоззрений: гнозис, логизм, волюнтаризм, эмпиризм, мистика, трансцендентализм, оккультизм. Конечно, тот, кто занимался отыскиванием мировоззрений, не стал бы их называть именно так. И, тем не менее, в них повсюду господствует музыка сфер! Итак, представьте сегодня человека, причём не иного, как наблюдателя материалиста, который собирал бы мировоззрения, насколько они были ему доступны: сколько мировоззрений он бы обнаружил? Он должен был бы обнаружить семь мировоззрений. Он мог бы называть их иначе, судя по тому, как они выглядят внешне, но они должны были бы выступить в семи видах. Прочтите **современный журнал «Прусский ежегодник»**. Там в первой статье вы найдёте такое исследование, согласно которому один человек пожелал классифицировать мировоззрения, имеющиеся в настоящее время. Он подсчитал их. И сколько же их получилось? Семь: католицизм, протестантизм, рационализм, гуманизм, идеализм, социализм и персональный индивидуализм. Их и на самом деле семь. Хотя они и сдвинуты, эти категории, но их у него получилось именно семь, а не иначе. — Здесь перед вами пример, где выступает то, что мы рассматриваем как смысл эволюции, развития. Люди не желают признавать это, хотя необходимо, чтобы это стало достоянием современности: чтобы не проходили мимо таких вещей, но имели мужество принимать их к сведению.

Но что же, в сущности, происходит в современности? В древние эпохи в третьем послееатлантическом культурном периоде с Востока на Запад, обходя весь земной шар, проходил всеохватывающий импульс, такой импульс, который был не таким, как нынешние импульсы из чисто материальной жизни. Он исходил из духовного, имел духовный характер. Тогдашние духовные импульсы проникали и в социальную жизнь. Так с Востока на Запад развивался некий духовный импульс. Его можно было бы характеризовать, сказав следующее: некоторые люди тогда стремились передать другим то, что удалось им добыть у духовного мира как просветление, то, что в большей или меньшей степени приходило к ним из хороших или плохих мистерий благодаря достигнутому ими возрасту, или вследствие инициации. То, что они имели, они хотели навязать другим людям. В этом тогда и состоял импульс, идущий с Востока на Запад; распространить некоторые, относительно прогресса человечества мало духовные силы, наполнить Землю некоторыми мало духовными максимами, силами, приходившими из отцветших, отживших мистерий. В то же русло направлялась тогда и социальная жизнь. Это происходило в третий послееатлантический период: исторически это зафиксировано слабо. Однако повторение того, что было тогда, происходит сейчас. Представьте себе, как то, что распространялось тогда как натиск, движение с Востока на Запад, в пятую послееатлантическую эпоху обратилось в чисто материальное: тогда это были атавистические спиритуальные силы, которые поддерживали социальную структуру, в которой человек должен был получить сильные духовные импульсы; последние должны были внедряться в человечество. Тогда хотели дать духовное. Теперь представьте себе нечто противоположное; отдельные люди хотят завладеть для себя материальным началом Земли, отнять его у других людей. Именно это содействует тому, что

спустя много лет после Мистерии Голгофы разражается катастрофа. При этом погибает Римская Империя. Когда-то в прошлом разразилась духовная катастрофа, апогеем которой стало то, что некоторые народы Востока хотели наводнить страны Запада отдельными максимами, нормами поведения. Нечто подобное становится актуальным сейчас: оно состоит в том, что британско-американский народ хочет отнять у людей Землю, обобрать людей Земли (*das britisch-amerikanische Volk den Menschen die Erde wegnehmen will*). Вот что стоит за кулисами всех событий. Насаждается в точности то же самое: оно является как зеркальное отображение. Понять происходящее в современности можно не иначе, как заглянув в истинный ход развития человечества, когда место того, что изучается как, якобы, история, займёт настоящая история. Ибо необходимо, чтобы люди в полном сознании выступали по отношению к будущему, осознавали, что же происходит в действительности. Долгое время современная хозяйственная жизнь, экономика, представляли собой хаос, из которого и развилась эта катастрофа. Сейчас вы имеете два фактора, которые оказывают влияние. С Запада на Восток — вышеуказанное зеркальное отображение; с Востока на Запад — то, что устарело. Там ещё имеются остатки древнего духовного мировоззрения всего азиатского Востока, имеется то, что он сделал, чтобы распространить духовное, навязать духовное. Изучая современную катастрофу, вы имеете направляемую с Востока войну душ, там души ведут борьбу за осуществление требований, претензий в соответствии с восточно-славянскими понятиями. По направлению с Запада — чисто материальная борьба за рынки сбыта. Эти вещи можно понять, только рассматривая их крупным планом с точки зрения человеческого развития. Но необходимо, чтобы об этих вещах можно было бы говорить свободно. Люди в этом отношении должны позволить объяснить им, чем является то, в чём они живут. Это исключительно важно. А что должно прекратиться, — так это то, что люди форменным образом просыпают происходящее. Могут свершаться важнейшие вещи, которых люди больше не могут понять. Они не могут понять и весомость таких вещей, поскольку в настоящее время это возможно только тогда, когда эти вещи освещаются светом духовнонаучного познания. Осветить их иным способом невозможно, ибо они не позволяют осветить их иначе.

Но как относятся сегодня наиболее учёные, образованные люди к этому духовнонаучному познанию? Есть один хороший пример. В различных местах я всё снова и снова упоминаю об одном интересном факте; о том, как один, вышедший из школы Геккеля, следовательно, ученик Геккеля, **Оскар Гертвиг** написал книгу, отличную книгу: «Развитие организмов. Опровержение дарвинской теории случайного отбора». Оскар Гертвиг указывает в ней на различные теневые стороны дарвинизма. Я очень хвалил эту книгу. Но на почве нашего духовнонаучного движения вы должны привыкать к полному отсутствию авторитарности, веры в авторитет. Ибо спустя короткое время появилась другая книга того же самого Оскара Гертвига: «В защиту этического, социального и политического дарвинизма». Только не говорите сразу: ну вот, Штейнер хвалит этого Гертвига, так что изучим его новую книгу, ибо в таком случае вы испытаете разочарование. Такое разочарование, что могу сказать: в то время, как первая книга была прямо-таки отличной, эта новая книга — в высшей степени дилетантская, лишённая смысла настолько, насколько вообще об этом можно говорить. Так что, если вы хотели сказать: Штейнер хвалил ту книгу, значит надо относиться и к этой, как к Евангелию — в этом случае у вас нет гарантии, что мне не придётся сопровождать то, что возникло на той же самой основе (*то есть новую книгу того же автора — примеч. перев.*) противоположными предикатами. Именно в наших рядах вера в авторитет не должна расцветать: только собственное воззрение, только собственное мнение должно иметь место. Но о чём, собственно, идёт речь? Дело в том, что Гертвиг отличный естествоиспытатель, естествоиспытатель, но понятия естественной науки нельзя вводить в социальную жизнь. Кто делает это, находит затем повсюду в истории лишь мёртвое, отмирающее, как делает это, например **Гиббон**, который написал отличную историю распада Римской Империи. Такова тайна, — это я уже описывал, — тайна исторического становления: если человек хочет рассматривать это историческое

становление, используя понятия, имеющие цену лишь в естественных науках, он никогда не найдёт там то, что растёт, развивается, он будет находить только то, что уже становится трупом. Только явления распада исторической жизни находит тот, кто хочет использовать понятия, которые вполне применимы, хорошо подходят для естествознания. Люди иногда предчувствуют это. **Вот почему Трейчке сказал** : движущими силами истории были страсти и глупости людей. Это не так. Это бессознательные силы, которые нисходят в историческом становлении. Правильно вот что: если человек хочет внести распад в социальную жизнь, а, тем самым, и в практическую жизнь, он сажает в парламент учёных и теоретиков. Эти люди состряпают только такие законы, которые вызовут явления распада, поскольку с тем, что сегодня считается научным, в истории могут быть найдены лишь явления распада. Эти вещи должны вступить в сознание людей. Необходимость в этом больше, нежели полагает большинство. Это должно быть понято, если только серьёзно и правильно относится к тому, что должно вывести человечество из современной катастрофической эпохи. Не годится и далее просыпать важные события, которые непосредственно вступают в человеческую жизнь, и относительно которых люди не смогут стать бодрствующими в своём сознании, если они не захотят осветить их с помощью духовной науки. Но речь как раз и идёт о том, чтобы человек понял жизнь в её действительности, чтобы человек действительно заглядывал в истинное устройство жизни.

Необходимо принять к сведению взаимодействие трех импульсов: нормального человеческого, люциферического и ариманического. Ведь с этими вещами нельзя обращаться так, когда говорят: я хочу быть нормальным человеком и я избегаю всего ариманического и люциферического! — Кому хочется бравировать, хочется избежать всего ариманического и люциферического, тот то, как раз, и подпадает с одной стороны люциферическому, а с другой — ариманическому.

Ибо дело не в том, чтобы избегать этих вещей, а в том, чтобы ариманическое и люциферическое начала привести к равновесию. Молодежи преимущественно свойственно люциферическое, тогда как более позднему возрасту — ариманическое. Женщинам более свойственно люциферическое, мужчинам — ариманическое. Если мы заглянем в будущее, тогда, по большей части, увидим ариманическое; если же мы заглянем в прошлое, то будем видеть, главным образом, люциферическое. Смотря на Британскую Империю, мы смотрим на область ариманического: в случае восточного государственного устройства мы смотрим в область люциферического. Речь идёт о том, что мы повсюду обнаруживаем, как эти силы работают в человеческой жизни. Не следует быть слепым по отношению к этим вещам.

Возьмите хотя бы одно: во всей социальной структуре жизни человечества люциферическое до сих пор играло в высшей степени пагубную роль, поскольку не понимали, как направить его в правильное русло, поскольку люциферической чаше весов позволяли отклоняться слишком далеко. Поэтому люциферические импульсы играли большую роль при формировании социальной структуры. Уже в школе маленьких детей приучают: «этот первый», «этот второй», «этот третий». Представьте себе, какое люциферическое тщеславие разыгрывается при этом, когда люди хотят стать первыми, завладеть первенством! А затем — титулы, ордена и всё, что с этим связано! Представьте себе, как строилась социальная структура из-за люциферического элемента! Но это время подходит к концу. И опять-таки, это нечто такое, что следовало бы знать! Это время подходит к концу, люциферическое всё более и более исчезает в своей теневой области. Было бы даже хорошо, если бы люди, — предваряя ближайшее будущее, — были более чутки, более пробуждены по отношению к исчезновению этого люциферического. Однако они нечутки, не пробуждены в отношении к тому, что, хотя и иным образом, наносит вред. Это ариманическое начало, которое занимает место люциферического. Предлагается лозунг: освободим путь для того, кто прилежен! Дорогу прилежному, старательному! — Я уже говорил: какая польза в том, что человек скажет «Дорогу прилежному!», но самым прилежным, почему-то оказывается его племянник или внук! — Не правда ли, дело в том, чтобы всматриваться в конкретику, в действительность. Но теперь я имею в виду не это, я

имею в виду следующее: на подходе полностью ариманизированная система с очень опасными побочными последствиями. Эта ариманическая система немного связана с подобными лозунгами. На педагогическом уровне это сегодня называется «экзамены на одарённость». Эти «экзамены на одарённость» повсюду расхваливаются. Люди прямо—таки чертовски одержимы, когда они говорят об этом. Надо из определённого числа, из ста одарённых мальчиков и девочек, которые показывают особенно хорошие результаты, выбрать самых одарённых, лучших по интеллектуальным способностям, усидчивости (*возможности сконцентрироваться*), памяти, и так далее. Проверка осуществляется по новейшей психологической методике. В соответствии с экспериментальной психологией, например, интеллект проверяется весьма своеобразно: детям предлагают три понятия: «убийца», «зеркало», «спасение». Теперь они должны с помощью своего интеллекта найти связь. Тот, кто находит только такую связь: убийца видит себя в зеркале, как и другие люди, — тот просто глуп. Но тот, кто обнаруживает нечто «близлежащее»: человек смотрит в зеркало, видит, как подкрадывается убийца, и может спастись — тот нормален. «Одарённым» стал бы тот, кто скажет примерно следующее: убийца подкрадывается к зеркалу, видит там своё лицо, пугается и отказывается убивать. Но особенно хитроумным был бы признан тот, кто сказал бы так: рядом с тем, чья жизнь могла бы закончиться в результате убийства, находилось зеркало; в темноте убийца ударил по зеркалу, наделал шуму и не стал убивать. — Это самое умное! Вот так и проверяют на одарённость! Это может показаться особо грандиозным, великолепным, в то время как это ни что иное как перенесение на человека чисто ариманической методики, пригодной для машин. Наиболее страшным станет вступление такой механизации в человеческую жизнь, когда одарённость захотят отыскивать таким методом. Людям следовало бы поразмыслить над тем, что они сами принимали, допускали некоторое время назад. Я мог бы привести вам доказательства того, какой вздор говорят эти люди, когда предпринимают такие испытания, такие экзамены. Если взять целый ряд других людей из тех, которых те (*испытатели*) считают весьма значительными, блестящими, успешными, которые теперь являются «детьми Духа», олицетворённой духовностью, и предложить им этот «экзамен на одарённость»? Например, Гельмгольцу, физику, и другим? Если бы все они по этой методике подверглись «экзаменам на одарённость», то многие из них оказались бы никуда не годными, неодарёнными, даже **Гельмгольц**. Все эти вещи следовало бы воспринимать с большей серьёзностью, ибо от этих вещей зависит благополучие в будущем. В этой области нельзя ограничиваться фразами. Сегодня сами события учат бесконечно многому.

Возьмите следующее: вы можете в духе представить себе период с 1930 по 1940 годы. Могли бы найтись люди, которым к тому времени было бы сорок, пятьдесят лет. Представьте себе, что вы в 1913 году думали бы так: из тех, кто жил в 1913 году, к 1930 году будет жить ещё известное число людей, которые займут ведущие посты, войдут во власть; от них будет зависеть социальная структура, и вообще внешняя физическая жизнь в разных регионах Земли. Вы могли бы нарисовать примерную картину того, что было бы с 1930 по 1940 годы, если бы нынешние восемнадцать — двадцатилетние молодые люди стали бы тогда сорокалетними. А теперь рассмотрите другую мысль и спросите себе: как много из тех, кто по вашему предположению сделали бы нечто для 1930 года, пали теперь на полях сражений и уже не примут физического участия в руководстве физическими обстоятельствами на Земле? — Зато это участие примут другие! Нарисуйте себе эти две картины и сопоставьте их; первую картину: если бы не разразилась эта военная катастрофа, тогда наступило бы то, что было сформировано предшественниками в соответствии с тем, как бы вы себе рисовали будущее. И другую картину, которую вы должны будете нарисовать: возможно, что все те, кто должен был бы занять самые важнейшие посты, пали на поле битвы! Таким образом, нарисовав себе такую картину, вы будете подведены к одному весьма ошутимому понятию о майе, о великой обманчивости физического плана. Разве этот физический план 1930 года таков, каким он должен был бы стать, если бы все те, кто был молодым в 1913 году, были бы живы? Нет, он был бы совершенно иным. Имеет

значение по настоящему продумывать такие вещи. Но только духовная наука может, продумывая такие вещи, получить в истинном смысле возможность и о реальности мыслить в соответствии с действительностью. Духовная наука приводит вас к таким понятиям, которые высвобождаются от чисто физического головного мозга. Наши современные понятия связаны, преимущественно, с физическим мозгом. От этого мышление современности приобретает известные свойства. Как раз оттого, что в современности господствуют естественнонаучные понятия, теснейшим образом связанные с головным мозгом, наше мышление в современности имеет одно особое свойство: притуплённость, ограниченность. Ибо самым ограниченным является то мышление, которое связано, — по большей части, — с нашим головным мозгом. Духовная наука должна оторвать мышление от головного мозга, должна привести мысли в движение. Сегодня мы попытались поставить перед нашей душой целый ряд мыслей, мыслей, которые легко подвижны, которые раздвигают горизонт.

Но не только мыслительный горизонт должен быть раздвинут, но и горизонт чувства. Насколько мещански ограниченными, филистерски настроенными стали люди из-за того, что их мысли были преимущественно привязаны к физической жизни! Помимо ограниченности, филистерство стало главным отличительным признаком, свойством нашей эпохи. Взгляды «церковной башни» (*Kirchenturmaussicht*). Круг человеческих интересов крайне узок. Духовная наука должна вывести людей на просторы Вселенной, Всего, должна развернуть перед нами величайшую область событий, свершений, ибо только благодаря этому может быть понята современность. Духовная наука должна вывести людей из филистерства, мещанского самодовольства. Духовная наука должна вести борьбу против ограниченности и филистерства.

Воля наша должна мало по малу приобретать некоторые свойства. Вследствие того, что некоторые социальные структуры, институты проросли из материалистической культуры, люди стали неумелыми, неловкими. Неловкость, неумелость, — вот что появляется! Люди будут зарываться в узкие профессии, не будут знать ничего иного, как только свою профессию, будут по отношению ко всему остальному в высшей степени неумелыми, неловкими. Сегодня можно познакомиться с мужчинами, которые не могут пришить пуговицу, поскольку они не портные. Но отличительным признаком, свойством духовной науки является то, что она развивает такие понятия, которые живут, живые понятия. Эти понятия проникают в члены тела, эти понятия делают человека более умелым, ловким. Духовная наука является лекарством от ограниченности, филистерства, неумелости. Нам нужна эпоха, которая вывела бы людей из состояния ограниченности, сердечной узости, неумелости, вывела к далёким горизонтам, к серьёзности, умению. Духовная наука должна наполняться жизнью, обретать жизненный смысл. Если человек сформулирует для себя лишь самые простейшие понятия из духовной науки, понятия, относящиеся к нашему времени, он увидит то, что внутренним образом связано с несчастьем, страданием, со всей болью нашего времени, которые поистине, ещё не достигли своего апогея, поистине не достигли. Он увидит, что с этим связано то сопротивление, которое оказывает человечество по отношению к Духу, сопротивление против Духа. Люди изолировали себя от Божественно-духовной жизни; эти люди должны вновь найти эту связь с Божественно-духовной жизнью.

Вот то, что я хотел в этот раз провести перед вашими душами. Почувствуйте всё сильнее и сильнее: знамения времени говорят отчётливо и внятно! Но только тот поймёт, что они говорят, кто научится читать их посредством духовной науки. Духовную науку, — если человек идёт далеко, — недостаточно рассматривать как предмет, к которому следует относиться со всей энергией и серьёзностью: надо идти дальше и дальше, надо проникать в жизнь с помощью того, что даёт духовная наука. У людей в наше время не хватает мужества осмыслить жизнь посредством приходящих из духа сил. Вот чему надо учиться, вот чего, главным образом, не хватает. Если этому не научиться, если этого и впредь будет не хватать, тогда то, что как катастрофа разразилось над человечеством, продлится долго. Поэтому можно сказать, что человек с помощью духовной науки должен искать выход из

современного конфликта. Воспримите это с истинной сердечностью и глубиной: тогда то, что мы хотели сказать друг другу на этой встрече, будет приносить достойные плоды в ваших сердцах, в ваших душах.

Лекция 6. Что делает Ангел в нашем астральном теле?

Действия иерархий в человеке. Цели разумного человечества: братство, религиозная свобода, прозрение в духовную природу мира. Противоположное действие Люцифера и Аримана; сексуальные инстинкты, болезнетворное воздействие медикаментов, неправильное использование техники

Цюрих 9 октября 1918 г. Перевод А. Демидов, К. Саломон

Антропософское духовопознание не должно быть просто теоретическим мировоззрением, оно должно быть содержанием жизни и силой жизни. И только если мы окажемся в состоянии укрепить в нас наше антропософское мировоззрение настолько, что оно действительно станет в нас действительно жизнеспособным, только тогда исполнит оно свою задачу. Ибо, дорогие друзья, соединяя свои души с антропософским духовопознанием, мы, в некотором отношении, стали стражами вполне определенных значительных процессов в развитии человечества.

Люди, стремящиеся обычно к тому или иному мировоззрению, как правило, убеждены, что мысли и представления, кроме того, чем они являются в их душах, не имеют иного значения в мировой взаимосвязи. Люди с подобным мировоззрением думают: мысли и представления будут вживаться в мир в качестве идеалов настолько, насколько человеку удастся, выполняя лишь чувственно воспринимаемые действия, добиться признания этих идеалов в мире. Антропософский образ мыслей предполагает ясное осознание того, что наши мысли и представления нуждаются для своего осуществления еще и в других путях, помимо того, что свершается благодаря нашим чувственно воспринимаемым деяниям, наши деяния в чувственном мире. В познании этой жизненной необходимости уже содержится требование, чтобы антропософ некоторым образом был причастен наблюдению за знаменами времени. Весьма многое происходит в мировой эволюции; человеку, особенно человеку нашей эпохи, надлежит приобрести действительное понимание того, что происходит в мировой эволюции, в которую включен он сам.

По отношению к отдельному человеку всякий знает, что следует принимать во внимание его развитие, а не только лишь внешние события, происходящие вокруг него. Представьте себе, так сказать крупным планом, те внешние чувственные события, которые происходят в данный момент, которые совершаются вокруг людей в возрасте пяти, десяти, двадцати, тридцати, пятидесяти, семидесяти лет. Ведь ни один разумный человек не будет требовать, чтобы отношение к этим фактам у пятилетнего, у десятилетнего, у двадцатилетнего, у тридцатилетнего, у пятидесятилетнего, у семидесятилетнего было одинаковым. Отношение людей к внешней среде можно определить, только принимая во внимание развитие самого человека. Относительно отдельного человека с этим согласится каждый. Но подобно тому, как отдельный человек подлежит определенному развитию, подобно тому, как он имеет силы различного рода, будучи ребенком, в среднем возрасте и будучи стариком, так и человечество в ходе развития обладает все иными и иными силами. Лишь спящий в отношении мировой эволюции не замечает того, что в своем существе человечество в XX столетии есть нечто иное, чем оно было в XV столетии или даже во времена Мистерии Голгофы, или еще раньше. То, что люди не хотят видеть того, о чём я только что сказал, то, что люди думают, будто бы о человеке или человечестве можно говорить слишком абстрактно и не нужно знать того, что это человечество подлежит определенному развитию, — относится к величайшим недостаткам, заблуждениям и путанице нашего времени.

Спрашивается, как можно прийти к пониманию этих вещей? Вы знаете: мы уже часто

обсуждали самое основное в этом развитии. В греко–латинскую эпоху — (*длившуюся*) с VIII столетия до Р. Х. по XV столетия христианского летоисчисления — мы имеем дело с так называемой культурной эпохой души рассудочной или души характера (*747 до Р. Х по 1413 по Р. Х*). А с XV столетия — с культурной эпохой души сознательной (*1413–3573*). Этим мы охарактеризовали главное в развитии человечества, поскольку именно это относится к нашему времени. Благодаря этому мы знаем, что главной силой, с которой надо считаться в развитии человечества с XV столетия, вплоть до 4-го тысячелетия, до начала 4-ого тысячелетия, является душа сознательная. Но, дорогие друзья, в духовной науке, в настоящей духовной науке никогда нельзя останавливаться на общих и абстрактных истинах, всюду надо стараться постигать конкретные факты. Абстракции в лучшем случае могут лишь удовлетворить любопытство в самом обычном смысле. Если духовную науку хотят превратить в содержание и силу всей своей жизни, то надо быть серьезнее, нежели просто любопытным, тогда нельзя оставаться при таких абстракциях, как я об этом только что говорил. То, что мы живем в эпоху души сознательной, что в расчет принимается преимущественно выработка души сознательной, — это совершенно правильно и это также очень важно, но на этом останавливаться нельзя.

Если мы хотим прийти к определенному взгляду на эти вещи, мы должны, прежде всего, несколько точнее взглянуть на существо самого человека. Поскольку мы являемся людьми, мы с точки зрения духовной науки, подразделяемся — идя сверху вниз — на "я", на астральное тело, на эфирное тело, которое я недавно назвал также телом формообразующих сил, и на физическое тело. Из всех этих членов человеческой природы только "я" является тем членом, в котором мы, в первую очередь, живем и ткём душевно–духовно. Ведь это "я" дано нам нашим земным развитием и управляющими этим развитием Духами Формы. В основном, всё входящее в наше сознание, входит в наше сознание через наше "я". И, если это "я" не развивается таким образом, чтобы — хотя и посредством тела — быть связанным с внешним миром, то тогда мы обладаем сознанием не в большей степени, чем с момента засыпания до момента пробуждения; "я" есть то, что связывает нас с нашим окружением. Астральным телом мы наделены благодаря нашему (*древнему*) лунному развитию, предшествовавшему нашему земному развитию. Наше эфирное тело мы получили благодаря ещё более раннему (*древнему*) солнечному развитию; физическое тело в своих первых зачатках — благодаря (*древнему*) сатурническому развитию.

Однако если вы посмотрите описание этих тел в "*Очерке тайноведения*" , вы увидите, каким сложным образом образовалось то, чем является сегодня человек в своём составе из четырех охарактеризованных членов. Разве мы не видим из фактов, передаваемых нам "Тайноведением", что в этом подразделении человеческого существа на три оболочки принимали участие всевозможные иерархии? Разве мы не видим, насколько сложную природу имеют облекающие нас физическое тело, эфирное тело, астральное тело, — очень и очень сложную природу? Эти иерархии не только сотрудничали в созидании этих оболочек, — они все еще работают внутри них. И тот, кто думает, что человек — это простое соединение из костей, крови, мяса и т. д., как о нем рассказывают нам обычное естествознание, физиология или биология, или анатомия, — тот не понимает человека.

Приближаясь к реальности этих человеческих оболочек, созерцая эти человеческие оболочки в их истине, можно увидеть, как духовные существа высших Иерархий одно в другом работают планомерно и мудро. Они работают, одно в другом во всем том, что помимо нашего сознания происходит в наших телесных оболочках. Эскизные очерки, сделанных мною в моем "Тайноведении" относительно взаимодействия отдельных духов высших Иерархий в сотворении человека, позволят вам понять, насколько сложно всё в отдельности. И, тем не менее: если мы хотим понять человека, то к этим вещам надо приближаться, вдаваясь во все подробности, все более конкретно.

В этой области даже выделение какого–нибудь конкретного вопроса необычайно трудно, эти конкретные вопросы необычайно сложны. Представьте себе, если бы кто–нибудь спросил: "Что делает в современном цикле развития человечества, в 1918 году, в эфирном

теле человека, скажем, Иерархия Серафимов или Сил?". Ибо этот вопрос можно поставить так же легко, как, скажем, вопрос: "Идет ли сейчас в Лугано дождь или нет?". Разумеется, и один, и другой вопрос одинаково мало можно решить посредством одних размышления или теорий: нужно обратиться к фактам. Так же, как посредством хотя бы телеграммы или письма, или иначе надо справиться, идет ли сейчас дождь в Лугано или нет, так и путем действительного проникновения в факты надо осведомляться о чем-либо, вроде: "Какую задачу в современной эпохе человечества имеют Духи Мудрости или Престолы относительно, скажем, эфирного человеческого тела?". Но такой вопрос, как только что поставленный, необычайно сложен, и мы, до известной степени, можем лишь постепенно приближаться к областям, где появляются подобные вопросы. В этой области действительно позаботились о том, чтобы человек не взлетал в небеса и чтобы он не возгордился в своем стремлении к истинному познанию.

В известном смысле ближайшие перспективы, непосредственно касающиеся нас, — это те, которые мы можем ясно видеть. Но мы должны их ясно увидеть, если не хотим спастись в отношении нашей включенности в человеческое развитие. И я буду говорить с вами о не таком неопределенном и неясном вопросе — хотя он весьма конкретен — как тот вопрос: "Что делают Силы и Престолы в нашем эфирном теле?". Я буду говорить сейчас о другом вопросе, который не столь неясен, не столь неопределен, но тоже должен быть поставлен по отношению к современному человеку. Это вопрос: "Что делают в современную эпоху развития человечества Ангелы, ближайшие к человеку деятельные существа, в астральном теле человека?".

Созерцая нашу внутреннюю сущность, мы видим, что астральное тело находится ближе всего к нашему человеческому "я". Значит, можно надеяться, что ответ на только что поставленный вопрос мог бы представить для нас жизненный интерес. Ангелы являются ближайшей иерархией над человеческой иерархией как таковой. Итак, мы поставили скромный вопрос; дальше мы увидим, как важен для нас ответ на этот вопрос: "Что делают именно сейчас, в нашем жизненном возрасте, на жизненном этапе человечества, которое проходит через XX столетие, в том жизненном возрасте, на том жизненном этапе человечества, который начался в XV столетии и будет продолжаться до середины 4-го тысячелетия, что делают Ангелы в человеческом астральном теле?".

Что же можно сказать об этом вообще, дорогие друзья, как отвечать на этот вопрос? Можно сказать: духовное исследование, если оно проводится со всей серьезностью и не является игрой представлений или игрой слов, действительно работает в той области, где духовный мир становится зримым. И это близлежащее действительно может наблюдаться. Но, в сущности, плодотворный ответ на этот вопрос можно дать только в эпохе души сознательной.

Вы могли бы подумать: если бы такой вопрос возник в других эпохах, и на него надо было бы отвечать, то по всей вероятности, нашелся бы и ответ. Но, ни в эпоху атеистического ясновидения, ни в эпоху греко-латинской культуры на этот вопрос не был возможен ответ — по той причине, что образы, получаемые в душе в атеистическом ясновидении, затемняли наблюдения над действиями Ангелов в нашем астральном теле. Ничего нельзя было увидеть — именно потому, что имелись образы, даваемые атеистическим ясновидением. И мышление в греко-латинскую эпоху еще не было настолько сильным, как сейчас. Мышление укрепилось, укрепилось именно благодаря естествонаучной эпохе. Так что эпоха души сознательной является той эпохой, в которой возможно сознательное проникновение также и в такие вопросы, как, только что поставленный. Плодотворность нашей духовной науки для жизни должна проявляться как раз в том, что мы не ограничиваемся теориями, а можем сказать вещи, имеющие для жизни решающее значение.

Что делает Ангел в нашем астральном теле? Мы можем только тогда убедиться в том, что он там делает, когда мы поднимаемся до соответствующей степени ясновидческого наблюдения, так что мы можем видеть то, что происходит внутри нашего астрального тела.

Итак, для ответа на указанный вопрос надо подняться до соответственной степени — самое меньшее — имажинативного познания. Тогда обнаружится, что эти существа из иерархии Ангелов, — каждый Ангел в отдельности, имеющий свою задачу для каждого человека, но прежде всего их взаимодействие, — содействуют формированию образов в человеческом астральном теле. Эти образы они формируют под руководством Духов Формы. Не поднявшись до имажинативного познания, мы не узнаем о том, что в нашем астральном теле непрерывно формируются образы. Эти образы возникают и исчезают. Если бы эти образы не формировались, тогда в будущем не было бы развития человечества, соответствующего намерениям Духов Формы. То, чего Духи Формы хотят достигнуть вместе с нами в конце земного развития и далее, они должны сперва развивать в образах; а из образов позже возникает преобразованное человечество, действительность. И эти образы в нашем астральном теле Духами Формы формируются уже сегодня посредством Ангелов. Ангелы формируют образы в человеческом астральном теле, — образы, которые можно постигнуть развитым до ясновидения мышлением. Можно проследить за этими образами, которые Ангелы формируют в нашем астральном теле. Тогда обнаружится, дорогие друзья, что эти образы формируются согласно вполне определенным импульсам, по вполне определенным принципам. А именно, они формируются так, что в том, как возникают эти образы, до некоторой степени заложены силы для будущего развития человечества. Наблюдая Ангелов при этой их работе, — хотя это и звучит странно, но приходится выразиться так, — мы видим, что эти Ангелы при этой их работе имеют вполне определенное намерение в отношении будущей социальной структуры человеческой жизни на Земле. Они хотят породить в человеческих астральных телах такие образы, которые влекут за собой вполне определенные социальные состояния в человеческой совместной жизни будущего.

Люди могут сопротивляться признанию того, что Ангелы хотят вызвать в них идеалы будущего, но, тем не менее, это так. Причем в этом формировании образов, проводимом Ангелами, действует вполне определенное основное положение. Основное положение, состоящее в том, что в будущем ни один человек не должен находить покоя в наслаждении счастьем в то время, как другие рядом с ним несчастны. Господствует определенный импульс абсолютнейшего братства, абсолютнейшего единения человеческого рода, — импульс верно понимаемого братства, в согласии с социальным положением в физической жизни. Это одно, одна точка зрения, согласно которой мы видим, что Ангелы формируют образы в человеческом астральном теле.

Но имеется еще и второй импульс, с точки зрения которого формируют эти Ангелы, а именно: они преследуют не только определенные намерения относительно внешней социальной жизни, но они преследуют также определенные намерения относительно человеческой души, относительно душевной жизни людей. Относительно душевной жизни людей, посредством своих образов, запечатлеваемых ими в астральном теле, они преследуют ту цель, чтобы в будущем каждый человек видел в каждом другом человеке скрытое божественное начало.

Итак, надо заметить, дорогие друзья: все должно стать иным согласно замыслам, лежащим в основе работы Ангелов. Должно быть так, чтобы мы не смотрели на человека, в некоторой степени, как на высокоразвитое животное согласно лишь его физическим свойствам — ни в теории, ни в практике. Но чтобы мы шли навстречу каждому человеку с вполне развитым чувством: в человеке проявляется нечто, что открывается из божественных мировых основ, открывается через плоть и кровь. Ангелами вкладывается в образы то, чтобы со всей возможной серьезностью, со всей возможной силой, со всем возможным пониманием человек воспринимался как образ, открывающийся из духовного мира.

Когда-нибудь, если это осуществится, это будет иметь вполне определенное последствие. Всякая свободная религиозность, которая разовьется в будущем у человека, будет покоиться на том, чтобы в непосредственной жизненной практике, а не только в теории, в каждом человеке действительно признавалось подобие Божества. Тогда не сможет существовать никакое религиозное принуждение, и в этом не будет надобности, так как

встреча любого человека с любым человеком с самого начала будет религиозным действием, таинством, и чтобы поддерживать религиозную жизнь, никому не понадобится особой церкви, имеющей внешние учреждения на физическом плане. Церковь — если она сама правильно поймет самое себя, — может иметь лишь одну цель — сделать себя ненужной на физическом плане, так как вся жизнь станет тогда выражением сверхчувственного.

В основе импульсов ангельской деятельности лежит, по крайней мере, следующее: излить на человека совершенную свободу религиозной жизни. И третье, что лежит в основе: дать людям возможность достижения духа посредством мышления, посредством мышления перешагнуть разделяющую пропасть и прийти к переживанию в духовном. Духовная наука для духа, религиозная свобода для души, братство для тела; это звучит словно мировая музыка в деятельности Ангелов в человеческих астральных телах. Человеку надо только, — я бы сказал, — возвыситься до некоторого иного уровня своё сознание и тогда он почувствует себя на этом удивительном рабочем месте Ангелов, в человеческом астральном теле.

Дело обстоит так, что мы живем в эпоху души сознательной, а в эту эпоху души сознательной Ангелы делают в человеческом астральном теле то, о чем я вам только что рассказал. Люди постепенно должны сознательно прийти к постижению того, о чем я вам только что рассказал. Это относится к человеческому развитию. Как же вообще прийти к тому, чтобы говорить нечто такое, как то, что я только что высказал? Где, так сказать, находится эта деятельность? Эта деятельность еще находится сегодня в спящем человеке. Её можно найти в состояниях сна человека от засыпания до пробуждения; её можно найти также и в состояниях бодрствования сна. Я часто говорил о том, что люди, несмотря на то, что они бодрствуют, фактически просыпают свою жизнь относительно самых важных событий. И я могу вас заверить, хотя это и не очень отрадно, что сегодня действительно, — если сознательно идти сквозь жизнь, — найдется много, много спящих людей. Они не интересуются тем, что происходит в мире, не тревожатся о нём, не связывают себя с ним. То, что отходит в прошлое при великих мировых событиях, проходит мимо них, как проходит мимо спящего то, что происходит в городе. Хотя внешне люди как будто бодрствуют. Но как раз тогда, когда люди, именно бодрствуя, просыпают что-нибудь особенное, тогда обнаруживается, как в их астральных телах — совсем независимо от того, хотят ли они или не хотят знать, — совершается эта важная работа Ангелов, о которой я говорил.

Такие вещи происходят многократно таким способом, который людям должен казаться весьма загадочным, весьма парадоксальным, так как многие считают ниже своего достоинства останавливаться на том, или ином, если оно связано с духовным миром. Но, в действительности, подобный человек, в настоящей его инкарнации, является, ни кем иным, как, прежде всего, чудовищным соней, просыпающим все, что происходит вокруг него. Но в его астральном теле работает Ангел, Ангел в сообществе Ангелов, работающих над будущим человечества. Его астральное тело все-таки используется, и в его астральном теле можно наблюдать подобные явления. Но дело ведь в том, чтобы как раз нечто такое пробивалось в человеческое сознание. Душа сознательная должна быть возвышена до признания того, что может быть найдено только таким способом.

После того, как мы сделали эти предварительные замечания, вы поймете, мои дорогие друзья, если я обращаю ваше внимание на то, что именно эта эпоха души сознательной устремлена к вполне определенному событию. И что, — поскольку мы имеем дело с душой сознательной, — от человека будет зависеть, как это событие будет происходить в развитии человечества. Видите ли, это событие может наступить столетием позже или раньше, но оно, собственно, должно войти в сферу человеческого развития. И это событие можно охарактеризовать, сказав так: исключительно своей душой сознательной, посредством сознательного мышления люди должны прийти к созерцанию того, как действуют Ангелы, подготавливая будущее человечества. То, чему учит в этой области духовная наука, должно стать практической жизненной мудростью человечества. Такой практической жизненной мудростью, чтобы люди могли быть твердо убеждены, что их собственное достояние мудрости побуждает их признать: Ангелы хотят того, что было характеризовано мною.

Но человеческий род относительно приближения к своей свободе ушел так далеко, что уже от самого человеческого рода зависит, проспит ли он упомянутое событие, или же с полным сознанием захочет пойти ему навстречу. Что это значит: пойти с полным сознанием ему навстречу? Видите ли, пойти ему навстречу с полным сознанием значит следующее: сегодня можно изучать духовную науку, — она существует, — поистине, не нужно делать ничего иного, как изучать духовную науку. Если помимо всего этого делают еще и всевозможные медитации, если учитывают то, что дано в таких практических руководствах, как "Как достигнуть познания высших миров?", то содействуют этому и далее. Но то, что необходимо происходит и тогда, когда просто изучают духовную науку осознают её и правильно понимают. Сегодня уже можно, не приобретая ясновидческих способностей, изучать духовную науку; это может любой человек, не преграждающий себе пути предрассудками. И если люди все больше и больше будут изучать духовную науку, если они усвоят представления и идеи, даваемые духовной наукой, то тогда их сознание пробудится настолько, что некоторые события они не проспят, а минуют их осознано.

Эти события мы можем охарактеризовать еще точнее. Ведь наше знание о том, что делает Ангел, является, в сущности, лишь подготовкой. Главное состоит в том, что в один определенный момент выступит тройное. Как сказано, в зависимости от того, как поведут себя люди, этот момент может наступить раньше или позже, или, в самом худшем случае, вовсе не наступить. Но то, что должно наступить, состоит в том, что человечеству через его ангельский мир будет показано тройное. Во-первых, будет показано, как в действительности можно постигнуть более глубокую сторону человеческой природы с её самыми непосредственными человеческими интересами. Да, придет время, которое люди не должны проспать, когда через своего Ангела люди воспримут из духовных миров побудительный импульс, сводящийся к тому, чтобы мы имели к каждому человеку гораздо больший интерес, нежели мы склонны иметь ныне. Повышение интереса к нашим ближним должно развиваться не просто субъективно, как с удобствами люди развивают его в себе, но импульсивно, рывком, причём в человека со стороны духовного действительно вольётся известная тайна, — чем является другой человек. Под этим я подразумеваю нечто весьма конкретное — не какое-нибудь теоретическое соображение, нет, люди узнают нечто, что сможет заинтересовать их в каждом человеке.

Это одно, и оно совсем особым образом завоюет социальную жизнь. А вторым будет следующее: Ангел неотразимо будет показывать человеку из духовного мира, как импульс Христа, помимо всего остального, обуславливает для человека полную религиозную свободу, что подлинным христианством является лишь то, что делает возможным абсолютную свободу религии. И третье — это неотвратимое постижение духовной природы мира.

Это событие, как сказано, должно наступить таким образом, чтобы душа сознательная человека имела к нему определенное отношение. Это предстоит человечеству в его развитии. Ибо над этим работает посредством своих образов в человеческом астральном теле Ангел. Но теперь я обращаю ваше внимание на то, что это предстоящее событие уже вложено в человеческую волю. Ведь люди могут много упускать. И сегодня многие упускают еще многое из того, что должно вести к переживанию указанного момента в состоянии бодрствования.

Но, как вы уже знаете, в развитии миров имеются и другие существа, интерес которых состоит в том, чтобы свести человека с пути: это существа ариманические и люциферические. То, о чем я только что говорил, заложено в божественном развитии человека. В сущности, человек должен был бы, если бы он был предоставлен его собственной природе, прийти к созерцанию того, что развивает Ангел в его астральном теле. Однако люциферическое развитие стремится к тому, чтобы оттеснить человека от прозрения работы Иерархии Ангелов. И эти люциферические существа, чтобы оттеснить человека, действуют следующим образом: они делают это так, что препятствуют свободной воле человека. Они стараются затемнить для человека практику его свободной воли, делая его,

правда, добрым существом. — Люцифер, с точки зрения, которой я касаюсь теперь, стремится именно к добру, к духовности для человека, но он хочет сделать его автоматичным, лишенным свободной воли. Это должно, в известной степени, автоматически принести человеку ясновидение, согласно добрым принципам. Но люциферические существа хотят отнять у человека его свободную волю, возможность ко злу. Они хотят сделать его таким, чтобы, хотя и из духа, он поступал бы, как духовное отражение: то есть, без свободной воли. Они хотят сделать его автоматичным, эти люциферические существа.

Это связано с весьма определенными тайнами развития. Люциферические существа — это, как вы знаете, существа, остановившиеся на других ступенях развития, которые вносят нечто чужеродное в нормальное развитие. Эти люциферические существа в высшей степени заинтересованы в том, чтобы завладеть человеком так, чтобы он не пришел к свободной воле, так как и сами они не достигли свободной воли. Ведь свободная воля может быть завоевана только на Земле, а они не хотят иметь ничего общего с Землей, они хотят лишь (*древнего*) сатурнического, (*древнего*) солнечного и (*древнего*) лунного развития, хотят остановиться на этом и не иметь ничего общего с земным развитием. Они, эти люциферические существа, в известной степени ненавидят свободную волю человека. Они действуют высоко духовно, но они действуют автоматически, — это необычайно важно, — и они хотят поднять человека до своей высоты, до своей духовной высоты. Они хотят сделать его автоматичным, — духовным, но автоматичным. Таким образом, с одной стороны, может появиться опасность, что человек, если он слишком рано, до того, как начнет полностью функционировать его душа сознательная, делается духовно автоматически действующим существом, проспит то откровение, которое должно наступить и которое я вам только что охарактеризовал.

Но также и ариманические существа противодействуют этому откровению. Они не стремятся к тому, чтобы сделать человека особенно духовным, но они стремятся к тому, чтобы умертвить в человеке сознание его духовности. Они стремятся к тому, чтобы привить человеку воззрение, что он является, в сущности, всего лишь развитым до совершенства животным. В самом деле, именно Ариман является великим учителем материалистического дарвинизма. Ариман также является учителем всей технической и практической деятельности в земном развитии. Она не хочет признавать ничего, кроме внешней чувственной человеческой жизни. Она стремится иметь лишь развитую технику, чтобы человек рафинированным образом удовлетворял те же потребности в еде и питье и другие потребности, которые удовлетворяют и животные. Умертвить, затемнить в человеке сознание того, что он — отражение Божества, — вот к чему стремятся в наше время ариманические духи относительно души сознательной, используя всевозможные рафинированные научные средства.

В более ранние эпохи ариманическим духам не было бы никакой пользы в том, чтобы затемнить истину для человека посредством теорий. Почему? Еще во время греко-латинской эпохи, в еще более ранних эпохах, в которых человек еще обладал атавистическим ясновидением, образами, было совершенно все равно, как человек думал. У него были его образы (*образное восприятие*). Посредством своих образов он видел в духовных мирах. То, что Ариман внушил бы ему относительно его связи с животным, не имело бы никакого значения для его образа жизни. Мышление стало сильным, — можно было бы сказать, сильным в своей бессилии, — лишь в нашей пятой послеплатонической эпохе, начиная с XV столетия. Лишь с этого времени мышление стало пригодным к тому, чтобы ввести душу сознательную в духовную область, но вместе с тем и к тому, чтобы воспрепятствовать ей войти в духовный мир. Только теперь мы переживаем время, в котором научная теория сознательно похищает у человека его Божественность и опыты о Божественном. И это возможно только в эпоху души сознательной. Поэтому ариманические существа стремятся к распространению среди людей таких учений, которые затемняют божественное происхождение человека.

Из указания на эти течения, противодействующие нормальному божественному

развитию человека, можно судить о том, как нужно устраивать свою жизнь, чтобы не проспять именно то, о чем говорилось, что должно войти как откровение в человеческое развитие. Иначе возникнет большая опасность. И человек должен внимательно отнестись к этой опасности, иначе вместо многозначительного события, которое должно могущественно проникнуть в будущее формирование развития Земли, наступит то, что может стать поистине опасным для этого развития Земли.

Видите ли, определенные духовные существа достигают своего развития посредством человека, тем, что человек развивается вместе с ними. Ангелы, развивающие свои образы в человеческом астральном теле, развивают эти образы, разумеется, не ради игры, но для того, чтобы чего-то достигнуть этим. Но поскольку то, что должно быть достигнуто, должно быть достигнуто именно в земном человечестве, то ведь вся история стала бы игрой, если бы люди, достигнув души сознательной, сознательно пренебрегли этими вещами. Ведь все это сделалось бы игрой! Ангелы занимались бы лишь игрой, развивая человеческие астральные тела. Только благодаря тому, что это осуществляется в человечестве, только благодаря этому, это не игра, а нечто серьезное. Из этого мы можем понять, что работа Ангелов должна оставаться серьезной при любых обстоятельствах. Подумайте, что было бы за кулисами бытия, если бы люди своей сонливостью просто могли превратить работу Ангелов в игру!

А если бы такое все-таки случилось, если бы земное человечество упорствовало при этом и проспало важное духовное событие откровения будущего? Если бы оно, например, проспало среднюю часть, относящуюся к религиозной свободе? Если бы оно проспало повторение Мистерии Голгофы на эфирном плане, о котором я часто говорил, новое Пришествие эфирного Христа? Если бы оно проспало эти, или другие вещи, тогда того, что должно было быть достигнуто посредством образов в человеческом астральном теле, Ангелы добивались бы на иных путях. И то, чего люди не дали бы достигнуть в своем астральном теле в состоянии бодрствования, достигалось бы в этом случае так, что Ангелы осуществляли бы свои намерения посредством спящих человеческих тел. Итак то, что люди проспали бы в своем состоянии бодрствования, и чего Ангелы потому не смогли бы достигнуть, достигалось бы при помощи лежащих в постели во время сна человеческих физических и эфирных тел. В них искали бы силы для достижения. То, чего не удавалось бы достигнуть с бодрствующими людьми в то время, когда бодрствующие души находятся внутри эфирного тела и физического тела, достигалось бы со спящими эфирными и физическими телами, когда люди, которые должны были бы бодрствовать, стали бы в состоянии сна находиться вовне со своим "я" и своим астральным телом.

В этом заключается большая опасность для эпохи души сознательной. Это — то событие, которое могло бы произойти ещё перед началом 3-его тысячелетия, если бы люди не захотели обратиться к духовной жизни. Лишь короткое время отделяет нас от 3-его тысячелетия. Ведь, как известно, 3-е тысячелетие начинается с 2000-го года. Может случиться так, что вместо бодрствующих людей, то, чего должны были достигнуть Ангелы посредством своей работы, должно было бы достигаться со спящими людскими телами. Могло бы случиться так, что Ангелам пришлось бы исторгнуть всю свою работу из астрального тела человека, чтобы погрузить ее в эфирное тело человека, дабы она могла осуществиться. Но человек не участвовал бы в этом! Всё это должно было бы осуществляться в эфирном теле, когда человек (*то есть его астральное и «я» — примеч. перев.*) не присутствует при этом. Ибо, если бы человек присутствовал при этом в состоянии бодрствования, он помешал бы этому.

Сейчас я развил перед вами общее понятие о положении вещей. Но что произошло бы, если бы Ангелы должны были провести такую работу в эфирных телах людей и в физических телах людей без присутствия при этом самих людей, когда они спят? В результате этого в человеческом развитии неизбежно наступило бы тройное. Во-первых, в спящих человеческих телах, именно когда человек спит, не присутствуя при этом своим "я" и своим астральным телом, порождалось бы нечто, что он обнаруживал бы затем невольно; он бы заставлял, обнаруживал это, просыпаясь утром. Он бы всегда обнаруживал это потом. Это

стало бы инстинктом вместо сознания свободы, и потому стало бы вредным. Причем вредными грозят стать определенные инстинктивные познания. Они должны войти в человеческую природу. Они связаны с мистерией рождения и зачатия (*conceptio*), зарождения, со всей сексуальной жизнью, если должна будет наступить опасность, о которой я говорил. Некоторые Ангелы сами переживали бы тогда некое изменение, о котором я не могу говорить, потому что это изменение принадлежит к тем высшим тайнам науки инициации, о которых сегодня еще не должно говориться. И всё же можно сказать следующее. Происходящее в развитии человечества, состояло бы вот в чём: вместо того, чтобы выступить в ясном бодрствующем сознании, полезным образом, в сексуальной жизни, сексуальности вредным, разрушительным образом выступили бы определенные инстинкты. Эти инстинкты, означали бы не просто заблуждение; они перешли бы в социальную жизнь, определяли построение этой социальной жизни. И, прежде всего, люди, из-за того, что стало бы поступать в их кровь вследствие сексуальной жизни, не стали бы устанавливать на Земле никаких братских отношений, но стали бы все время восставать против братства. И это стало бы инстинктом.

Итак, наступает решающий момент, когда, в известной степени, можно будет повернуться направо, но тогда надо быть бдительным, — или будет повернуто налево, тогда можно спать, но тогда появятся инстинкты, которые будут ужасны! Что тогда скажут естествоиспытатели, учёные, когда появятся такие инстинкты? Естествоиспытатели скажут: "Это природная необходимость. Это должно был прийти, это как раз и заложено в развитии человечества".

С помощью естествознания предостеречь себе от таких вещей нельзя, ведь естествознание нашло бы объяснение и тому, если бы люди становились ангелами, и тому, если бы они становились чертями! В обоих случаях естествознание может сказать одно и то же: "Это произошло как следствие из того, что было раньше" — «премудрость» причинно-следственного объяснения природы далее не простирается! Естествознание не заметит события, о котором я вам говорил, ибо оно, разумеется, будет считать естественной необходимостью то, что люди станут наполовину чертями вследствие своих сексуальных инстинктов. Итак, естественнонаучно эти вещи объяснены не будут, хотя, что бы ни случилось, все объяснимо согласно естествознанию. Такие вещи можно прозревать только в духовном познании, только в сверхчувственном познании.

Это во-первых. Во-вторых, из этой работы, из этой вызывающей изменения для Ангелов работы, для человечества следует еще второе: инстинктивное познание некоторых лечебных средств, — но вредное познание некоторых лечебных средств! Все то, что связано с медициной, будет необычайно поощряться, необычайно в материалистическом смысле. Инстинктивно будут получены прозрения в лечебную силу определенных субстанций и определенных отправлений, функций, и этим будет причинен огромный вред. Но этот вред будут считать полезным. Болезнь будут называть здоровьем, ибо увидят, что у человека возникают определённые функции, которые некоторым будет нравиться. Просто некоторым будет нравиться то, что в определенном направлении доведет людей до нездоровья. Итак, повысится познание лечебных сил и известных процессов, известных функций, но это примет исключительно вредное направление. Ибо, прежде всего, посредством определенных инстинктов человек будет узнавать, какие болезни вызываются определенными веществами и определенными отправлениями. И можно будет по совершенно эгоистическим соображениям вызывать или не вызывать болезни.

Третье, что придёт, будет состоять в том, что человек познакомится со вполне определенными силами, посредством которых человек, я бы сказал, применяя лишь небольшие предварительные усилия, посредством гармонизации некоторых вибраций сможет высвобождать в мире большие механические силы. Своего рода духовному управлению машинами, механизмами, будет, таким образом, инстинктивно учиться человек, так что вся техника примет опустошающее направление. Но это опустошающее направление будет исключительно хорошо служить и нравиться человеческому эгоизму.

Это отрывок конкретного познания эволюции бытия, отрывок из жизненного познания, который, в основном, может правильно оценить лишь тот, кто прозревает, что недуховное восприятие жизни вовсе не может прийти к ясности относительно этих вещей. Недуховное воззрение на жизнь, — если бы когда-нибудь появилась вредная для человечества медицина, ужасное извращение сексуальных инстинктов, ужасная двигательная сила в чистой мировой механике, извращение сил природы посредством духовных сил, — недуховное мировоззрение не постигло бы всего этого, оно не заметило бы, как оно сбилось с правильного пути. Так спящий, когда он спит, не может видеть, когда к нему приближается разбойник, желающий его ограбить. Это ускользает от его внимания, он видит то, что надделано, лишь позже, когда просыпается! Но тогда это было бы очень дурным пробуждением для человека! Иначе он стал бы радоваться инстинктивному расширению своего знания лечебных сил, определенных процессов и определенных субстанций, почувствовал бы известную удовлетворенность, следуя определенным заблуждениям сексуальных инстинктов. Он начал бы превозносить это заблуждение как особо высокое развитие сверхчувствительности, свободы от предрассудков, непредвзятости! Отвратительное стало бы красивым, а красивое отвратительным в некотором отношении, и ничего из этого нельзя было бы заметить, так как все это стало бы считаться природной необходимостью. Но это было бы отклонением от того пути, который предназначало себе в самом человечестве собственное существо человека.

Я верю, что человек — овладев чувством того, как духовная наука проникает в образ мыслей — может подняться до серьезного отношения к таким истинам, как приведенные сегодня. Из этого можно почерпнуть то, что, собственно говоря, должно быть почерпнуто из всей духовной науки: считать эту духовную науку обязанностью, долгом жизни. Где бы мы ни были, дорогие друзья, что бы мы ни делали в мире, важно, чтобы мы могли питать в себе следующую мысль: наши деяния должны быть просветлены и пропитаны нашим антропософским сознанием. Тогда мы прибавим нечто к тому, чтобы человечество в верном смысле продвинулось вперед в своем развитии.

Было бы большой ошибкой для человека полагать, что истинная духовная наука, воспринятая серьезно и достойно, могла бы отвлечь его от практической, интенсивной работы в его жизни. Как раз истинная духовная наука пробуждает человека, пробуждает относительно таких вещей, которые я сегодня привел. Дорогие друзья, можно было бы спросить: а не вредна ли бодрственная жизнь для сна? Если мы возьмем такое сравнение, что прозрение в духовный мир относительно обычного бодрствования является дальнейшим пробуждением подобно тому, как обычное пробуждение является пробуждением ото сна, то тогда, чтобы понять это сравнение, мы можем задать вопрос — может ли в таком случае бодрственная жизнь принести когда-либо вред сну? Когда она не будет правильной! Если человек правильно проводит бодрственную жизнь, тогда и сон у него будет здоровым, но если человек проводит жизнь в дремоте или лени, или в удобствах, не работая, тогда и сон у него будет нездоровым. Также обстоит дело и относительно той жизни, которую мы усваиваем через духовную науку как бодрственную жизнь. Заложив в себе посредством духовной науки правильное отношение к духовному миру, мы достигнем того, что как посредством здоровой бодрственной жизни регулируется сон, так же точно посредством правильного отношения к духовному миру будет направлен по верному пути и наш интерес к обычной чувственной жизни.

Тот, кто наблюдает жизнь именно в наше время, тот сам должен спать, если он не станет внимательным к разным вещам. Как люди гордились, особенно в последние десятилетия, своей жизненной практикой! В конце концов, в последние десятилетия дошло до того, что те, которые больше всех пренебрегают идеальным, духовным, спиритуальным, как раз и заняли повсюду ведущее положение. И о практичности этой жизни можно было бы разглагольствовать до тех пор, пока человечество не было ввергнуто в пропасть. Теперь именно некоторые — большинство делает это совершенно инстинктивно — начинают ныть: "Должно прийти новое время, должны появиться разные новые идеалы". Но это всего лишь

нытье. И если эти вещи наступят инстинктивно, без сознательного вживания в духовную науку, то они скорее послужат разрушению того, что должно быть пережито в бодрственном состоянии, чем какому-либо успешному переходу в развитии. Тот, кто сегодня разглагольствует перед людьми, используя те же слова, к каким они давно привыкли, иногда находит еще некоторое одобрение. Но люди должны будут приспособиться слышать другие слова, другие выражения, чтобы из хаоса вновь образовался социальный космос, социальный порядок.

Если в какую-нибудь эпоху люди, которые должны бодрствовать, упустят бодрствование и не поймут того, что должно было бы произойти в действительности, тогда не произойдет ничего настоящего, лишь призрак предшествовавшей эпохи будет бродить вокруг, — так же, как во многих религиозных общинах сегодня бродят лишь призраки прошлого, и как, например, сегодня в нашей юридической жизни часто еще бродит призрак древнего Рима. Именно в этом отношении в эпоху души сознательной духовная наука, должна сделать человека свободным, должна действительно привести его к наблюдению духовного факта: "Что делает Ангел в нашем астральном теле?". Абстрактно говорить об Ангелах и т. д., это в лучшем случае может послужить началом, успех должен достигаться благодаря тому, что мы говорим конкретно, то есть отвечаем на ближайший касающийся нас вопрос в связи с нашей определенной эпохой. Этот вопрос касается нас потому, что в нашем астральном теле Ангел ткёт образы, эти образы должны формировать наше будущее, а это формирование должно осуществляться через душу сознательную. Если бы у нас не было души сознательной, тогда нам не нужно было бы заботиться об этом, тогда выступили бы уже другие духи, другие Иерархии для того, чтобы вызвать то, что ткёт Ангел. Но так как мы должны развивать душу сознательную, то никакие другие духи не выступают для того, чтобы осуществить то, что ткёт Ангел.

В египетскую эпоху ткали, разумеется, другие Ангелы. Но вскоре выступили другие духи, и замаскировали себя от человека, используя его атавистическое ясновидческое сознание. Итак, люди соткали — потому что люди эти видели это в своем атавистическом ясновидении — завесу, темный покров над деяниями Ангела (*einen dunklen Schleier ueber die Taten der Engel*). Но сейчас человек должен снять с них покров. Поэтому он не должен проспать то, что вносится в его сознательную жизнь в эпоху, которая закончится еще до 3-го тысячелетия. Возьмем из антропософски ориентированной духовной науки не только разные учения, возьмем также замыслы! И они дадут нам силы для того, чтобы мы были бодрствующими людьми.

Мы должны приучить себя бодрствовать. Мы можем обратить наше внимание на разное. Мы можем сразу начать с внимательности, бдительности, мы сможем заметить, что, в сущности, не проходит и дня, чтобы в нашей жизни не случилось чудо. Мы можем перевернуть предложение, которое я только что сказал. Мы можем сказать: "Если в какой-нибудь день мы не увидим в своей жизни чуда, то это значит, что мы его просто не заметили". Попробуйте вечером пересмотреть свою жизнь: вы найдете в ней маленькое или большое, или среднее происшествие, о котором вы можете себе сказать: оно так удивительно вошло в мою жизнь, так удивительно свершилось. Вы сможете достигнуть этого, если только вы начнете мыслить достаточно широко, если вы достаточно широко сможете объять своим душевным оком жизненные взаимосвязи. Но это совсем не делается в обычной жизни, так как обычно не спрашивают себя: "Что, например, помешало в чем-либо?"

В большинстве случаев мы не беспокоимся о тех событиях, совершению которых что-то помешало, событиях, которые, если бы они наступили, основательно изменили бы нашу жизнь. За этими событиями, которые каким-либо образом удаляются из нашей жизни, содержится необычайно многое из того, что воспитывает нас бодрствующими людьми. "Что могло бы сегодня произойти со мною?", — если я каждый вечер поставлю перед собой этот вопрос и затем смотрю на отдельные происшествия, которые могли бы вызвать то или иное, то к этим вопросам присоединятся жизненные наблюдения, вносящие бдительность и самовоспитание. А это уже нечто такое, что может положить начало и само собой вести все

дальше и дальше. Оно, наконец, приведёт к тому, чтобы мы не только узнавали, что значит в нашей жизни, если, например, утром в половине одиннадцатого мы хотели выйти из дому, но как раз в последнюю минуту пришел какой-нибудь человек, который задержал нас. Мы сердимся, что он нас задержал, но мы не спрашиваем: "Что могло бы случиться, если бы мы действительно, как планировали, вышли из дому в назначенное время? Что изменилось бы в этом случае?"

Об этих вещах я уже говорил здесь подробно. От наблюдения отрицательного в нашей жизни, которое, однако, может свидетельствовать о преисполненном мудростью руководстве нашей жизнью, до наблюдения текущего и действующего в нашем астральном теле Ангела, — лежит прямой путь, поистине прямой и надежный путь, который мы можем избрать! Об этом мы снова поговорим в восемь часов, когда у нас будет вторая лекция.

Лекция 7. Как мне найти Христа?

Атеизм как болезнь, отрицание Христа как несчастье, отрицание духа как идиотизм. Мистерия Голгофы и наука. Гарнак. Положение человечества ко времени Мистерии Голгофы. Год 333 (по Р. Х). Возникновение Евангелия благодаря атаксистическому ясновидению. Тертуллиан. Год 666 (по Р. Х) Юстиниан I. Академия Гондхипура. Мухаммед. Собор в Константинополе в 869 г. по Р. Х., (мнимо вселенский — прим. перев.). Ангел Силезский. Иоганн Мюллер. Язык жестов. Вильсон и Герман Гримм. Цюрих 16 октября 1918 г. Перевод с нем. М. Теннер Ред. А. Демидов

В дополнение к тому, что мы рассматривали на прошлой неделе относительно участия в духовном мире, к которому в будущем должна стремиться человеческая душа, мне хотелось бы и сегодня более подробно и непосредственно поговорить о различных вещах. Они связаны с тем переживанием Мистерии Христа, которое подготавливается благодаря идеалам, тем спиритуальным идеалам, о которых я здесь говорил недавно.

Данное сообщение будет посвящено современному рассмотрению человека с позиций духовной науки, хотя по ходу нашего сегодняшнего рассмотрения оно получит ещё и иное освещение. Итак, когда мы духовнонаучным способом, на основе средств современной духовной науки наблюдаем душевную жизнь человека, мы можем сказать, что в этой душевной жизни — поскольку она, с одной стороны, связана с физической, а с другой стороны, с духовной жизнью, — разыгрывается нечто тройственное. В ней отражается тройственная склонность к сверхчувственному миру. Эта тройко проявляющаяся склонность к сверхчувственному миру должна, собственно, отвергаться тогда, когда вообще ничего не хотят знать о сверхчувственном мире. У человека есть склонность познавать то, что можно назвать божественным вообще. У него есть вторая склонность, — безусловно, мы говорим всегда о человеке в современном цикле развития, — склонность познавать Христа. И третья склонность: познавать то, что обычно называют духом или также Святым Духом.

Относительно всех этих трех склонностей вы знаете, что есть люди, которые их отвергают. Пришлось в достаточной степени пережить, — именно на протяжении XIX столетия, когда, по крайней мере, в недрах европейской культуры эти вещи были доведены до крайности, — пережить то, что люди вообще отрицают наличие божественного в мире.

С позиций духовной науки, — поскольку в духовной науке не ставится под сомнение Божественное, которое, если будет позволено так выразиться, живёт в сверхчувственном — можно было бы спросить: что же приводит человека к тому, что он вообще отрицает божественное, что он не признает то, что называют Богом Отцом в Троице? — Духовная наука показывает нам, что в каждом подобном случае, когда человек отрекается от Бога Отца, то есть вообще отрекается от божественного в мире, от того божественного, например, которое признавалось в иудейской религии, — в каждом подобном случае, обнаруживается реальный физический дефект, физическое заболевание, физический недостаток в

человеческом теле. Быть атеистом — означает для духовного исследователя быть в каком-то отношении больным. Конечно, эта такая болезнь, которую врачи не лечат; ведь они сами зачастую болеют этой болезнью — болезнью, которая как таковая не признана современной медициной. Однако это болезнь, которую обнаруживает в человеке духовная наука, если человек отрицает то, что он должен чувствовать в настоящее время не посредством своего душевного, а посредством своего телесного организма. Если он отрицает то, что сообщает ему здоровое чувство его тела — что божественное пронизывает собой мир — такой человек, согласно представлениям духовной науки, болен, болен телесно.

Кроме того существует очень много людей, отрицающих Христа. Отрицание Христа духовная наука должна рассматривать как нечто такое, что, собственно говоря, представляет собой вопрос судьбы и касается жизни человеческой души. Отрицание Христа духовная наука должна считать несчастьем; отрицание Бога есть болезнь, отрицание Христа есть несчастье. Возможность найти Христа есть, в известном смысле, вопрос судьбы, в известном смысле, есть нечто такое, что должно отражаться в карме человека. Это беда, что не имеют никаких связей с Христом. Отрицание Духа, или Святого Духа, означает тупость собственного духа. Человек состоит из тела, души и духа. И каждая из этих составляющих может иметь дефект. Настоящий физический болезненный дефект имеется в случае атеистического отношения к божественному. Не найти в жизни связи в мире, позволяющей нам познать Христа, это несчастье. Неспособность обнаружить Дух внутри себя, есть тупость, есть, в известном смысле, идиотизм, пусть даже утонченный и еще не признанный идиотизм.

Речь идет о том, чтобы задаться вопросом: как человек находит Христа? И именно сегодня мы хотим поговорить об этом обретении Христа, обретении, к которому мы можем подойти в нашей жизни благодаря нашей человеческой душе. Часто можно слышать от душ, от серьезно ищущих душ: как мне найти Христа? — При желании получить вразумительный ответ, можно заняться этим вопросом; конечно только тогда, когда рассматриваешь его в определенной исторической взаимосвязи. Мы хотим поставить перед нашей душой историческую взаимосвязь, ведущую нас в сегодняшнем рассмотрении к ответу на вопрос: «Как мне найти Христа?»

Мы знаем, что наша сегодняшняя историческая эпоха началась, — с точки зрения духовной науки, — в XV столетии. Если хотят указать примерную дату, можно указать на 1413 год. Однако когда такого рода уточнения не хотят делать, можно сказать: в XV веке душевная жизнь приняла такую форму, какую можно наблюдать сегодня. Когда в новой истории не допускают такого понимания, то это имеет основание только в следующем. Новейшая история рассматривает лишь внешние факты и будучи по своей природе лишь удобной сказкой, *Fable sovenue* — не имеет никакого понятия о том, что как только мы возвращаемся назад, ранее XV столетия, то узнаем, что люди по-другому думали, по-другому чувствовали, иначе действовали, исходя из своих импульсов. Их душевная жизнь радикально отличалась от душевной жизни современных людей. Эпоха, которая закончилась в 1413 году, началась в 747 году до Р. Х.; то есть, в VIII веке до Р. Х. То, что мы с позиций духовной науки называем греко-латинской культурой, продолжается с 747 г. до Р. Х. по 1413 г. по Р. Х. В эту культурную эпоху примерно в первой её трети разыгралась, как мы это уже знаем, Мистерия Голгофы.

Мистерия Голгофы, как вы это знаете, была для многих людей на протяжении столетий поворотным пунктом в их чувствах, в их мышлении. Мистерия Голгофы была особенно прочувствованно воспринята душой в те времена, которые предшествовали новому времени, XV, XVI и т. д. векам. Тогда наступила та эпоха, в которой началось чтение Евангелий в широких народных кругах. Но затем начался спор о том, являются ли Евангелия действительно историческими документами. И эта дискуссия, как вы знаете, сегодня в самом разгаре. Сегодня мы хотим заняться не отдельными фазами этого спора, который особенно большую роль играет в сфере протестантской теологии, мы хотим перед нашей душой поставить лишь то, что сегодня может быть сказано о том, чего хотят, собственно достичь

этим спором о Мистерии Голгофы.

В материалистический век привыкли все доказывать на материалистический лад. В истории «доказательством» называют то, что подкреплено документами. Если находят документы, акты, то соглашаются, что историческое событие, о котором эти документы говорят, действительно имело место. Вероятно, что Евангелиям нельзя приписывать такой доказательной силы. ***Вы знаете из моей книги “Христианство как мистический факт”,*** что представляют собой Евангелия. Они есть нечто совсем иное, чем исторические документы; они являются инспиративно написанными книгами, книгами посвящения. Раньше их принимали за “исторические документы”, теперь же благодаря действительному исследованию, установлено, что они не исторические документы. Теперь пришли к тому, что все остальные письменные свидетельства, находящиеся в Библии, не являются историческими свидетельствами. А известный теолог, незаслуженно известный теолог ***Адольф Гарнак***, установил в результате нового исследования Библии, что всё исторически известное о личности Иисуса Христа, может быть записано на четверти листа. Верно только одно, что, — если мне позволено выразиться парадоксально, — это тоже неверно, верно лишь то, что записанное на этой четверти листа тоже исторически несостоятельно! Истинно только то, что вообще нет ни одного действительно достоверного документа о Мистерии Голгофы. Если спросит сегодня историк: Можно ли доказать историчность Мистерии Голгофы? — то с точки зрения сегодняшней истории следует сказать: это невозможно доказать внешними средствами.

Такое положение дел имеет все же свою хорошую сторону. Мистерию Голгофы по воле божественной мудрости, я бы сказал, совершенно невозможно доказать внешними материалистическими средствами по той простой причине, что Мистерия Голгофы как наиважнейшее событие, которое имело место на Земле, должна постигаться только сверхчувственным образом. Тот, кто хочет здесь найти внешнее материалистическое доказательство, как раз его не найдет; посредством своего критического настроения он придет только к тому, что вообще ничего не было. Человечество поставлено перед решением, в связи с Мистерией Голгофы признаться себе: я должен прибегнуть к помощи сверхчувственного, или я вообще не смогу обнаружить нечто такое, как Мистерия Голгофы. — Мистерия Голгофы должна заставить человеческую душу, помимо каких бы то ни было чувственных доказательств, найти путь к сверхчувственному. Имеются веские причины для того, чтобы Мистерию Голгофы не нужно было доказывать ни естественнонаучно, ни какими-либо историческими исследованиями. На долю духовной науки выпадает важная роль. В то время, когда всякая внешняя наука, всякая наука, основанная лишь на чувственно воспринимаемом, должна признаться, что она никак не может подойти к познанию Мистерии Голгофы. Когда сама теология, поскольку она настроена критически, ведет себя не по-христиански, именно духовная наука должна стать тем, что приведет людей к познанию Мистерии Голгофы, причём приведёт на сверхчувственном пути, о котором мы уже часто писали.

Теперь мы можем спросить себя: каково было состояние человечества, когда разыгралась Мистерия Голгофы в четвертой послеатлантической греко-латинской культурной эпохе? Теперь вы знаете, что означает эта эпоха. Человечество развивается с течением времени таким образом, что оно переживает, вырабатывает различные члены человеческой природы. Вы знаете, что в египетско-халдейскую эпоху, которая предшествовала 747 г. до Р. Х., в развитие человека вошло то, что теперь называют душой ощущающей; в греко-римскую эпоху — то, что называют душой рассудочной или душой характера, и с 1413 г. нашего послеатлантического времени входит то, что называется душой сознательной. Таким образом, мы можем сказать: суть греко-латинской культуры, длившейся с 747 г. до Р. Х. вплоть до 1413 г. после Р. Х., состояла в том, что ***человечество воспитывалось к тому — если мы можем выразиться по Лессингу — чтобы*** свободно пользоваться душой рассудочной или душой характера.

Спросим себя еще раз: когда была середина этой эпохи? Можно согласиться со

следующим: если от 747 г. до Мистерии Голгофы и до 1413 г. длилась эта эпоха, то она имеет середину, до которой душа рассудочная или душа характера развивалась до какой-то степени по восходящей линии, а затем стала развиваться по нисходящей. Этот временной пункт вы легко можете вычислить, — это 333 год после Р. Х. Этот 333 год является очень важным по своему значению для всего человеческого развития, он является серединой греко-латинской культуры. 333 года назад от этой середины лежит рождение Христа, то есть то, что привело к Мистерии Голгофы.

Мы только тогда сможем правильно оценить положение, в котором находится всё человечество, если спросим себя: что случилось бы, если бы не произошла Мистерия Голгофы? Только тогда мы можем правильно оценить то, чем по своему значению была Мистерия Голгофы для всего человечества, когда спросим себя: что случилось бы, если бы не было Мистерии Голгофы? Естественно, что без Мистерии Голгофы человечество пришло бы к середине четвертой послеатлантической эпохи, то есть к 333 г. н. э., только благодаря собственным элементарным силам. Оно развило бы из самого себя все способности, которые присущи душе рассудочной или душе характера. Человечество приобрело бы их в следующих столетиях.

Однако в связи с Мистерией Голгофы это пошло коренным образом по-другому. Произошло совсем другое, нежели было бы в ином случае; и это другое носило грандиозный характер. Если мы обратимся к Мистерии Голгофы, то мы можем, характеризуя это особое событие, давшее смысл всей Земле, — рассматривать как самую важную точку зрения ту, по которой к познанию Мистерии Голгофы ведет только сверхчувственное познание, точку зрения, полагающую, что доступ к ней даёт только сверхчувственный путь.

В чем же тут дело? Дело в следующем. Несмотря на то, что в четвертой послеатлантической эпохе, около 333 г. по Р. Х., человек приблизился к высочайшему расцвету души рассудочной или души характера, он, между рождением и смертью, живя в условиях физической жизни, был вообще далек от того, чтобы понять природу Мистерии Голгофы своими человеческими силами. В том то и дело, что хотя мы и можем развиваться и дожить до преклонных лет, мы не можем постичь смысла Мистерии Голгофы силами, которые развиваем в течение всей жизни между рождением и смертью.

Отсюда следует также то, что современники, современники, любящие Иисуса Христа, ученики, апостолы, могли понимать — насколько они должны были понимать, как обстоит дело с Иисусом Христом, которого они окружали, — могли понимать только потому, что они в определенном смысле были одарены атактистическим ясновидением, о чем я часто говорил, и благодаря этому ясновидению понимали Того, Кто был среди них. Собственными человеческими силами им бы это не удалось. И тогда они, евангелисты, записали Евангелия, взяв на помощь древние мистериальные книги. Они написали их, эти мощные Евангелия, исходя из древних атактистических ясновидческих сил, которые до тех пор развивались естественным образом из природных сил человека.

Но душа человека развивается и дальше, и даже после того, как она прошла врата смерти. Эта человеческая душа, которая развивается дальше даже после того, как она прошла через врата смерти, даже после смерти наращивает свои силы понимания: она все больше и больше учится понимать.

Своеобразие состоит в том, что современники Христа, которых их любовь ко Христу подготовила к жизни во Христе после смерти, впервые благодаря своим собственным человеческим силам полностью осознали смысл Мистерии Голгофы лишь в третьем столетии после Мистерии Голгофы. Итак те, кто жил вместе с Христом как Его ученики и апостолы, те, которые потом умерли, продолжали жить дальше в духовном мире; и в то время, когда они жили в духовном мире, росли их силы, точно так же, как они растут здесь. Ведь мы, умирая, не продвинуты так далеко, чтобы иметь такое понимание, какое мы будем иметь через два столетия после смерти. Эти современники лишь в период от второго до третьего века зашли настолько далеко, что находясь в духовном мире, в котором живёт человек между смертью и новым рождением, сами познали то, что они пережили на Земле

200–300 лет тому назад. И из духовного мира они инспирировали тех людей, которые находились здесь внизу, на Земле.

Прочтите с этой точки зрения то, что написали так называемые отцы церкви во втором, в третьем столетиях, когда та инспирация в действительном смысле слова началась, тогда вы придете к тому, как надо понимать то, что написано отцами церкви о Христе Иисусе. То, что было результатом инспирации от умерших современников Христа Иисуса, начали записывать в третьем столетии. Удивительные речи вели эти люди о Христе Иисусе в третьем столетии, речи, которые частично для сегодняшних людей, — мы затем сразу же будем говорить об этих сегодняшних людях, — действительно непонятны.

Я хочу упомянуть одного человека — я мог бы упомянуть также и некоторых других, — но я хочу упомянуть одного, к которому совершенно пренебрежительно относится современная материалистическая культура, упомянуть того, о ком эта материалистическая культура говорит, что он, будто бы сказал ужасную фразу: «Верую, ибо абсурдно» (*Credo quia absurdum est*). **Тертуллиана** хочу я упомянуть.

Когда приводят Тертуллиана, который жил примерно в то время, когда началась инспирация сверху от умерших современников Христа Иисуса, и который как человек мог находиться под влиянием этой инспирации, когда по-настоящему читают этого Тертуллиана, то получают своеобразное впечатление. Естественно, он писал так, как должен был писать согласно своей человеческой конституции. Ведь можно иметь хорошие инспирации, однако проявляются они так, насколько их смогли воспринять. Тертуллиан тоже передавал инспирации не совсем в чистом виде, он их передавал так, как удавалось ему их выразить в своём человеческом головном мозге. Во-первых, это происходило потому, что он жил в смертном теле и, во-вторых, потому, что он был в определенной степени страстным и фанатически настроенным человеком. Он писал так, как у него это получалось, а это выходило, в высшей степени замечательно, если это рассматривают с истинной и правильной точки зрения.

С этой точки зрения Тертуллиан выступает нам навстречу не как высоко литературно образованный римлянин, а как писатель, обладающий великолепными речевыми силами. Можно прямо-таки сказать: Тертуллиан впервые сделал латинский язык доступным христианству. Он впервые смог так темпераментно и с такой святой страстью воспламенить этот прозаический, непоэтический, чисто риторический латинский язык, что в работах Тертуллиана непосредственно ощущается жизнь души, особенно в его труде “*De carne Christi*”, “О плоти Христа”, а также в том труде, где он пытался опровергнуть то, в чем обвинялись христиане. Они написаны с чувством святого рвения и великолепным языком. И Тертуллиан как римлянин, — это подтверждает его книга “*De carne Christi*”, — относился без какого-то предубеждения к своему собственному римскому началу. Он находил великолепные слова, защищая христиан от преследователей римлян. Он осуждал истязания, причиняемые христианам для того, чтобы они отказались от своей принадлежности к Христу Иисусу. Тертуллиан осуждал эти истязания так страстно, что говорил: «Разве ваше поведение как судей по отношению к христианам не доказывает вполне, что вы не правы? Когда вы судите христиан, вам приходится изменять весь ход суда, который обычно бывает у вас. Обычно вы истязаниями принуждаете свидетелей не отрекаться; вы принуждаете его, чтобы он дал правдивое показание, сказал, что он в действительности думает. С христианами вы поступаете наоборот: вы подвергаете их пыткам, чтобы они отрицали то, что они считают верным. Вы, как судьи, ведете себя по отношению к христианам совершенно не так, как вы должны, будучи судьями, вести себя. Обычно вы пытаетесь с помощью пытки узнать правду, а от христианина требуете лжи». И подобными словами, которые били не в бровь, а в глаз, говорил Тертуллиан о многом.

Можно добавить, что он был мужественным, сильным человеком, видевшим насквозь и изображавшим ничтожность римского богослужения; кроме того, он был человеком, который во всем, что бы он ни писал, выказывал свои связи со сверхчувственным миром. Он говорил о сверхчувственном мире так, что видно: этот человек знает, что говорить о

сверхчувственном мире. Он говорил о демонах так, как он говорил о своих знакомых, которые жили как люди. И он говорил о демонах, например, так: "Спросите демонов, является ли Христос, — Тот, о Котором христиане утверждают, что Он истинный Бог, — по-настоящему истинным Богом!? Поставьте-ка настоящего христианина перед одержимым демонами, одержимым, из которого говорит демон, тогда вы увидите: если вы заставите его говорить, он вам признается, что является демоном, так как он говорит правду". — Тертуллиан знал, что демоны не лгут, когда их спрашивают. "Но демоны вам также скажут, — если христианин правильно, сознательно спросит их, — что Христос есть Бог. Только они Его ненавидят, так как они противостоят Ему. Вы узнаете от демона, что Христос есть настоящий Бог". Итак, Тертуллиан опирался не только на свидетельство людей, но и на свидетельство демонов. Таким образом, он говорит о демонах как о свидетелях, которые не только говорят, но которые также знают, что Христос есть истинный Бог. Все это Тертуллиан говорит из своего существа.

Имеются все основания, знакомясь с Тертуллианом как с писателем, спросить: а каким, собственно, было глубинное душевное исповедание Тертуллиана, который был внутренне захвачен только что описанной вам инспирацией? Глубина душевного познания Тертуллиана действительно является поучительной. Ибо Тертуллиан уже предчувствует нечто, что лишь через долгий срок после времени Тертуллиана раскроется человечеству. В основном познание Тертуллиана относительно человеческой природы сводилось к трем положениям. Во-первых, человеческая природа такова, что она в настоящее время, — то есть время, в котором жил Тертуллиан, а это конец второго столетия после Р. Х., — что она как таковая может обречь себя на позор, отрекшись от величайшего земного события. Когда человек следует лишь себе, у него нет возможности прийти к величайшему земному событию. Во-вторых, душа его слишком слаба, чтобы постичь это величайшее земное событие. В-третьих, человеку совершенно невозможно, если он следует только тому, что позволяет ему его смертное тело, обрести связь с Мистерией Голгофы.

Этими тремя положениями примерно и характеризуется вероучение Тертуллиана. Основываясь на них, Тертуллиан говорил: «**Распят был Сын Божий**; это не позор, ибо это позорно. И умер Он; в это верят потому, что это безумно». «*Prorsus credibile est, quia ineptum est*», «Потому-то и верят, что это безумно» — это предложение стоит у Тертуллиана. Другое предложение, которое ему приписывает мир, следующее: «*Credo, quia absurdum est*», «Верю, ибо абсурдно» — не стоит нигде, ни у Тертуллиана, ни у других отцов церкви. Но эта фраза, которую я вам только что сказал, была записана. Большинство людей не знает о Тертуллиане ничего, кроме этой фразы, которая не является подлинной. И третье: «И погребенный восстал», — говорит Тертуллиан, — «так как это невозможно. Мы должны верить в это, так как это невозможно».

Конечно, современному, достаточно рассудительному человеку эти три сделанные Тертуллианом высказывания покажутся чем-то ужасным. Нужно только представить такого, самого что ни на есть сегодняшнего, материалистически образованного человека, который слышит, как кто-то говорит: "Христос был распят: мы должны в это верить, ибо это позорно; Христос умер; мы должны в это верить, ибо это безумно. Христос поистине воскрес: мы должны в это верить, ибо это невозможно". — Можно себе представить, как будет сегодня относиться к таким высказываниям истинный последователь монистического мировоззрения!

Однако, что же имел в виду Тертуллиан? Тертуллиан, благодаря действующей инспирации, стал настоящим знатоком людей и познал путь, по которому в его эпоху развивалась человеческая природа. Человечество шло навстречу наступающим столетиям четвертого послеатлантического греко-латинского культурного периода. Ровно через столько же лет, на сколько Мистерия Голгофы предшествовала середине этого периода, 333- му году, ровно через столько же лет после этого момента (*то есть после 333 г. — примеч. перев.*) определенные духовные власти вознамерились направить земное развитие по совершенно другому пути, нежели тот, по которому оно должно было пойти вследствие

Мистерии Голгофы. 333 года после 333-го года дают нам 666 г.; это и составляет число лет, о котором столь темпераментно говорит автор Апокалипсиса. Почитайте соответствующие места, где *автор Апокалипсиса говорит о том*, что связано с числом 666! Тогда по замыслам определенных духовных сил с человечеством должно было произойти нечто, и произошло бы, если бы не было Мистерии Голгофы. Тот нисходящий путь, который предназначался человечеству с 333 г. — вершины души рассудочной или души характера — этот нисходящий путь был бы использован для того, чтобы ввести человечество в совсем иной фарватер, чем тот, каким оно должно было идти согласно намерениям тех божественных существ, которые были связаны с ним изначально, со времени древнего Сатурна. Это должно было произойти вследствие того, что нечто, что лишь позднее должно было придти в человечестве, душа сознательная с ее содержанием, с помощью своего рода откровения была бы дана человечеству уже в 666-м году. В случае, если бы это произошло, были бы действительно осуществлены намерения определенных, противостоящих развитию человечества, однако желающих завладеть этим развитием, существ, и в этом случае человечество в 666 г. было бы застигнуто врасплох, было бы наделено душой сознательной так, как это будет лишь много времени спустя после наших дней.

Это связано с тем, что враждебные существа препятствуют Богам, с любовью относящимся к человеку. Намерения хорошо относящихся к человеку духовных существ, предназначенные для более позднего периода, злые существа пытаются реализовать раньше и сделать это тогда, когда человечество еще не созрело для этого. Но то, что впервые должно было бы происходить лишь с середины нашей эпохи, то есть через 1080 лет после ее начала в 1413 г., значит в 2493 г., — только тогда человек должен будет продвинуться в сознательном постижении своей личности, — это ариманически-люциферические силы должны были привить человеку в 666-м году.

Чего же хотели добиться тем самым эти существа? Они хотели наделить человека душой сознательной и благодаря этому привить ему такую природу, которая сделала бы для него невозможным находить дальнейший путь к Самодуху, Жизнедуху и Духочеловеку. Тогда они отрезали бы человеку путь к его будущему, и повели бы его развитие совсем по другому пути.

История разыгрывалась вопреки этой тенденции к той особенной форме, той феноменальной, великолепной, но, тем не менее, дьявольской форме; впрочем следы её всё же остались в истории. Следы смогли остаться потому, что произошли вещи, о которых можно сказать только одно: люди совершают их на Земле, но совершая их, они, собственно, всегда являются исполнителями того, что известные духовные существа выполняют посредством людей. — Таким человеком, своего рода исполнителем воли некоторых духовных существ, был император **Юстиниан I** (527 -565 гг.). Он был врагом всего того, что пришло из высокой мудрости греков, и закрыл в 529 г. Афинскую школу философии, так что последние остатки греческой учености, с её высоким аристотелевско-платоновским знанием были высланы и спаслись, убежав в Персию. Несколько раньше, когда **Зенон Исаврянин** в V столетии изгнал таких же греческих мудрецов из Эдессы, в **Нисибин** бежали и сирийские мудрецы. Таким образом, к наступившему 666 году в персидской академии Гондишапура собралась изысканная группа ученых, перешедшая из древнего эллинизма и совершенно игнорировавшая Мистерию Голгофы. В академии Гондишапура обучали те, кого инспирировали люциферически-ариманические силы.

Если бы случилось то, что должен был принести с собой для человечества 666 г., если бы случилось то, в результате чего для людей был бы отрезан путь для более позднего развития, а человечество возвысилось до души сознательной уже к 666 году, то это было бы успешным осуществлением намерений академии Гондишапура. Тогда в VII столетии повсюду здесь и там выступили бы высокообразованные и из-за своей высокой образованности чрезвычайно гениальные люди, которые странствовали бы по Северной Африке, Западной Азии, Южной Европе, по Европе вообще и повсюду распространяли бы культуру 666 г., в соответствии с намерениями академии Гондишапура. Эта культура должна

была, прежде всего, делать ставку на личностное в человеке, привить ему душу сознательную.

Но эти замыслы не осуществились. Развитие мира приняло иные формы, нежели те, которое оно могло бы принять. Поэтому вся сила удара, который должен был быть нанесен западной культуре академией Гондишапура, была ослаблена. И вместо появления мудрости, по сравнению с которой все то, что мы сегодня знаем о внешнем мире, было бы сущим пустяком, вместо появления мудрости, дающей на спиритуальном уровне все то, что будет достигнуто постепенно лишь к 2493 г., посредством эксперимента и естественных наук, — а могло бы быть достигнуто тогда благодаря появлению блестящей, великолепной группы учёных, — вместо всего этого сохранились лишь остатки того, что арабская ученость принесла в Испанию. Да и они были также ослаблены. Это не осуществилось так, как хотели, а было ослаблено. И вместо этого появилось магометанство, остался **Мухаммед** со своим учением, и вместо того, что должно было прийти из академии Гондишапура, пришел только ислам. Мир благодаря Мистерии Голгофы был отведен от того, пагубного для него направления.

И не осуществилось это потому, что Мистерия Голгофы не только свершилась ранее, но из-за того, что эта Мистерия Голгофы произошла как такое событие, которое не может быть понято обычными человеческими силами до самой смерти. И поэтому в среде западноевропейского человечества имело место то, о чем я уже говорил: происходила инспирация со стороны умерших, которую мы замечаем у Тертуллиана и многих других. Вследствие этого чувства людей были направлены к Мистерии Голгофы, и вместе с тем человечество было направлено совсем по другому пути, не по тому, который исходил от академии Гондишапура. Благодаря этому чувства человека были направлены к Мистерии Голгофы, то есть к чему-то совершенно иному, нежели то, что должно было изойти из Академии Гондишапура. Так было распространено то, что препятствовало высокой, но чертовской мудрости, к которой вела тенденция академии Гондишапура. То, что распространению указанной мудрости помешали, было на благо человечеству. Осуществилось многое из того, что было инспирировано умершими, но человечество было предохранено от того, что оно должно было бы принять в свою душу, если бы академии Гондишапура повезло в её намерениях.

События, вроде тех, тенденция к которым идёт от академии Гондишапура, до некоторой степени происходят за кулисами внешнего мирового развития. Подобные вещи протекают в сверхчувственном. Люди находятся в связи с ними, но сами события разыгрываются в сверхчувственном. Поэтому о таких событиях, — ни о тех, что являлось тенденцией академии Гондишапура, ни о событии Мистерии Голгофы нельзя судить на основании только того, что происходит на физическом плане. В случае событий такого рода, если мы хотим их охарактеризовать, мы должны изучить их гораздо глубже, чем это обычно делается.

У человечества осталось нечто от того, что тогда должно было произойти, и что было только ослаблено; из этого великолепия образовался фантастический, печальный ислам (*der phantastische, jaemmerliche Islam*)! Всё же с человечеством нечто случилось. Случилось то, что человечество, на которое подействовал **импульс Гондишапура — этот новоперсидский импульс, несвоевременно извлеченный импульс Заратустры — что** все человечество, если можно так выразиться, если выразиться тривиально, внутренне получило трещину вплоть до своей телесности. Тогда человечество получило импульс, который проник вплоть до физического тела, импульс, с которым мы до сих пор еще рождаемся. Он, собственно, подобен тому, который я только что охарактеризовал. **Человечеству была привита болезнь, которая, если она развивается в нем, то приводит к отречению от Бога Отца.**

Итак, поймите меня правильно: человечество, являясь цивилизованным, имеет сегодня в теле жало. **Святой Павел очень много говорил об этом жале.** Человечество несет в своем теле жало. Святой Павел очень много говорит об этом пророчески. Он имел его как далеко ушедший вперед человек того времени, в то время как другие получили его лишь в

VII веке после Р. Х. И это жало будет еще дальше распространяться и делаться все более и более значительным. Изучая сегодня какого-нибудь человека, отдавшегося совсем этому жалю, этой болезни, — потому, что это жало в физическом теле есть настоящая болезнь, — мы видим, как он становится атеистом, человеком, отрицающим Бога, отрицающим Божественное. Предрасположенность к атеизму имеет, собственно, всякий человек, принадлежащий современной цивилизации. Речь лишь о том, поддается ли он этому. Человек несет в себе болезнь, которая побуждает его отрицать Божественное, в то время как он, собственно, по своей природе должен был бы признать существование Бога. Эта природа в известном смысле минерализовалась и отстала в своем развитии, так что мы все продолжаем носить в себе болезнь отрицания Бога.

По своей природе болезнь отрицания Бога по-разному проявляется в человеке. Благодаря этой болезни отрицания Бога создается еще более тесная связь между душой человека и его телом, чем прежде и чем это свойственно, собственно, человеческой природе. Душа словно еще больше сковывается телом. И в то время как душа, по своей собственной сущности, не предопределена разделять судьбу тела, она, благодаря указанной болезни, стала бы все больше и больше зависеть от судеб тела, а также от судеб рождения, наследственности и смерти.

Этого же самого, но в более дилетантской форме, снова добиваются в наше время некоторые тайные общества. Тогдашние мудрецы Гондишапура желали не меньшего, как сделать человека на Земле очень сильным, очень мудрым, но сделать это так, чтобы душа человека, получив инъекцию этой мудрости, стала причастной смерти, чтобы у него не осталось желаний, проходя через врата смерти, принимать участие в духовной жизни и участвовать в последующих инкарнациях. Мудрецы из Гондишапура хотели задержать дальнейшее развитие человечества. Они хотели в своих целях захватить человека для совершенно иного мира, предохранить его от земной жизни, отвлечь его от того, чем должен быть человек на Земле, от того, чему он должен научиться в течение медленного, постепенного развития и благодаря чему он должен прийти к Самодуху, Жизнедыху и Духочеловеку.

Душа должна была бы связаться с Землей еще теснее, чем ей было предопределено. Смерть, предназначенная только нашему телу, стала бы также в определенном смысле судьбой души. Этому противодействовала Мистерия Голгофы. Человек породнился со смертью, но благодаря Мистерии Голгофы он был избавлен от этого родства. Если, с одной стороны, определенное течение в мировом развитии способствовало росту еще более тесной связи человеческой души с физическим телом, чем это было предписано человеку, то Христос, способствуя равновесию, еще более усилил связь души с Духом, чем это было предопределено. Таким образом, благодаря Мистерии Голгофы человеческая душа стала ближе к Духу, чем ей было предопределено.

Это, дорогие мои друзья, позволяет нам правильно вникнуть в то, как была связана Мистерия Голгофы на протяжении тысячелетий с самыми внутренними силами человеческой природы. Взаимоотношения, предопределенные человеку Ариманом и Люцифером, взаимоотношения между телом и душой, надо уметь сравнивать с взаимоотношениями между душой и Духом, если хотят исторически верно подойти к Мистерии Голгофы.

Католическая церковь, находившаяся в более сильной степени под влиянием остатков импульса академии Гондишапура, чем другие церкви, в *869 году на восьмом вселенском (мнимо-вселенском — примеч. перев.) Соборе в Константинополе догматически постановила*, что не надо верить в дух, поскольку эта церковь не желала сколько-нибудь осветить значение Мистерии Голгофы, а пыталась ещё больше сгустить тьму вокруг неё. Католической церковью в 869 г. был отменен дух. Догма, которая там была принята, гласит: не следует верить в дух, а только в душу и тело, и душа имеет в себе нечто подобное духу. Но что человек в действительности состоит из тела, души и духа, этот факт католическая церковь упразднила. Это упразднение духа произошло непосредственно под влиянием

импульса Гондипапура. История всё же движется иначе, чем охотно, с той или другой стороны хотели бы её сделать — историей для домашнего пользования.

Человек благодаря Мистерии Голгофы стал, следовательно, родственен Духу. В силу этого в человеке существуют две силы: сила, которая душевно роднит человека со смертью, и та сила, которая снова освобождает его от смерти и внутренне ведет его к Духу.

Что же это за сила? Я вам говорил: отрицание божественного является своего рода болезнью в человеке. Это своего рода болезнь, которую мы имеем как члены цивилизованного человечества, и имеем её лишь благодаря нашему телу. Итак, отрицать Бога есть болезнь, говорит духовная наука. И мы больны этой болезнью. Мы не отрицаем, — если правильно себя понимаем, — Бога только тогда, когда снова находим Его благодаря Христу. И так же как в нашем теле имеется болезнь, которая ведет к отрицанию Бога, так в нас есть оздоравливающая целительная сила, — как я часто говорил об этом, — сила, изливаемая на нас Мистерией Голгофы. И Христос для всех нас является в самом истинном смысле слова Спасителем, Врачевателем той болезни, которая может привести человека к отрицанию Бога. Он Врачеватель той скрытой болезни, которую я вам сейчас охарактеризовал.

Наше время является действительно во многих отношениях повторным обновлением тех времен, в которые происходила Мистерия Голгофы, отчасти неся в себе последствия происшедшего в 333 и в 666 годах. Это совершенно определенные последствия. Вы только тогда правильно поймете Мистирию Голгофы, когда вы дадите себе отчет в следующем: нельзя понять эту Мистирию силами, которые даются человеку как следствие его физического существования, от рождения до смерти в физическом теле. Даже современники, апостолы, смогли уяснить себе значение Мистерии Голгофы из своих собственных человеческих сил только в третьем столетии, спустя несколько столетий после их смерти. Но все такие вещи претерпевают развитие, благодаря чему происходит то, или иное. А произошло следующее.

Мы с вами, находимся в совершенно других условиях, чем современники Христа, или жившие вплоть до VII в. после Р. Х. Мы живем в пятой послеатлантической эпохе и далеко зашли в неё, мы живем в XX столетии. Это имеет своим следствием то, что когда мы рождаемся как душа и переходим из сверхчувственного мира в чувственно воспринимаемый мир, мы, столетиями раньше, переживаем нечто в духовном мире. И как современники Мистерии Голгофы через столетия пришли к полному пониманию Мистерии Голгофы, мы тоже переживаем нечто вроде зеркального отражения того, что было перед нашим рождением и даже за несколько столетий до того, как мы родились. Но это касается только современных людей. Современные люди, рождаясь в физическом мире, приносят нечто вроде отблеска Мистерии Голгофы, как зеркальное отражение того, что переживалось в духовном мире столетия спустя после Мистерии Голгофы.

Конечно, этот импульс не может непосредственно созерцать тот, кто не обладает сверхчувственными способностями, но все могут пережить в себе воздействие этого импульса. И когда его переживают, тогда находят ответ на вопрос: как мне найти Христа?

Для этого необходимо следующее переживание. Человек находит Христа, если имеют следующие переживания. Во-первых, переживание, при котором говорят себе: я хочу настолько усовершенствоваться в самопознании, насколько это возможно для моей совершенно индивидуальной человеческой личности. — Никто, кто честно стремится к этому самопознанию, не может, как человек, сказать сегодня иного, чем следующее: я не могу постичь того, к чему, собственно, я стремлюсь. Моих познавательных способностей недостаточно для того, к чему я стремлюсь: я ощущаю свое бессилие по отношению к этому стремлению. Это переживание означает нечто очень важное. Его должен был бы иметь каждый в процессе этого самопознания, оставаясь честным перед собой — известное ощущение бессилия. Это чувство бессилия является здоровым чувством, так как оно есть не что иное, как ощущение болезни, а человек лишь тогда по-настоящему болен, когда он болен и этого не чувствует. И тем, что ощущают бессилие подняться к Богу в определенный

момент своей жизни, чувствуют в себе ту болезнь, о которой я говорил, чувствуют, что она привита нам. И благодаря тому, что ощущают эту болезнь, ощущают, что непосредственно из-за нашего тела, каково оно есть на сегодня, душа осуждена была бы умереть со смертью последнего. И когда достаточно сильно ощущают это бессилие, тогда наступает поворотный момент. Тогда приходит другое переживание, говорящее нам: ведь мы можем, — если не ищем помощи у одних только телесных сил, если предаёмся тому, что даёт нам Дух, — можем преодолеть эту внутреннюю смерть души. Мы получим тогда возможность снова найти нашу душу и связать себя с Духом. Мы можем тогда, исходя из нас самих, пережить ничтожность бытия, с одной стороны, и величие бытия, когда мы поднимаемся над ощущением бессилия. Мы можем ощутить в нашем бессилии болезнь, но также мы можем ощутить и Спасителя, ощутить целительную силу, если мы чувствуем это бессилие, как родство со смертью в нашей душе. И чувствуя Спасителя, мы чувствуем, что мы несем в своей душе нечто такое, что может воскреснуть из смерти в любое время в нашем собственном внутреннем переживании. — Если мы ищем эти два переживания, мы находим в нашей собственной душе Христа.

Это то переживание, навстречу которому идёт всё человечество. *Ангел Силезский* говорит об этом переживании полными смысла словами:

Голгофский крест спасти тебя не может,
пока в себе его ты не воздвиг.

В человеке должен быть возведен Крест, тогда он чувствует два полюса: бессилие из-за своей телесности и воскресение благодаря своему духу.

Внутреннее переживание, которое состоит из этих двух состояний, есть то, что действительно направлено к Мистерии Голгофы. Это такое событие, против которого никто не должен был бы возражать, ссылаясь на то, что не имеют развитых сверхчувственных способностей. Для этого подобные способности не нужны. Нужно действительно только осознание себя и воля к этому самоосознанию, а также воля к преодолению того, столь распространенного сегодня высокомерия, которое не позволяет человеку заметить, что когда он полагается на свои собственные силы, он становится высокомерным по отношению к своим собственным силам. Когда человек не может почувствовать из-за своего собственного высокомерия, что он со своими собственными силами беспомощен, тогда нельзя ощутить ни смерть, ни воскресение; тогда не могут прочувствовать сказанного Ангелом Силезским:

Голгофский крест спасти тебя не может,
пока в себе его ты не воздвиг.

Но если мы можем чувствовать бессилие и преодоление состояния бессилия, тогда, на наше счастье, мы можем действительно почувствовать реальную связь с Христом Иисусом. Ибо это переживание представляет собой повторение того, что мы столетиями раньше переживали в духовном мире. Таким образом, мы должны данное переживание искать в его зеркальном отражении здесь в душе, на физическом плане. Ищите в себе, и вы найдете бессилие. Ищите, и после того, как вы нашли бессилие, вы найдете спасение от бессилия, воскресение души к Духу.

Однако не дайте смутить себя в этих поисках тем, что проповедуется сегодня мистикой или неким позитивным познанием. Когда Гарнак, например, говорит о Христе, то, что он говорит — неправда, по той простой причине, поскольку то, что он говорит о Христе, — прочитайте это, — можно сказать о Боге вообще. Можно с таким же успехом говорить об иудейском Боге, о Боге мусульман и обо всех других. И многие желающие сегодня быть так называемыми «пробужденными», говорят: я переживаю Бога в себе. **Однако они переживают только Бога Отца и то только в исключительно ослабленном виде**, так как они, собственно, не замечают, что они больны, и всего лишь вторят традициям. Нечто подобное было, например, с *Йоганном Мюллером*. Но все эти люди не имеют Христа, так как переживание Христа состоит не из одного переживания Бога в человеческой душе, но состоит из двух переживаний: из переживания смерти в душе из-за тела и воскресения души благодаря духу. И тот, кто говорит человечеству, что он не только Бога в себе чувствует, —

как чисто риторически утверждали теософы, — но говорит также и о двух событиях: о бессилии и о воскресении из бессилия, — тот говорит о настоящем переживании Христа. И лишь такой человек находится на сверхчувственном пути к Мистерии Голгофы. Он сам находит силы, которые пробуждают определенные сверхчувственные силы, ведущие его к Мистерии Голгофы.

Сегодня поистине нет нужды сомневаться в возможности найти Христа непосредственно из собственного переживания, так как Его находили, если заново обретали себя, выходя из состояния бессилия. Чувство полной ничтожности, которое нас охватывает, когда мы думаем о собственных силах без высокомерия, должно предшествовать импульсу Христа. Разумные мистики считают, что если они просто могут сказать: я имею в своем «я» «высшее «Я», я нашел божественное «Я», — то это будто бы и есть Христианство. Но это не есть Христианство. Дух Христианства находится в словах:

Голгофский крест спасти тебя не может,
пока в себе его ты не воздвиг.

Можно почувствовать из частных жизни, что я говорю истину, тогда можно будет перейти от этих частных к переживанию бессилия и воскресения из бессилия. Мои дорогие друзья, было бы прекрасно, особенно в наше время, если бы люди обнаружили, например, следующее. Совершенно несомненно, что в глубинах человеческой души живет стремление к правде, а также стремление высказывать правду. Но как раз когда мы имеем намерение высказать правду и начинаем затем размышлять об этом высказывании правды, тогда мы можем сделать первый шаг на пути к осознанию бессилия человеческой телесности по отношению к Божественной правде. В то мгновение, когда вы действительно занимаетесь подлинным самоосознанием через высказывание правды, вы приходите к чему-то совершенно странному. *Поэт (Friedrich Schiller, «Tabulae votivae» Sprache) почувствовал это, сказав* : *Spricht die Seele, so spricht, ach! schon die Seele nicht mehr.* «Говорит душа, так говорит, ах! Она уже больше не душа».

На пути, на котором то, что мы действительно внутренне в душе переживаем как правду, становится речью, оно притупляется. Душевно пережитое убивается в речи ещё не полностью, но оно притупляется. И тот, кто знаком с речью, тот знает, что имена собственные, указывающие всегда только *одну* вещь, являются правильными обозначениями для этой вещи. Как только у нас появились обобщенные имена, будь то имена существительные, глаголы или имена прилагательные, то, что мы говорим, не является полной истиной. Тут истина заключается в осознании того, что мы, в сущности, с каждым высказываемым предложением отклоняемся от истины.

Духовнонаучно мы пытаемся возродиться, признав следующее: «Каждым утверждением ты говоришь неправду», действуя при этом определенным образом, который я вам часто характеризовал. Я часто говорил вам: не столь важно в духовной науке то, что говорится — поскольку ведь и на высказанном отражается беспомощность суждения — но дело в том, как это говорится. Попытайтесь однажды проследить мысленно, — это можно проследить в моих сочинениях, — как каждая вещь описывается с самых различных точек зрения, как всегда делается попытка охарактеризовать вещь с одной и с другой стороны. Только в этом случае можно приблизиться к пониманию вещей. Тот, кто верит, что слова представляют нечто иное, чем некую эвритмию, тот очень ошибается! Слова являются лишь эвритмией, извлекаемой из гортани и создаваемой при содействии воздуха. Слова — всего лишь жесты, однако создаются эти жесты не при помощи рук и ног, а гортанью. Мы должны осознать, что мы в речи только намекаем на нечто определённое, и что только тогда получаем верное понимание истины, когда в слове видим намёк на то, что мы хотим выразить, и когда мы как люди живем друг с другом так, что осознаём: в словах живут намеки. На это хочет, между прочим, указать *эвритмия, которая делает всего человека гортанью*, то есть выражает посредством всего человека то, что обычно выражается только гортанью, чтобы люди снова почувствовали, что когда они говорят, они тем самым создают жесты. Я говорю “отец”, я говорю “мать”: когда я пользуюсь общими понятиями, я смогу

только тогда истинным образом выражать себя, когда другой человек, находясь вместе со мной в социальной среде, свыкся с этими вещами, когда он понимает жесты. Только тогда мы возрождаемся из бессилия, ощущаемого уже в речи, и празднуем воскресение, когда мы понимаем, что в то время как мы открываем рот, мы уже должны быть христианами. То, что создано из Слова, из Логоса в процессе развития, это только тогда понимается, когда Логос снова связывают с Христом. Если мы осознаем: наше тело, становясь орудием речи, вынуждает истину отчасти умереть на наших устах, но мы оживляем её снова во Христе, осознавая, что должны одухотворить её, то есть мыслить её вместе с Духом — не принимать речь как таковую, но мыслить её вместе с Духом. Этому мы должны научиться, мои дорогие друзья!

Я не знаю, *позволит ли завтра время публично привлечь внимание* к этим вещам. Я бы это охотно сделал, но хочу сначала высказать это здесь. Если я завтра должен буду повторить это ещё раз, пусть это вам не мешает. То что я прежде в разных местах публично говорил, я хочу сначала высказать здесь. Видите ли, можно сделать удивительное открытие. Я хочу охарактеризовать это на примере одного особого случая. Я достаточно хорошо изучил действительно *очень интересные статьи, написанные Вудро Вильсоном*, лекции об американской истории, американской литературе, американской жизни. Можно сказать, что Вудро Вильсон великолепно, мощно описал картину развития Америки, как оно продвигалось с американского Востока на Запад. Он пишет совершенно как американец, и эти лекции, заново переработанные в статьи, действительно очень привлекательны, «Просто литература» («*Mere Literature and Other Essays*») — вот как названы они. Читая эти статьи, можно изучить американский характер, ибо Вудро Вильсон является самым типичным американцем. Далее я сравнил — можно было сделать совершенно объективное сравнение — многое в статьях Вудро Вильсона с изречениями, например, *Германа Гримма*, человека, который целиком и полностью является самым типичным немцем XIX столетия, типичным жителем Средней Европы XIX столетия. Этот человек своей манерой письма представляется мне симпатичным, тогда как Вудро Вильсон мне совершенно не симпатичен. Однако это, замечу мимоходом, чисто личное отношение. Мне нравится литературный стиль Германа Гримма, и я ощущаю какое-то внутреннее сопротивление по отношению к литературному стилю Вудро Вильсона — но при этом следует, между прочим, быть объективным: типичный американец Вудро Вильсон пишет совершенно блестяще, великолепно, особенно о развитии американского народа. — И затем, когда я сравнил статьи Вудро Вильсона и Германа Гримма, где оба писали о методе истории, я обратил внимание на нечто иное. Можно взять предложения, написанные Вудро Вильсоном, и убедиться, что они звучат совершенно так же, почти дословно с предложениями, написанными Германом Гриммом. Можно взять предложения, написанные Германом Гриммом, и перевести их в такие же предложения, написанные Вудро Вильсоном — они звучат совершенно одинаково. Всякий плагиат исключен! Ведь речь идет совсем не о том, что я намекаю на плагиат: это совершенно исключено. Здесь намечается пункт, где, чтобы не впасть в буржуазность, филистёрство, следует понять: когда двое говорят одно и то же, это не есть одно и то же! — Возникает проблема: что же это за странность, что Вудро Вильсон описывает своих американцев куда более убедительно, более реалистично, нежели делает это, описывая по своему методу историю, Герман Гримм, хотя Вудро Вильсон в своём описании говорит теми же словами, что и Герман Гримм? Почему это происходит? Это действительно становится проблемой.

Сталкиваясь с подобными вещами, обнаруживают следующее. Изучая стиль Германа Гримма, замечают: каждое предложение обрабатывается индивидуальным образом, каждое предложение говорит об индивидуальной личности! Через всё это проглядывает культура XIX века, но непосредственно из самой души сознательной. Вудро Вильсон пишет блестяще, однако он одержим чем-то в самом своем подсознании. Здесь налицо демоническая одержимость. В его подсознательном находится нечто, внушающее ему то, что он пишет. Демон, который появился в американце XX столетия, говорит через его душу. Отсюда великолепие, властность!

Сегодня, когда ленивое человечество так часто говорит, прочтя что-нибудь: я это там-то и там-то прочёл, человечество стремится оценить только содержание. Однако теперь мы живем в такое время, когда нужно научиться понимать, что совсем не так уж много зависит от содержания, а зависит от того, кто это говорит; нужно узнавать человека по тому, что он говорит, так как слова суть жесты, и нужно знать, кто создает эти жесты. Вот то, во что человечество должно вжиться. Здесь, в самой обычной жизни, кроется грандиозная во всех отношениях мистерия, мои дорогие друзья. Существует различие в том, завоёвываю ли я своим «я» предложение за предложением, или они внушаются мне снизу или сверху, с той или иной стороны. Например, внушенное действует даже более суггестивно, так как человек по отношению к тому, что завоёвано, должен сам завоевывать себе каждую фразу. И приближается время, когда не надо будет всматриваться только в чисто словесное содержание того, что стоит перед душой, но надо будут всматриваться, прежде всего, в тех, кто говорит то, или иное, будут обращать внимание не на внешнюю физическую личность, а на всю совокупность человечески-душевных взаимосвязей.

Когда люди сегодня спрашивают: Как мне найти Христа? — тогда необходимо дать следующий ответ. Христос постигается не каким-либо мудрствованием и не удобной мистикой, а тогда, когда имеется духовное мужество непосредственно поставить себя в жизни. И в этом случае вы должны почувствовать бессилие также и относительно речи, бессилие, в которое вас приводит ваше тело, поскольку оно есть носитель речи. И только после этого может наступить воскресение Духа в Слове. Вот в чем дело. *“Буква мертва, Дух животворит”* — это выражение часто неправильно понимается. Уже звук убивает. Дух надо снова сделать живым, посредством того, что человек в отдельных переживаниях конкретно связывают себя с Христом и с Мистерией Голгофы. На этом первом шаге находят Христа: ищите не только в том, когда тут и там стоят прекрасные слова, смотрите не на содержание слов, — сегодня люди привыкли это делать, — нет, ищите человеческие взаимосвязи, смотрите, из какого места выходят слова, кто их произносит. Это становится всё более и более важным. Если бы некоторые среди нас осознали это, мы бы не слышали так часто: некто рассуждает совершенно по антропософски или по теософски, почитайте вот это. — Это зависит не от того, что за слова стоят, а каким духом они сказаны. В антропософии мы хотим распространять не слова, а новый Дух, тот Дух, который должен быть Духом христианства XX века.

Это, мои дорогие друзья, хотел бы я добавить. Я счастлив, что смог изложенное здесь присоединить к тому, о чём я уже говорил неделю назад, и что я мог говорить об этих касающихся всех нас вещах. Я надеюсь, что мы в самое ближайшее время сможем здесь, в Цюрихе, снова продолжить эти рассуждения в нашей ветви. В этом смысле мы всегда думаем, даже, будучи пространственно отделёнными друг от друга: мы, как антропософы, душевно находимся вместе, и в этом смысле мы хотим всегда оставаться в Духе человечества, который должен править и действовать здесь, оставаться верными друг другу.

Примечания

Основа текста : лекции в Берне и Цюрихе были записаны профессиональной стенографисткой Еленой Финкх, другие — госпожой Геддой Гуммель. Только стенограф гамбургской лекции неизвестен. Печатный текст соответствует тексту, расшифрованному указанными стенографистами.

Заголовки лекций были даны не Рудольфом Штейнером. Лекции от 10 февраля, 30 апреля, 9 и 16 Октября были озаглавлены Марией Штейнер, остальные — издателем данного тома Полного Собрания.

Слова в квадратных скобках [] вставлены издателем

Отдельные издания:

Нюрнберг, 10 февраля 1918 в «Смерть как перемена жизни», Дорнах 1941; Ульм, 30 апреля 1918 «Знамена времени» Дорнах 1950; Цюрих, 9 октября 1918, «Что делает Ангел

в нашем астральном теле?», Дорнах 1936; Цюрих, 9 и 16 октября «Что делает Ангел в нашем астральном теле?», «Как мне найти Христа?», Штутгарт, 1949; Дорнах 1963; 1970; 1975; 1981; 1986; Цюрих, 16 октября 1918, «Как мне найти Христа?», Дорнах 1936

Публикации в журналах

Нейденхейм, 29 апреля 1918 в «Гётеанум» 1940, 19 год издания №№ 32–36; Ульм, 30 апреля 1918 в журнале «Что происходит в Антропософском Обществе» («Листок сообщений») 1939, 16 год издания №№ 28–32; Гамбург, 30 июня 1918, в журнале «Что происходит в Антропософском Обществе?» («Листок сообщений») 1940 год издания №№ 26–32

Примечания

к странице

4..... *В одной из прежних лекций; Берн*, 9 ноября 1916 «Связь между живыми и умершими», ПС библ. № 168 с тем же заглавием.

В том Венском цикле; «Внутреннее существо человек и жизнь между смертью и новым рождением», ПС библ. № 153

6..... *Указания на это есть в моей книге «Теософия» («Духоведение») ; (1904) ПС библ. № 9 глава «Три мира», 1 Душевный мир.*

9..... *Завтра я буду говорить об этом даже в открытой лекции . ; Берн 30 ноября 1917 «Результаты духовной науки относительно идеи свободы и социально нравственной жизни» (не напечатана, предусмотрена в ПС библ. № 72)*

14..... *И вчера я даже в открытой лекции обращал внимание на то ; «Действие душевных сил в человеке и их связь с его вечной сущностью. Результаты духовной науки относительно существа человека» Берн, 28 ноября 1917; (не напечатана, предусмотрена в ПС библ. № 72)*

17..... *цикле лекций, где речь шла о жизни между смертью и новым рождением : «Жизнь между смертью и новым рождением в отношении к космическим фактам» ПС библ. № 141*

18..... *можно уместить на четверти страницы ; Адольф фон Гарнак, 1851–1930, сказал буквально следующее: «Наши источники, возвещающие Иисуса составляют, если не считать важного свидетельства Апостола Павла, три первых Евангелия. Всё остальное, что знаем мы об истории и проповеди Иисуса помимо этих источников, можно было бы уместить на четверти листа, настолько мал объём этих сведений» в «Сущность христианства», Лейпциг 1901 стр.13.*

достойную внимания книгу одного теолога : «От Реймаруса до Вреде», Альберт Швейцер, Тюбинген, 1906, (Заглавие во втором издании «История исследований о жизни Иисуса»)

Сократ : Сократ (др. — греч. Σωκράτης, ок. 469 г. до н. э. , Афины — 399 г. до н. э. , там же) — древнегреческий философ , учение которого знаменует поворот в философии — от рассмотрения природы и мира, к рассмотрению человека. Приговорён к смерти за «развращение молодежи» и «непочитание богов». Его деятельность — поворотный момент античной философии. Своим методом анализа понятий (майевтика , диалектика) и отождествлением добродетели и знания он направил внимание философов на безусловное значение человеческой личности. Сократ был сыном каменотёса (скульптора) Софрониска [1] и повитухи Фенареты, у него был брат по матери Патрокл. Получил разностороннее образование. Был женат на женщине по имени Ксантиппа . Принимал активное участие в общественной жизни Афин. Участвовал в Пелопоннесской войне — с ржался под Потидеей и при Делии . Был учителем и старшим другом афинского политика и полководца Алкивиада . В 399 до н. э. ему было предъявлено обвинение в том, что «он не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество». Как свободный афинский гражданин, не был подвергнут казни, а сам принял яд (по распространённой легенде, настой цикуты , но — если судить по симптомам — б олиголова пятнистого).

Цезарь; Гай Юлий Цезарь (лат. *Dictator Gaius Iulius Caesar* — Диктатор Гай Юлий Цезарь) (12 июля 100 или 102 до н. э. — 15 марта 44 года до н. э.) — д ревнеримский государственный и политический деятель, полководец , писатель .

19..... *Лессинг*: ЛЕССИНГ Готфрид Эфраим [Gottfried Ephraim Lessing, 1729–1781] — немецкий писатель, один из крупнейших представителей литературы европейского Просвещения. Родился в саксонском городке Каменец в семье пастора. С 1746 — студент Лейпцигского университета; в 1748 Лессинг переезжает в Берлин, где сближается с просветителями Мендельсоном и Николаи. Занимается переводами, сотрудничает в газете. В 1751 в Виттенберге получает звание магистра. В 1760 принимает должность секретаря при губернаторе Силезии. В 1767–1769 Л. участвует в организации Гамбургского национального театра. С 1770 Л. заведует Вольфенбюттельской герцогской библиотекой. Вольфенбюттельской период принадлежит к числу наиболее тяжелых в его жизни. Надломленный физически, он умирает в 1781 в Брауншвейге. Незадолго до смерти написал статью «Воспитание человеческого рода», одним из первых в германской литературе и философии развил идею реинкарнации.

Вреде : ВРЕДЕ (Wrede) Вильям (1859–1906), нем, исследователь НЗ, близкий к идеям либерально–протестантской школы экзегезы. Учился у Геттингене, где потом получил должность инспектора богосл. школы. В 1893–1906 — проф. НЗ в ун–те Бреслау. А. Швейцер включает В. в список авторов 18–19 вв., пытавшихся дать реконструкцию жизни и учения «исторического Иисуса». В. утверждал, что для понимания Евангелия необходимо изучить не только канонич. книги ВЗ, но и весь имеющийся корпус иудейской письменности и эллинистич. влияния, которые в ней отразились. «Именно иудейство, — писал он, — а не просто Ветхий Завет, является, с точки зрения религиозной истории, фундаментом христианства». (см. досье отца Александра Меня)

отобразил это событие в первой Дrame—Мистерии: п ервая Дrama—Мистерия Рудольфа Штейнера «Врата посвящения» ПС библи № 14

22.....*о демоне Сократа* : см. Платон «Апология Сократа»

«Духовное водительство человека и человечества» .: (1911) ПС библи № 15

В моей новой книге «О загадках души »,: (1917, ПС библи № 21), *где во второй главе идёт речь об индивидууме, ученом Дессуаре* : вторая глава озаглавлена «Макс Дессуар об антропософии» и является возражением на его высказывания и критику в адрес тайноведения в книге «С той стороны души», Штутгарт 1917

26..... *программа мира исходила от наместника Христа на Земле* : к третьей годовщине от начала войны 1 августа 1917 года Римский Папа Бенедикт XV направил воюющим сторонам предложения о мире.

этой подлой клеветы. : с м. лекции от 11–13 мая 1917 в «Духовные подспудные основы Первой Мировой войны» ПС библи. № 174 b.

30..... *«Теософия» («Духоведение»)* ; см Примечание к стр.6

34..... *«Как достигнуть познания высших миров?»* : (1904–05) ПС библи. «№ 10

34–35.... *почему Ветхий Завет категорически воспрещает людям общаться с умершими;* 5 книга Моисеева гл.18, 10: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мёртвых. Ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это и за сии то мерзости Господь, Бог твой изгоняет их от лица твоего». См. также 1 книга Царств гл.28, 7–25 (Андзорская волшебница и царь Саул).

37..... *Годы тому назад я, опираясь на некоторые представления Гёте о внешнем человеческом физическом организме, выступал перед большим числом наших друзей во время Генерального Собрания в Берлине* : См. «Антропософия, психософия. пневматософия», 12 лекций, Берлин 190–9-1911 библи. № 115

39..... *Рихард Вагнер осознавал эти вещи, на что указывают его слова: здесь время становится пространством* : Вильгёльм Рихард Вагнер (нем. *Wilhelm Richard Wagner* ;

22 мая 1813 , Лейпциг — 13 февраля 1883 , Венеция) — великий немецкий композитор , дирижёр , драматург (автор либретто своих опер), философ . Крупнейший реформатор оперной музыки. Оказал значительное влияние на европейскую культуру рубежа веков, особенно на модернизм и декадентство . Цитата «Здесь время становится пространством» является словами Гурнеманца из первой части «Парсифаля».

47..... слова Евангелия: *«Не ищите во внешнем...Царство Духа посреди вас есть»* Л к; 17,20 В каноническом переводе на русский: «...не придет Царствие Божие видимым образом. И не скажут: «вот оно здесь» или «вот там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть».

54..... в одной из открытых лекций в Штутгарте : 24 апреля 1918, «Сверхчувственный человек и вопросы свободы воли и бессмертия по результатам духовной науки», см. соответствующая лекция в Берлине от 18 и 20 апреля 1918 «Вечное в человеческой душе. Бессмертие и свобода», ПС библ. № 67

58..... что при Пифагоре называли музыкой сфер : Пифагор Самосский (570–490 гг. до н. э., иногда указывают 582–493) — древнегреческий философ и математик , создатель религиозно–философской школы пифагорейцев . Ещё Геродот называл его «величайшим эллинским мудрецом».Основными источниками по жизни и учению Пифагора являются сочинения философа–неоплатоника Ямвлиха (242–325 гг.) «О Пифагоровой жизни »; Порфирия (234–305 гг.) «Жизнь Пифагора »; Диогена Лаэртского (200–250 гг.) кн. 8, «Пифагор ». Музыка сфер по Пифагору см. Р. Штейнер «Звучание духовного мира», лекция от 31 августа 1906 в цикле «У врат теософии» ПС библ. № 95. Возможно также, что в данном месте кое–что выпало из текста.

64..... как я однажды сказал в одной открытой лекции : 20 октября 1909 «Миссия благоговения» в «Метаморфозы душевной жизни» ПС библ. № 58

66..... Вудро Вильсон : 1856–1924, президент США с 1913 по 1921, в его правление США достигли политического могущества и диктовали свою волю послевоенной Европе; в январе 1918 г. выдвинул так называемые 14 пунктов — программу мирного переустройства Европы, содействовал развалу Австро–Венгрии и Российской империи; по настоянию его ближайшего советника полковника Хауса был освобожден Л. Бронштейн–Троцкий, задержанный в канадском порту с 20 млн долларов, полученными от американского банкира Якова Шиффа для поддержки революции в России.

68..... что совместно делают в этом городе Ульме друзья нашего движения : лекция была прочитана в связи с освящением ветви в Ульме.

70..... что я часто высказывал как наиболее важное : см. например, лекция в Берлине 30 октября 1913 в «Духовная наука как жизненное благо» ПС библ. № 63 «Пронизать тело культуры духом и душой — вот цель духовной науки»

72..... Один человек, который был в последние годы значительным руководителем мало результативного «Общества этической культуры» : об отношении Р. Штейнера к В. Форстеру и Георгу фон Гицики, в 1892 основавшим «Германское общество этической культуры» см. «Мой жизненный путь» (1923–25) ПС библ. № 28 и «Сборник статей о культуре и истории современности» ПС библ. № 31

75..... Фридрих Ницше : Фридрих Вильгельм Ницше (нем. *Friedrich Wilhelm Nietzsche* , 15 октября 1844 (18441015), Рёккен , Пруссия — 25 августа 1900 , Веймар , Германия) — немецкий философ , поэт, композитор [2] , культуролог , представитель иррационализма . Он подверг резкой критике религию , культуру и мораль своего времени и разработал собственную этическую теорию. Ницше был скорее литературным, чем академическим философом, и его сочинения носят афористический характер. Философия Ницше оказала большое влияние на формирование экзистенциализма и постмодернизма , и также стала весьма популярна в литературных и артистических кругах . Интерпретация его трудов довольно затруднительна и до сих пор вызывает много споров. См. Р. Штейнер «Фридрих Ницше как борец против своего времени» ПС библ. № 5

76..... последовал за великой атлантической катастрофой, имели люди (древне)

индийской культуры, — иные, опять—таки немного позднее, люди (древне) персидской культуры, : см. Р. Штейнер «Очерк тайноведения», 1910 ПС библи. № 13

78..... *простым человеком из Назарета* : Густав Френсен (1863–1945), евангелический пастор, автор романов, говорил о «*простом герое из Назарета*», «Сельские проповеди» 2 изд. Т. 1 Гёттинген 1900

79..... *начиная с девятого столетия, от остальной Европы отодвигается на Восток то, что должно сохраниться, то, что не должно было быть пожрано (angefressen) Западом*: в девятом веке началось освобождение Восточной Византийской Церкви от Рима

троцкизм или ленинизм : под руководством Ленина (1870–1924) и Троцкого (1879–1940) в 1917 г. в России состоялся большевистский переворот.

80..... *Рабиндранат Тагор* : 1861–1941, индийский поэт и философ. «Дух Японии» опубликовано в «Прусском ежегоднике» Еленой Майер—Франк т.171, тетрадь 1, январь 1918

82..... *границы познания* : новая философия с Канта акцентирует «границы познания», см. Дюбуа Раймонд «Ignoramus et ignorabimus» (Мы этого не знаем и никогда не узнаем).; см. Р. Штейнер «Философия свободы» (1894) ПС библи. № 4; «Загадки философии» (1914) ПС библи. № 18; «Границы познания» ПС библи. № 322

83.....«*О загадке человека*», : (1916) ПС библи. № 20

Лессингу, Гердеру, Гёте, Шиллеру : Лессинг см. примечание к стр 19; Иоганн Готфрид Гердер (нем. *Johann Gottfried Herder* , 25 августа 1744 , Морунген , Восточная Пруссия — 18 декабря 1803 , Веймар) — выдающийся немецкий историк культуры, создатель исторического понимания искусства, считавший своей задачей «все рассматривать с точки зрения духа своего времени», критик, поэт второй половины XVIII века .; Иоганн Вольфганг фон Гёте (нем. *Johann Wolfgang von Goethe* ; 28 августа 1749 , Франкфурт-на-Майне , Германия — 22 марта 1832 , Веймар , Германия) — великий немецкий поэт , государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель : Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер (нем. *Johann Christoph Friedrich von Schiller* ; 10 ноября 1759 , Марбах-на-Неккаре — 9 мая 1805 , Веймар) — великий немецкий поэт, философ, историк, теоретик искусства и драматург, представитель романтического направления в литературе.

Прочтите у Гердера : «Древнейшие документы человеческого рода», Рига 1774 часть 1 план 3, где буквально значится: «Древнее великое откровение Бога является тебе каждое утро как факт», «Картина утренней зари. Образ будущего дня» См. далее стихотворение Гердера «Творение. Утренняя песня» 1773

84..... *Ку—Хунг-Минг* : « Дух китайского народа и выход из войны», перевод Оскара Шмитца, Йена 1916

на вершину Общества Гёте был поставлен человек, который раньше был министром финансов : Государственный министр и министр финансов Пруссии, Оберпрезидент Рейнской провинции Георг Крейцвендедих барон фон Рейнбабен

85.... *одну книгу, которая несчастным образом вышла в собрании «Из мира природы и духа»*: том 638 «Вера в звёзды и толкование звёзд. История и сущность астрологии», профессор Франц Болл при содействии проф. Карла Бецоляда Лейпциг и Берлин 1918

ругает и чернит эту маленькую книжицу : Фриц Маутнер в «Берлинском ежедневнике», 47, год 1918, № 161, от 28 марта, вечернее издание.

Пару дней спустя автор : Франц Болл в том же самом ежегоднике № 192 от 16 апреля 1918, утреннее издание

97... *Ллойд Джордж* : Давид Ллойд Джордж, 1883–1945, министр с 1905, премьер—министр 1916–1922

Кэмпбелл—Баннерман : сэр Генри Кэмпбелл—Баннерман 1836–1908, английский премьер—министр с 1906 по 1908

98.... *Маттиас Эрцбергер* : 1875–1921, государственный деятель

99.... *Я указывал в одной статье, которая появится теперь в виде маленькой книжки «Духовный склад Гёте в его откровении в «Фаусте» и сказке о Змее и Лилии* : (1918) ПС

библ. № 22

«Я философию постиг» : «Фауст», Комната для занятий

102.... *Минор, который написал интересную книгу о Гёте* : Якоб Минор, 1855–1912, германист, написал книгу «Фауст Гёте» в 2 томах 1901

103... *пример, из которого, в сущности, развился психоанализ* : «Психология бессознательных процессов», К. Г. Юнг, Цюрих 1917

105.... *Отто Вейнингер* : 1880–1903 философ, «Пол и характер» Вена 1903

если вы читаете его последнюю книгу : «О последних вещах» издание Мориц Раппопорт, Вена 1907. Буквально цитата звучит так: «Возможно, что воспоминания о нашем состоянии перед рождением отсутствуют постольку, поскольку мы слишком глубоко погружаемся вследствие рождения: мы теряем сознание, мы вынуждены родиться принудительно, без нашего разумного решения и знания; вот почему мы совсем ничего не знаем о прошлом».

108....«*О загадках души*»: 1917, ПС библ.№ 21

Дессуар (Dessoir) Макс (8.2.1867, Берлин — 19.7.1947, Кенигштейн, Таунус, Германия) — немецкий эстетик и психолог.

в последнем номере кантианского журнала : имеется в виду философский журнал «Штудии Канта», 22 год издания, тетрадь 4 с обсуждением книги Дессуара «С той стороны души» Эмилием Ульцем, Росток стр.464

109..... *деньги перетекали к народам окраин, на Восток* : об упадке римского денежного обращение в раннем средневековье, валютные нарушения и т. д.см. например Гальбриаф, «Деньги, откуда они приходят и куда уходят» Мюнхен 1976

110..... *цикл лекций, который я прочёл однажды в Берлине* : «Человеческая и космическая мысль», 4 лекции, Берлин 1914, ПС библ. № 151

современный журнал «Прусский ежегодник» : «Мировая война как мировоззрение», Эрнст Рольфс в Оснабрюке. Прусский ежегодник том 172 тетрадь 3 Берлин июль 1918

113..... *Оскар Гертвиг* : 1849–1922, анатом, «Становление организма. Опровержение дарвинской теории случайности», Йена 1916, «В защиту этического, социального и политического дарвинизма», Йена, 1918

Гиббон : Эдуард Гиббон, 1737–1794, английский исторический писатель «История распада и падения Римской Империи» 6 т. Лондон 1782–1788

114..... *Трейчке* : Генрих фон Трейчке, 1834–1896, немецкий исторический писатель

Вот почему Трейчке сказал : «Что осознанно или бессознательно лгут в английских и французских газетах, является удручающим доказательством часто повторяемого утверждения Трейчке, что движущими силами истории являются страсти и глупость» (Э. Рольфс, см примечание к стр.110)

116..... *Гельмгольц* : Герман фон Гельмгольц, 1821–1894, физиолог и физик, изобретатель офтальмоскопа

122..... *в "Очерке тайноведения"* : (1910), ПС библ. № 13

141..... *Вы знаете из моей книги "Христианство как мистический факт"* : 1902, ПС библ. № 8

Адольф фон Гарнак : Адольф фон Гарнак (Карл Густав), (нем. *Harnack, Adolf von* , 7 мая 1851 , Дерпт, ныне Тарту , Эстония — 10 июня 1930 , Берлин) — лютеранский теолог либерального направления, церковный историк, автор фундаментальных трудов по истории ранней христианской литературы и истории догматов .

142.... *человечество воспитывалось к тому — если мы можем выразиться по Лессингу* : см. Лессинг, «Воспитание человеческого рода», 1780

145..... *Тертуллиан* : **Тертуллиан** Квинт Септимий Флоренс (Quintus Septimius Florens Tertuilianus) (около 160, Карфаген, — после 220, там же), христианский богослов и писатель. **Тертуллиан** Квинт Септимий Флоренс (Quintus Septimius Florens Tertuilianus) (около 160, Карфаген, — после 220, там же), христианский богослов и писатель. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (Quintus Septimius Florens Tertuilianus), род. около 160, Карфаген, — ум.

после 220, там же, христианский богослов и писатель. См. его труд в защиту христиан «Апологетика»

«Распят был Сын Божий» : Тертуллиан «О плоти Христа» (см. Уильям, «История идеализма» т 2)

148..... автор *Апокалипсиса* говорит о том : Апокалипсис, гл 13–18

149..... *Юстиниан I*: Флáвий Пётр Саввáтий Юстиниáн (греч. Φλάβιος Πέτρος Σαββάτιος Ιουστινιανός, лат. *Flavius Petrus Sabbatius Iustinianus*), более известный как Юстиниáн I (483 , Тавресий (Верхняя Македония) — 14 ноября 565 , Константинополь) — император Византии (Восточной Римской империи) с 1 августа 527 вплоть до своей смерти в 565 году. В старой литературе часто именуется *Юстинианом Великим* . Православной церковью считается святым, также почитается некоторыми протестантскими церквями. Юстиниан — один из наиболее значимых правителей поздней античности . Его правление знаменует собой важный этап перехода от античности к средневековью и, соответственно, перехода от римских традиций к византийскому правлению. В 529 закрыл философскую Афинскую школу, яростно преследовал религиозное инакомыслие. По его приказу был построен храм св. Софии в Константинополе (Стамбул). В конце жизни стал афтеродокетом и притеснял Церковь (см. Карташов «Вселенские Соборы»)

Зенон Исаврянин : Зенон Исавр (Зион, первоначальное имя Тарасикодисса, ок. 435–491) — в изантийский император (474–475 , 476–491). В его царствование была упразднена Западная Римская империя (476), после чего Византия осталась единственной преемницей Рима. Эдиктом 489 г. закрыл философскую школу в Эдессе.

Нисибин и Гондишапур: русская транскрипция для города Nisibis; когда в 489 г. Эдесская школа была закрыта, ее преподаватели переселились в Персию, в школы Нисибина и Гондишапура.) «Семеро последник *неоплатоников* , изгнанные из Афин, находят приют у персидского царя Хосрова Ануш—Равана и основывают в 533 году новую Академию на юге Ирана в городе Гондишапур, восточнее Сузы. Гондишапур — царская резиденция; здесь за два с половиной века до этого был распят *Мани* , отсюда же в ряде столетий координировалось последовательное истребление манихейского гнозиса.» «Гондишапур, уже с III века обнаруживающий явные признаки «*научного городка* », в самом скором времени претендует на роль некой центральной точки в географии научных миграций; еще до обнаружения вкуса к делам философским это — крупнейший медицинский центр, настоящая *Civitas hippocratica*, включающая единственную в своем роде больницу («*Бимаристан* ») с собственной аптекой и чем-то вроде «*научно-исследовательского института* ». Здесь, по всей вероятности, следовало бы искать зачатки фармацевтики и парфюмерии; отсюда вырастает мировое значение шахмат; сахар, играющий столь выдающуюся роль в маго—мифическом лексиконе всего ближневосточного этоса, связан с Гондишапуром первым «*сахарорафинадным заводом* » Гондишапур — перекресток влияний; уже к VI веку здесь налицо полный состав створенных в каком-то чудовищном синтезе элементов: зороастризма, христианства, неоплатонизма, буддизма и даосизма — настоящий двойник Александрии, но с каким противоположным заданием!» (см. К. Свасян «Становление европейской науки»)

150..... *Мухаммед*: Мухáммад (араб. محمد [m u h a mmæd] , в русском языке чаще употребляется передача Мухáммед , Магомét (Магомéd) (галлицизм , распространённый в русской литературе), Мохáммед; род. 20 (22) апреля 571 года (по некоторым источникам 570), 12 числа месяца рабиуль-авваль , в понедельник, незадолго до восхода солнца, Мекка — у м. 8 июня 632 года , Медина) — арабский проповедник единобожия и пророк ислама , центральная (после единого Бога) фигура этой религии; по учению ислама Мухаммеду Бог ниспослал его священное писание — Коран . Также политический деятель, основатель и глава мусульманской общины (уммы), которая в процессе его непосредственного правления составила сильное и достаточно крупное государство на Аравийском полуострове .

151..... *Святой Павел* очень много говорил об этом жале : например см. Послание к Коринфянам гл 12–7

импульс Гондисианура — этот новоперсидский импульс, несвоевременно извлеченный импульс Заратустры..... Человечеству была привита болезнь, которая, если она развивается в нем, то приводит к отречению от Бога Отца. : Новоперсидский импульс особенно актуален для России, так как будущая русско-славянская культура связана с древнеперсидской. Именно этот импульс был отчасти реализован в атеистическом СССР — примеч. перев.

153..... в 869 году на восьмом вселенском (мнимо-вселенском — примеч. перев.) Соборе в Константинополе догматически постановила : В канонах против Фотия («*Canones contra Photium*») на этом, созванном против Патриарха Константинопольского Фотия Соборе в Кан. 11 утверждалось, что человек имеет не «две души», «но единую, животную, рассуждающую и интеллектуальную» (*unam animam rationabilem et intellectualem*) Очень ценимый Рудольфом Штейнером католический философ Отто Вильман в своём трехтомном труде «История идеализма»(изд. 1 Брауншвейг 1894, параграф 54 «Христианский идеализм как завершение античного» том 2 стр 111) пишет: «К впечатляющим отклонениям трихотомии церковь относит распространяемое гностиками и павликианами заблуждение о разнице между пневматическим и психическим человеком, которое они считают признаком их совершенства, и которое они декларируют христианам, соблюдающим законы церкви». См. также упоминания о Константинопольском Соборе у Р. Штейнера ПС библ. №№ 174а, 174b, 191, 194, 203.

«В греческом мире существовало представление о том, что у человека есть две души: низшая греховная душа и высшая душа. В идее высшей души, которая божественного рода и безгрешна, усматривается принцип духа, который для греков еще всецело связан с духовным миром. Это воззрение развивал византийский патриарх Фотий (ок. 820–897) и оно подвергалось нападкам со стороны Рима. В 869 г. оно было осуждено как ересь на восьмом экуменическом соборе в Константинополе. Этим осуждением декларировалось, что человек имеет только **одну** душу. Восточная Церковь вообще не признает этот собор.» (Г. Сальман, «Исцеление Европы» т 1)

При Патриархе Фотии происходило несколько Соборов: Двукратный собор 861 г, признавший Фотия Патриархом; собор против Папы Николая I в 867 г, где обсуждались латинские отклонения от церковных правил и Символа веры — прибавка к Символу «*filioque*». СОБОР 869 года в Константинополе, в храме св. Софии, восьмой, или мнимо-вселенский, осудивший Фотия, а Римский Папа признан орудием Св. Духа неподсудным Вселенскому Собору. Наконец, Собор в храме св. Софии в 879 году, из 383 епископов, папских легатов и представителей всех Патриархов; торжественно восстановил Патриарха Фотия, осудил «восьмой» мнимо-вселенский собор 869 г. и изменения в Символе. Авторитет Соборов, бывших при Патриархе Фотии Востоком и Западом оценивается по-разному. Паписты признают весомым Вселенским собором собор 869 г, хотя он был осужден ими же самими на Соборе 879 г. Напротив, Православная восточная Церковь считает его ничтожным, а принимает Двукратный Собор 861 г. и Собор 879–880 гг; их авторитет стоит в Восточной Церкви наравне с авторитетом Вселенских Соборов (см. С. В. Булгаков, «Православие», Москва 1912 г. перепечатка 1994 стр.257–259)

156... *Ангел Силезский* : Иоганн Шеффлер, 1624–1677, немецкий поэт-мистик «Херувимский бродяга»

157... *Иоганном Мюллером* : Иоганн Мюллер, 1864–1949, «философ жизни», автор многочисленных книг о религиозных и социальных проблемах.

Однако они переживают только Бога Отца и то только в исключительно ослабленном виде : не следует усматривать в данных словах противоречие с тем, что было сказано о молитве «Богу» — а на самом деле Ангелу или самому себе: «я» человека получено от Элохима Яхве, который в своё время олицетворял Отца

158...*Поэт почувствовал это, сказав:* Фридрих Шиллер, «*Tabulae votivae*», Sprache. «*Warum kann der lebendige Geist dem Geist nicht erscheinen! Spricht die Seele so spricht ach! schon die Seele nicht mehr.*» «Говорит душа, так говорит, ах! Она уже больше не душа»

Двустилие “Язык” (“Sprache”) из цикла “Tabulae votivae” (Aus den Votivtafeln; Памятки. 1796): “В чем причина, что творческий дух не откроется духу? / Речь обретает душа, быть переставши душой”. (Ср.: И. Х. Ф. Шиллер. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 151. Пер. Н. Вильям—Вильмонта). Вторая строка читается: *Spricht die Seele, so spricht, ach! schon die Seele nicht mehr.*

159... *эвритмия, которая делает всего человека гортанью* : см. Р. Штейнер «Эвритмия, откровение говорящей души», ПС, библи. № 277

позволит ли завтра время публично привлечь внимание : в лекции от 17 октября 1918 «История нового времени в свете духовнонаучного исследования» в цикле «Обобщение современной науки посредством антропософии», 8 открытых лекций, Цюрих 1917–18 ПС библи. № 73

очень интересные статьи, написанные Вудро Вильсоном : «Просто литература» («*Mere Literature and Other Essays*») немецкий авторизованный перевод Ганса Винанда, Мюнхен 1913 под заглавием «Только литература. Взгляды одного американца»

Германа Гримма : Герман Гримм, 1838–1901, немецкий историк искусства, см. также в лекции от 30 марта 1918, Берлин, в цикле «Умирание Земли и жизнь мира. Жизненные дары антропософии. Потребности сознания для современности и будущего» ПС библи. № 181

161..... *Буква умертвляет, Дух животворит* : 2 Послание к Коринфянам, гл 3–6

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

